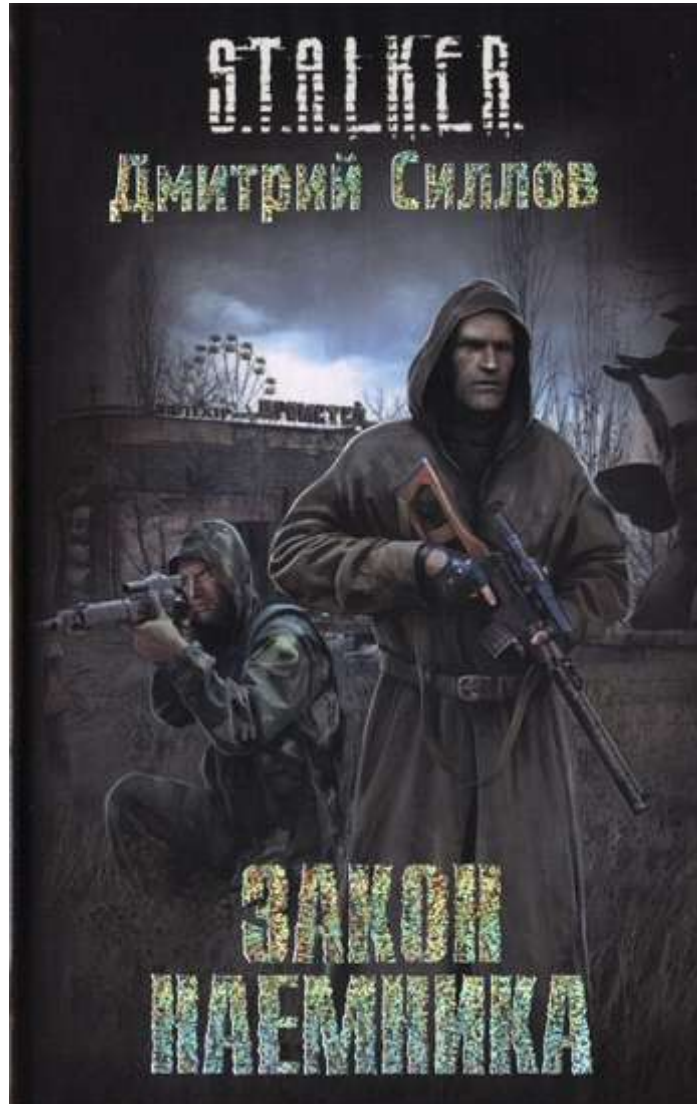

**Дмитрий Силлов
Закон наемника**

S.T.A.L.K.E.R. – 64

СТАЛКЕР

**Дмитрий Силлов
ЗАКОН НАЕМНИКА**

*Автор искренне благодарит замечательного писателя
Александра Мазина за бесценные советы и рекомендации, полученные*

от него в процессе написания романа, а также Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за неоценимую помощь в создании этой книги.

Пролог

По берегу реки полз человек. Справа катила свои тяжелые воды хмурая Припять. Слева возвышался берег, заросший низкорослыми, кривыми, изуродованными радиацией деревьями с наполовину вылезшими из земли корнями, похожими на искалеченные конечности осьминогов.

И река, и берег уходили вдаль, к близкому горизонту. Лишь руку протяни — и вот он, словно верхушка забора, за которым, возможно, ждет спасение от нестерпимого жара, бушующего в области живота.

Человек полз по самой границе между водой и берегом. Вода частично гасила жар, суша давала надежду. На что? Человек не задавал таких вопросов, требующих сложных ответов. Ведь если начать думать, то можно не выдержать и обернуться. А делать этого нельзя ни в коем случае. Поэтому он просто медленно, очень медленно протягивал руки к горизонту, вонзал пальцы в мокрую землю и из последних сил тянул вперед свое непослушное тело.

Зачем он это делал? Кто его знает. Точно ответит на этот вопрос лишь человек, который когда-нибудь сможет говорить после того, как автоматная очередь взрежет его живот подобно самурайскому мечу при ритуале сэппуку — выпущенные в упор разрывные пули обычно ложатся очень близко друг к другу. Можно лишь догадываться... Наверно, очень страшно просто лежать на месте, баюкая в ладонях раздирающую боль и ожидая, когда стрелка часов твоего личного времени наконец, вздрогнув в последний раз, остановится навсегда. Поэтому раненый полз по незримой границе между сознанием и беспомощностью, между жизнью и смертью. А следом за ним лениво плыли по воде обрывки его кишечника, оставляя на поверхности Припяти размытые бледно-розовые кляксы.

Внезапно над его головой раздался знакомый звук...

Так жужжат сервомоторы современных экзоскелетов, и пока что даже самые продвинутые западные фирмы ничего не могут поделать с этим фактором, серьезно демаскирующим солдата при выполнении ответственных секретных заданий. Горизонт заслонили два тяжелых сапога, снабженных возле щиколоток мощными приводами. Сапоги были изрядно заляпаны грязью. О бронированный рант левого билась полураздавленная подошвой небольшая водяная сколопендра, пытаясь куснуть обидчика. Но челюсти, смахивающие на щипцы для колки орехов, безуспешно соскальзывали с брони, оставляя на ней желтые ядовитые разводы.

Человек сделал над собой усилие и приподнял голову.

— Проводник? — прохрипел он. В его тихом, еле слышном голосе теплился огонек надежды. Ведь даже на пороге смерти умирающий все еще живет — а значит, надеется.

Сверху, с неба на бьющуюся сколопендру обрушился стальной приклад, впечатав в грязь мутировавшее насекомое. Зеленоватая слизь брызнула в лицо раненому, обожгла кожу на щеке и на лбу. Человек вздрогнул от неожиданности.

— Проводник? — насмешливо переспросил голос с неба. Ехидно пискнули сервомоторы, неспешно отводя назад сапог, заляпанный раздавленной плотью речного мутанта.

Удара человек не почувствовал, лишь услышал, как хрустнули его лицевые кости. И сквозь накатывающую на него багровую и желанную волну беспомощности до него донеслись слова:

— Проводник, надо же! Ты даже представить себе не можешь, сука, как ты ошибся...

Островежные крыши уютных коттеджей ласкали теплые солнечные лучи, бережно высушивая дорогую черепицу после недавнего дождя. Помимо этого у лучей было много забот — побегать по лужам на черном, недавно положенном асфальте между заборами, поиграть в догонялки на мокрых лобовых стеклах автомобилей, которые хозяева поленились загнать в подземные гаражи. И, конечно, помочь малышу найти сверкающую серебристую лопатку, которую он потерял, заигравшись, и теперь сосредоточенно разыскивал, перекапывая желтый песок крохотными ладошками.

Рукоять лопатки торчала позади него, возле синего борта песочницы, но ведь искать всегда интереснее не там, где высока вероятность найти искомое, а там, где хочется. Впереди лежал огромный таинственный мир, ограниченный высоким забором цвета чистого, умытого дождем неба, и малышу хотелось исследовать его с начала и до конца. А погремушка была лишь поводом для раскопок, но никак не причиной.

— Миямото, сынок, ты опять весь в грязи по уши!

Ребенок вздохнул и как истинный самурай обреченно сел на пятую точку, готовясь принять неизбежное. Исследование мира откладывалось на потом, но что есть время для настоящего мужчины, принявшего бесповоротное решение? Так, песок, который неизбежность в лице матери стряхивает сейчас с его ладошек...

Отец ребенка усмехнулся своим мыслям, наблюдая в окно веранды, как его маленькая жена, подхватив Мишку на руки, упаковывает его в специальный рюкзак на животе, отчего малыш становится похожим на парашютиста-новичка, готовящегося совершить вместе с инструктором свой первый прыжок.

Много ли надо человеку для счастья?

Что ценнее: огромные счета в банках, личные самолеты, яхты и острова, обложки журналов Time и списки Forbes — или же скромная должность менеджера в филиале японской фирмы, торгующей автомобильными покрышками, и маленький коттедж на окраине провинциального городка, из окна которого видно, как любящая тебя женщина играет с твоим сыном? Спросите об этом счастливого отца и не удивляйтесь, когда он посмотрит на вас как на сумасшедшего. Хотя вряд ли посмотрит и едва ли услышит. Сейчас его взгляд, его мысли, чувства, да и весь остальной мир — это его маленькая семья, и больше ему ничего на свете не нужно.

Большая электронная собака размером с ослика увидела хозяйку, радостно вывалила синтетический язык и, оторвавшись от вдумчивого обнюхивания розовых кустов, бросилась к ней.

Мужчина улыбнулся. Он ни разу не пожалел, что год назад привез сюда это четвероногое недоразумение. Стальная зверюга полностью копировала собачье поведение, и все, что ей требовалось от жизни, — это электрическая розетка ночью и хозяйское внимание днем. В общем, собака и собака, хотя забор, укрывающий от любопытных взглядов, пришлось поставить монолитный, из бетона, высотой в два с половиной метра — к чему лишние распросы и слухи? Соседи, конечно, люди приличные, но безопасности никогда много не бывает.

Хозяйка погладила собаку и почесала за ухом, отчего та радостно заскулила. Настало время кормить малыша, и женщина совсем уже собралась идти в дом, как вдруг внутренний динамик ворот выдал залиvistую соловьиную трель. Собака тут же среагировала — повернула голову на звук и глухо заворчала.

— Спокойно, Скуби-Ду, — засмеялась молодая мать и пошла к воротам.

«Интересно, кто бы это мог быть в такое время?» — подумал мужчина.

Он открыл дверь веранды и пошел по дорожке, выложенной декоративным камнем. Майуко как истинная японка всегда стремится помочь мужу и берет на себя все заботы по дому. Но иногда без участия главы семьи не обойтись. Как, например, сейчас.

Женщина нажала кнопку, и динамик вежливо поинтересовался:

— Господин Андрей Воронов?

— Это его жена, — отозвалась Майуко. — Он уже идет сюда.

— Очень хорошо, — обрадовался динамик. — Я из международной курьерской службы. Для него посылка, примите, пожалуйста.

— Откуда посылка? — поинтересовалась женщина, откидывая створку в толстых стальных воротах размером с крышку чемодана — даже габаритная посылка пройдет, а вот человеку пролезть будет проблематично.

— С Украины, — ответил динамик — и отключился с легким щелчком. Хотя, возможно, это щелкнул и не динамик, а что-то внутри посылки. Квадратный короб размером с системный блок компьютера появился из проема — и упал на траву, Майуко просто не успела подхватить его.

— Что же вы так неаккуратно? — пискнула она.

Но с другой стороны ворот никто не ответил, лишь взревел мотор и завизжали протекторы невидимого автомобиля — водитель немилосердно жег резину о мокрый асфальт. Наверно, у международной курьерской службы было много других посылок, и ее представители очень спешили вовремя доставить их получателям.

— Выброси это обратно! — закричал мужчина, бросаясь к воротам. Но на его пути совсем некстати оказалась электронная собака...

Это его и спасло.

Страшной силы взрыв смял и разорвал на части стальные ворота, словно картонку. Стена коттеджа, принявшая в себя удар взрывной волны, подалась внутрь, но устояла, чудом удержавшись на стальных ребрах арматуры, — тот, кто строил этот невесомый с виду домик, позаботился о дополнительном запасе прочности. На улице наперебой завывали автомобильные сигнализации, закричали люди, пытаясь выяснить, что случилось, и заодно громко сетуя по поводу стеклопакетов, выбитых из окон их респектабельных домов...

Мужчина скрипнул зубами и столкнул с себя развороченное туловище американского транспортного робота, которого он и его семья давно считали просто домашним питомцем — уж больно естественно, по-собачьи вел себя BigDog-3 по имени Скуби-Ду, запрограммированный на адаптацию к любым условиям существования. При этом данную модель отличали повышенные показатели пулестойкости и взрывоустойчивости — нелишняя предосторожность для военной машины, преимущественно занимающейся транспортировкой боеприпасов на поле боя.

Но расположенные под влагонепроницаемым имитатором шкуры толстые бронепластины не спасли робота — многочисленные осколки мощного взрывного устройства полностью разворотили его бок, оторвали две ноги и изуродовали электронную начинку. В каше из покоренного металла и разорванных проводов что-то искрило. В двух шагах от Скуби-Ду валялась его оторванная голова, и чудом уцелевший динамик внутри нее скулил жалобно, хрипло и ненатурально.

Но мужчине не было дела ни до изуродованного забора, ни до покосившегося дома, ни до электронной собаки, ни даже до собственного лица — большой участок кожи от границы роста волос до самого подбородка был глубоко вспорот осколком, чудом не задевшем левый глаз...

Человек, буквально минуту назад бывший счастливым мужем и отцом, стоял и смотрел на глубокую яму, образовавшуюся на том месте, где только что стояла его жена, одной рукой придерживая рюкзак с сыном, а другой открывая створку бронированных ворот...

От его семьи не осталось ничего. Даже лоскута одежды, даже капле крови на подстриженном газоне, засыпанном землей и мелкими осколками декоративного камня. Тот, кто готовил взрывное устройство, хорошо знал как сделать так, чтобы после активации его детища никто не смог опознать трупы. Хоронить было нечего... да и незачем. Нужны ли бессмысленные ритуалы тем, кто умер только что быстро и страшно, — ребенку, его матери и его отцу? Который тоже погиб вместе со своей семьей, но по какой-то странной прихоти

судьбы зачем-то сохранил способность видеть, дышать и двигаться.

Но это все легко поправимо.

Человек повернулся спиной к яме и вошел в дом. Кровь, капающая из глубокой раны на лице, залила его пиджак и рубашку, но он не обращал на нее внимания — мертвому все равно какого цвета его одежда.

В гостиной горел камин, возле которого стояли две бутылочки с детским питанием — Майуко предпочитала совмещать полезное с приятным. Она любила смотреть на огонь... примерно десять минут назад. А еще она любила своего сына и мужа...

— Я иду к вам, — сказал мужчина, опускаясь на колени перед камином и нажимая на один из камней в его основании.

Камень тяжело подался внутрь, после чего монолитное с виду основание камина медленно выехало вперед. Внутри него, словно в ящике длинной тумбочки, лежал длинный чемодан, небольшая кожаная сумка и объемистый сверток.

Мужчина достал сверток, положил на пол и развернул тяжелую, дорогую ткань.

Внутри нее лежали два японских меча. Первый — тот, что подлиннее, — был богато украшен золотом и драгоценными камнями. Второй, покороче, представлял собой полную противоположность нарядному собрату — черные ножны и такая же черная рукоять, единственным украшением которой была рельефная кнопка-мэнуки, изображавшая знак инь-ян, пробитый самурайским мечом.

Мужчина достал из ножен короткий меч.

Именно такими вакидзаси древние воины Японии совершали ритуальное самоубийство, если под рукой не было специального кинжала-кусунгобу. Теперешний хозяин меча хоть и не был японцем, но считал себя вправе просить древнее оружие, имеющее собственную душу, оказать ему последнюю услугу.

Клинок меча тоже был непроницаемо-черным, правда, на его поверхности можно было различить гравировку — дракона с жемчужиной в лапе и цепочку иероглифов.

«Отнимая жизнь у противника, помни — это не самое ценное, что ты можешь у него отнять», — прошептал мужчина...

Когда-то много лет назад он не смог понять, что имел в виду средневековый мастер, нанося на клинок эти слова. Как жаль, что понимание истинной мудрости приходит так поздно... и так страшно. Неизвестный противник только что отнял у него тех, чьи жизни были намного ценнее его собственной, но при этом сам остался в живых.

И это было неправильно.

Мужчина взглянул на ножны. На покрытой черным лаком поверхности дерева были выгравированы еще несколько иероглифов — строка из стихотворения великого японского воина двенадцатого века Исэ Сабуро, начальника разведслужбы не менее великого полководца Ёсицуне Минамото: «Того, кто встанет на пути синоби,¹ не защитят Kami² и будды».

Рука, уже готовая вонзить в живот черный клинок, осторожно вернула его в ножны. Мужчина понял — прежде чем он отправится следом за своей семьей, он должен совершить важное дело. «Когда уходишь откуда-то, нужно закрывать за собой дверь и не оставлять мусора», — год назад сказал ему Призрак, белый синоби из клана якудзы Ямагути-гуми. Он был абсолютно прав. Нельзя покидать этот мир, если жив убийца твоей семьи.

— Подождите меня немного, — прошептал мужчина, мысленно обращаясь к жене и

¹ Синоби — японское прочтение китайского иероглифа «ниндзя» (в переводе «человек, умеющий ждать; тайный агент»). В древней Японии ниндзюцу и синобидзюцу были синонимами.

² Kami (яп.) — 1) Души людей и предметов, способные к автономному существованию вне тела и обладающие собственным разумом. По представлениям японцев, не тело имеет душу, а душа управляет приданным ей телом. 2) Божество японской мифологии.

сыну.

Он бережно завернул в материю оба меча и положил рядом с собой. В тайнике еще оставались чемодан и сумка. Мужчина достал их и задвинул обратно пустой ящик тайника. После чего, щелкнув замками чемодана, откинул крышку.

Внутри в специальных гнездах лежали детали и принадлежности разобранного стрелково-гранатометного комплекса ОЦ-14 «Гроза», приспособленного для бесшумной стрельбы. Вариант «4А-03», покоящийся в чемодане, помимо подствольного гранатомета, был снабжен оптическим прицелом и глушителем.

Удовлетворенно кивнув, хозяин чемодана защелкнул замки и занялся сумкой, в которой оказались стопка документов, три кредитные карты, несколько пачек евро в банковской упаковке, восемь картонных коробок с патронами СП-6 и четыре выстрела к гранатомету. Помимо этого в сумке обнаружилась большая желтая коробка с красным крестом на пластиковой крышке и загадочной надписью «НИИЧАЗ. Только для сотрудников», а также маленький пульт с двумя кнопками, похожий на дистанционный ключ для ворот.

Словно вспомнив о чем-то, мужчина достал из внутреннего кармана пиджака паспорт и раскрыл его. С фотографии на второй странице на него смотрел вполне довольный жизнью человек в белой рубашке без малейших следов крови на воротничке, старательно отутюженном женской рукой.

Другой человек.

Мертвый.

И имя чужое — Андрей Воронов. Зачем мертвецу паспорт?

Документ полетел в огонь, в воздухе запахло горелой кровью — обложка успела пропитаться ею, а он и не заметил. Не до этого...

Следующей в его руках оказалась извлеченная из сумки красная книжечка с золотым гербом — двуглавый орел и щит с буквой «К». Как говорится, мудрому достаточно.

Документ был выдан Комитетом по предотвращению критических ситуаций на имя майора Виктора Савельева с кучей печатей, голограмм и отметок о допуске. И фотография человека в нем оказалось похожей на ту, что догорала в камине вместе с паспортом, только лицо более строгое и форма военного покроя. Сильная книжечка, но опасная — Комитет вряд ли обрадуется воскресшему из мертвых майору, обгоревшее тело которого наверняка так и не смогли опознать. Так что уж лучше Виктору Савельеву оставаться для Комитета тем, кто он есть сейчас.

Мертвым.

Книжечка тоже полетела в огонь, а вслед за ней и большинство оставшихся документов. Мужчина оставил лишь один паспорт на имя Петра Селиванова со своей фотографией внутри. Вполне хватит для того, чтобы доехать до единственного места на земле, где ни у кого не спрашивают документов. До единственного места в Украине, откуда могла прийти посылка на его новое, теперь уже несуществующее имя...

За покосившимся домом слышались сирены полицейских машин. Правда, представители власти не спешили входить на территорию дома — наверняка ждали минеров, спецназ или еще кого-нибудь, кто лучше них разбирается во взрывах и терактах. Но хозяина дома это уже не интересовало.

Он аккуратно затворил заднюю калитку, практически сливающуюся с забором — с двух шагов не заподозришь, что стена не сплошная, и никогда не отыщешь, если не знаешь, что именно искать. После чего сразу свернул в переулок, достал из кармана просторного плаща пульт, похожий на дистанционный ключ для ворот, и вдавил в него верхнюю кнопку...

Над крышами коттеджей взметнулся огненный столб. С новой силой — теперь уже по всему городку — взвыли сирены автомобилей и завопили бывшие соседи, у которых наверняка повиносило не только оконные стекла, но и двери веранд. При этом вряд ли кого

из них ранило или убило — взрыв был точно рассчитан лишь на уничтожение коттеджа и прилегающих построек, которых было не так уж и много.

Человек, которого совсем недавно звали Андреем Вороновым, нажал на вторую кнопку пульта и выбросил мгновенно начавший плавиться кусочек пластмассы в ближайший мусорный ящик. Он уходил из нормальной человеческой жизни, ничего не оставив себе на память о ней. Ничего, кроме поцарапанной серебристой лопатки в кармане плаща, которую он подобрал с земли перед тем, как навсегда закрыть заднюю калитку своего дома.

В то же время за десять тысяч километров от Зоны

— Ты тоже не спишь? — спросила она.

Я молчал. Ответа не требовалось.

Мы уже давно умели угадывать многое по дыханию друг друга, повороту головы, незначительному движению пальца. Иногда мне казалось, что я знаю заранее ее мысли, чувства, желания, которые еще не родились в ее голове. А она наверняка знала мои, в этом не было никакого сомнения.

— Она тоже зовет тебя...

На этот раз в ее голосе не было вопросительных интонаций. Я никогда не говорил ей о том, что сквозь шелест пальм слышу по ночам тихий голос, звучащий в моей голове:

«Иди ко мне, сталкер... Ты обрел то, что заслуживал, но я вижу твоё желание... Вернись ко мне...»

Выходит, она слышала то же самое. Ведь она была истинной дочерью Зоны — так сказал Болотный Доктор в тот памятный день, когда моя любимая, так и не перешагнув границу между жизнью и смертью, наконец открыла глаза цвета единственного в мире артефакта.

Единственного... После ее воскрешения «Дочкино ожерелье» поблекло и перестало сиять словно кусочек умытого дождем неба. А когда мы пересекли границу Зоны, оно превратилось просто в цепочку светло-синих шариков, которые к сегодняшнему дню стали полностью бесцветными.

Правда, «Дочкино ожерелье» так и не покидало шеи моей возлюбленной.

До сегодняшнего дня.

Сегодня она впервые сняла его и положила на прикроватную тумбочку. Очень аккуратно и... осторожно. Так работники серпентария отпускают в террариум лишённую яда змею, которая все равно может укусить — хоть для жизни и безопасно, но по-любому приятного мало.

И внезапно я понял, что моему счастью пришел конец — окончательный и бесповоротный.

Только счастьем ли?

Не знаю...

Наверное, очень многие люди на вопрос «Что такое счастье?» ответят — небольшой личный остров, не особенно хлопотное, но весьма доходное занятие, неслабый счет в банке и беззаботная жизнь рядом с любимым человеком. И они по-своему будут правы... до тех пор пока все это вдруг разом не свалится им на голову.

Конечно, несколько месяцев они будут вполне счастливы, осваиваясь с предметами и возможностями, ранее им недоступными. Они, несомненно, купят дорогую машину, двухместную яхту и вредную собачонку для любимой, покатаются по миру, поглазят на облезлые пирамиды и скособоченную башню, отважно поглазят перед фотокамерами одуревших от наркотиков тигров и крокодилов, съедят много экзотических блюд, запивая их незнакомыми напитками, и, наконец, с морем впечатлений, слегка омраченным разыгравшимся гастритом, вернутся домой слушать, как шумят пальмы и плещется океан, лаская волнами берег их вожаделенной собственности.

Но пройдет совсем немного времени на острове, где каждый последующий день похож на предыдущий и где ровным счетом ничего не происходит... и человек, потом и кровью добывший вожаденное богатство, начинает понимать, что на машине ему ехать особенно некуда, на яхте есть куда плыть, да незачем, а собачка исчезла — то ли сама утонула, то ли ее утопила жена в приступе ежевечерней меланхолии.

Тогда остается единственное ради чего стоит жить — любовь. Друг к другу и к детям, которые просто обязаны появиться на свет в этом пальмовом раю для двоих.

Но если хорошенько вспомнить библейские легенды, то рай и дети — понятия несовместимые. Особенно в случае, если Адам и Ева прибыли в место вечного блаженства из Зоны, области повышенного радиоактивного фона, оказывающего разрушительное воздействие на организм человека, а особенно на его репродуктивные способности. Нет, с потенцией и либидо у меня было все в порядке, да и моя любимая не жаловалась на отсутствие влечения ко мне. Скорее наоборот, каждая наша ночь была наполнена страстью и нежностью... до недавнего времени.

— Это все «Фотошоп», — сказала она пару месяцев назад. — Из-за него я стала пустой, как стреляная гильза.

Я хотел было пошутить что-то насчет свежего капсюля, но вовремя заткнулся — женщине, которая не может стать матерью, не до шуток. Вместо этого я попытался ее утешить, напомнив, что артефакт подарил ей неземную красоту.

— Да кому она нужна, красота... и все это.

Она широко и размашисто, словно зачеркивая видимую реальность тонкими пальцами, обвела рукой океан, пальмы и чистое синее небо над нашим островом...

Врачи на материке только разводили руками. И на остальных материках тоже. И у нее, и у меня все было в норме. Не было только счастья, которое угасло медленно и неотвратимо, как сияние в «Дочкином ожерелье»...

Я лежал рядом с ней, смотрел в потолок и думал о том, как все это начиналось...

А началось все с того, что однажды я очнулся и обнаружил себя лежащим на деревянном столе в подземном логове торговца Сидоровича. То ли фамилия у него была такая, то ли отчество, а может быть, и прозвище — до сих пор не знаю. Также я не имел ни малейшего понятия о своем прошлом, воспоминания о котором стерли из моей головы ученые за Периметром Зоны перед тем, как забросить меня в это проклятое место.

Они же сделали из меня совершенную машину убийства, запрограммировав меня на единственное задание — найти Директора комплекса подземных лабораторий «Икс» и убить его, что было фактически равносильно приказу уничтожить Монолит.

Я шел через Зону, уничтожая все, что мешало мне на пути к цели. Но на этом пути я встретил эту девушку — и, возможно, в тот самый момент в моей голове начался возврат к прошлой жизни.

Я дошел до цели и выполнил задание. Прежде чем погибнуть, Директор подземных лабораторий вернул мне память, а Монолит отдал свое сердце — артефакт «Чистое небо», излечивающий любые болезни, отклоняющий пули и заодно позволяющий проникать через границу между мирами.

Воспоминания о прошлой жизни вернулись ко мне. Я больше не был бездумной машиной, выполняющей чужие задания. И тогда я понял, что мне совершенно наплевать на все научные эксперименты мира и на возможную месть моих бывших хозяев. Я снова стал человеком, для которого в этом мире не существовало ничего важнее девушки с небесно-синими глазами.

Я отыскал ее... только для того, чтобы снова потерять.

Почти потерять.

Она была членом группировки «Всадников», не без моей помощи утратившей бесценный артефакт «Фотошоп», который являлся основой благосостояния этой крупной и хорошо вооруженной банды. Этот уникальный артефакт превращал любого человека в идеал

совершенной красоты.

Но за все приходится платить. Несмотря на все предосторожности, в большинстве случаев новоиспеченный полубог вместе с неотразимой внешностью получал в придачу острую лучевую болезнь — «Фотошоп» был крайне радиоактивен.

Свою любимую я нашел в бессознательном состоянии и отнес ее к Болотному Доктору — последней надежде всех обреченных обитателей Зоны. Но даже он ничего не мог поделать. Знаний всего человечества не хватало для того, чтобы вылечить ОЛБ в последней стадии. Правда, Болотный Доктор указал мне единственный путь к ее спасению. Этот путь лежал за границей существующей реальности, в далеком будущем, больше похожем на ад, населенный чудовищами, которые даже не снились самым опытным сталкерам Зоны.

Артефакт «Чистое небо» помог мне пройти через ад и принести то, о чем просил Доктор, несмотря на колотое ранение в легком и практически сожженную левую руку.

Смерть отступила от моей любимой, но из комы она так и не вышла. Я выжил благодаря стараниям Болотного Доктора, но вскоре был вынужден покинуть его домик на Болотах.

Над Зоной, а значит, и над той, кто был мне так дорог, нависла страшная опасность. Монолит, лишенный «Чистого неба», больше не мог сдерживать поток аномальной энергии, и грядущий Выброс ужасающей силы грозил превратить весь мир в одну огромную Зону, кишашую полчищами голодных мутантов и покрытую полями гигантских аномалий.

За дело взялся не только я. Вместе с Меченым и его друзьями мы прошли через неприступные Северные кордоны и вернули Монолиту его сердце. К тому же к нашей группе примкнул киллер, которого правительство послало нас ликвидировать. Бывает же такое! Этот сталкер, получивший прозвище Японец, оказался неплохим парнем и здорово помог нам.³

Правда, не обошлось и без потерь. Во время атаки на «монолитовцев» погиб сталкер Выдра, член группы Меченого. Он умер героем, взорвав оба ДОТа, прикрывавших вход на мост через Припять... Вечная ему память, упокой его Зона.

В остальном все кончилось неплохо. Угроза глобального Выброса миновала, Болотный Доктор вернул к жизни мою любимую, мы все получили от Сахарова свои доли причитающегося нам гонорара и разбрелись кто куда. Призрак, Клык и Проводник остались в Зоне сталкерствовать дальше. Японец, обведя вокруг пальца свое высокое начальство, вместе с семьей осел где-то в захолустье. Меченый, по слухам, стал главным научным консультантом в НИИЧАЗ — Научно-исследовательском институте Чернобыльской аномальной зоны, во что мне, впрочем, не очень верилось. Я же, отхватив самый солидный куш, оказался здесь, получив от Зоны в полном объеме то самое пресловутое счастье, о котором мечтают все, кто его не имеет.⁴

Но, как оказалось, счастье такого рода тоже не предел мечтаний — подозреваю, именно от него миллионеры спиваются, садятся на иглу и порой кончают жизнь самоубийством. Правильно говорят: когда Бог хочет кого-то наказать, он исполняет его желания, при этом лишая человека стремления к лучшей жизни. Вот оно, самое лучшее, хоть жри его каждый день половниками. Но в две тачки одновременно не сядешь, в два костюма не влезешь, и больше литрового пузыря местного рома в себя не вольешь — в меня, во всяком случае, не

³ О приключениях Виктора Савельева по прозвищу Японец до событий, описанных в моих романах серии «S.T.A.L.K.E.R.», можно прочесть в трилогии «Русский якудза», включающей в себя три произведения: «Тень якудзы», «Ученик якудзы» и «Путь якудзы». Хотя это необязательно — все романы вполне читаются как отдельные книги, не связанные между собой (*прим. автора*).

⁴ О приключениях Снайпера, предшествующих событиям этого романа, можно прочитать в моих книгах «Закон Снайпера», «Кремль 2222» и «Закон Меченого». Хотя, как было отмечено выше, это необязательно — все мои книги вполне читаются как отдельные произведения, не связанные между собой (*прим. автора*).

влезало, пробовал...

Наконец сон сморил меня. Глубокий, темный и холодный, словно морская пучина, в которую медленно погружаются утопленники с разбитого бурей корабля. А когда я проснулся от лучей рассветного солнца, осторожно перебравшихся через подоконник нашего бунгало, оказалось, что я лежу в кровати один.

Она ушла, оставив после себя лишь смятые простыни, мокрую от слез подушку и листочек на прикроватной тумбочке, прижатый выцветшим до стеклянной прозрачности «Дочкиным ожерельем».

Я взял листок в руки, в общем-то уже зная, что там написано.

«Прости. Каждая птица ищет свое небо, но это небо оказалось не моим. Яхту я оставлю на материке у причала. Прощай».

Я аккуратно положил письмо обратно, взял в руку «Дочкино ожерелье», лег на свое место и уставился в потолок.

Конечно, мне было плохо, но ведь подспудно я уже несколько месяцев ждал такого финала. И рано или поздно это должно было произойти...

Ни с того ни с сего мне вспомнился давний разговор со сталкером Баяном в «Старентгенах». Парень не случайно получил свое прозвище — он плотно сидел на героине, и вся его жизненная философия была заточена под шприц и его содержимое. И хотя я никогда не разделял увлечений Баяна, иногда его рассуждения были не лишены смысла.

«Бабы — это дурь, — сказал он тогда, имея в виду не расстройство рассудка, а именно содержимое шприца. — Иногда случается, что ты на них плотно подсаживаешься, а потом тебя лишают зелья. Тогда у мужика начинается ломка. Он мечется, пытается соскочить, забивая депресняк тем, что под руку попадет, — метадон, шмаль, колеса, водяра. Кайфа никакого, лишь бы не ломало. И колбасит его до тех пор, пока не вернется его привычная дурь, либо пока он не подсядет на другую».

— И что, никто не соскакивает? — хмыкнул я тогда.

— Бывает, что и соскакивают, — степенно кивнул Баян, умудренный «Пихкалом» и очередным впрыском «белого снадобья» в напрочь убитые вены. — Если это можно так назвать. Подключают мозги и начинают дозировать ширево пару раз в неделю по сто баксов за час — опять же, без кайфа, только чтоб ломку забить. Либо уходят в Зону и перестают закидываться радиопротекторами. Через полгода от радиации ломка сама собой проходит. Вместе с желанием и возможностями.

— То есть любви не существует? — уточнил я.

— Насчет любви не знаю, но химия в том процессе точно есть. Феромоны или еще что-то. Со временем она ослабевает вплоть до полного исчезновения, и ты осознаешь, что вбухал кучу денег и нервов в беспонтовые глюки...

Эх, Баян, если бы все было так просто, как ты говорил тогда. Позвонил по телефону, вызвал на остров вертолет с бухлом и круглозадым лекарством от ломки — и решена проблема. Но думается мне, что любовь далеко не химия и не наркотик, а судьба. Которая у одних есть, а другие просто лишены ее и летят по жизни, словно мыльные пузыри по ветру — бесполезные и пустые внутри...

Я даже услышал далекий рокот того воображаемого вертолета с лекарством, который я никогда не вызову, как бы плохо мне ни было... и, соскочив с кровати и машинально сунув «Дочкино ожерелье» в карман шортов, бросился к окну.

Иногда ко мне в гости прилетали ученые. Конечно, полученный от Сахарова миллион с хвостиком евро сумма немаленькая, но все-таки недостаточная для покупки личного острова. Его мне хозяин научной базы на Янтаре предоставил для проживания бесплатно. Взамен я должен был охранять этот остров — собственность НИИЧАЗ, весьма влиятельной структуры не только в Украине, но, как оказалось, и во всем мире.

Остров был искусственно создан на верхней площадке секретной научной базы,

занимавшейся какими-то подводными исследованиями. Подозреваю, что полулегендарный регенерон из крайне редко встречающихся в Зоне желтых научных аптек, был как раз плодом этих исследований — уникальное лекарство, по слухам, добывали из морских звезд.

Тогда я поинтересовался у Сахарова, не маловат ли будет гарнизон? Но профессор сказал, что одного специалиста моего уровня будет вполне достаточно. А если я захочу съездить в отпуск, то на время моего отсутствия сюда прибудет другой профи той же квалификации.

База была практически полностью автоматизирована, и любой визит группы ученых, время от времени вводящей данные в главный компьютер и списывающей результаты исследований с информационных носителей, должен был договариваться со мной заранее по телефону. Но звонка не было уже давно, а до прилета почтового вертолета, раз в неделю доставлявшего к порогу моего бунгало все необходимое, оставалось еще два дня. Тем не менее ясно, что нарастающий рокот за окном есть далеко не плод моего больного воображения. Кто бы это мог быть?

Я выглянул в окно лишь на мгновение, после чего бросился к кровати и резко ударил ладонью по одной из декоративных финтифлюшек, торчащих из на первый взгляд излишне вычурного изголовья.

Массивная кровать быстро провернулась вокруг невидимой оси, открыв прямоугольное отверстие в полу с металлической лестницей, ведущей вниз. Но пока она крутилась, я успел сунуть руку под подушку и выхватить оттуда боевой нож — неизменный мой спутник и в Зоне, и на Большой земле. После чего я зажал «Бритву» в зубах и скатился по лестнице, обхватив перила руками и пренебрегая ступенями, словно матрос по тревоге. Моя поспешность объяснялась просто — заходящее на цель звено военных вертолетов с ракетами, подвешенными на внешних консолях, не способствует неторопливому и вдумчивому спуску в шлюз боевой рубки научной станции.

По пути я рванул рукоять рубильника, и стальная плита над моей головой вместе с установленной на ней кроватью отправилась в обратный путь. Но за мгновение до того, как мощные засовы вернулись в пазы, через щель в бетонный бункер ворвалось неистовое пламя.

Мне повезло — несколько осколков просвистели в считаных сантиметрах над моей головой, прежде чем страшные удары прямых попаданий обрушились на плиту. Но к тому времени она успела полностью замуровать вход в шлюз. Пол под моими ногами разошелся в стороны, и моему взгляду открылась вторая лестница, ведущая в рубку.

Наверно, пилоты вертолетов сильно удивились, когда увидели, что их ракеты не сровняли маленький остров с поверхностью воды, а лишь сорвали относительно тонкий маскировочный слой почвы с круглого бетонного колпака, напоминающего кончик гигантской пушечной пули, торчащей из воды. И каково же было их удивление, когда эту «пулю» вдруг прорезала черная щель, сильно напоминавшая амбразуру дота, закрытую до поры толстенными бронешитами.

Пилоты не растерялись и попытались увести свои машины от смертельной опасности... Они были хорошими пилотами и отлично знали свое дело. Но создатели зенитно-ракетного комплекса, установленного на научной станции, были лучшими в мире мастерами своего дела. По слухам, много сил и средств потратили сотрудники НИИЧАЗ чтобы заключить контракт на поставку российских ракет 9М96Е, созданных на подмосковном заводе в Химках.

Но оно того стоило.

Наверно, пилоты увидели, лишь как в широкой амбразуре мелькнуло что-то едва уловимое глазом, — и в следующую секунду их боевые машины просто перестали существовать. Даже взрыва как такового не было, так, короткая вспышка, после которой в океан осыпалось пыльное облако, состоящее из мелкой стальной крошки.

— Не слабо, — пробормотал я.

Пусковая установка с четырьмя небольшими ракетами весом чуть больше трехсот

килограммов каждая оказалась действительно страшным оружием. Жаль, что ученые установили в боевой рубке только одну такую установку, боевого потенциала которой хватило лишь на один залп. Наверно, жутко дорогая была эта штуковина. Хотя спасибо и на том.

Итак, база рассекречена. И на этот счет у меня имелись абсолютно четкие инструкции.

Я ввел в компьютер необходимый код, согласно запросу системы подтвердил свои полномочия, продублировал код и нажал «Enter». Нет, на мониторе не загорелись красные цифры, отсчитывающие время, как это бывает в плохих боевиках. Система отправила информацию о происшествии на другой конец света, откуда должно было прийти подтверждение моим выводам, согласно которым я ввел код. Но ожидание решения сильных мира сего тоже не входило в мои инструкции.

Согласно им я должен был сделать следующее. Подняться наверх по бетонному рукаву, ведущему из рубки и, погрузившись в небольшой катер, отчалить на материк. В багажном отделении катера имелся контейнер, в котором находилось все необходимое для того, чтобы я мог без проблем добраться до своих работодателей, — вещи, деньги, документы.

Во всяком случае, так говорилось в инструкции.

Но я не привык доверять инструкциям, к тому же, согласно логике, вряд ли работодатели будут рады агенту, знающему слишком много о рассекреченной и уничтоженной базе. Потому я еще полгода назад вскрыл контейнер, убив на это дело целый день и пролив на бетонный пол ведро пота. Найдя в нем то, что ожидал, я немного пошаманил над содержимым этого «киндерсюрприза», что сейчас мне изрядно пригодилось.

Я выполнил лишь первую часть инструкции — поднялся по широкой бетонной кишке, дернул за тонкую, незаметную проволочку, торчащую из контейнера, завел катер, зафиксировал руль ремнем, заранее припасенным именно для такого случая, передвинул рукоятку управления газом и выпрыгнул прежде, чем узкая стальная посудина рванула вперед.

До берега было около полутора миль. Пройдя примерно половину пути, катер подпрыгнул на волне и превратился в огненный шар. К тому времени я уже успел переодеться в легкий водолазный костюм, припрятанный в ящике с песком возле пожарного щита, и развернуть упакованный в брезент АДС — «автомат двухсредний специальный», снабженное подствольным гранатометом оружие-«амфибию», способное эффективно поражать цели как под водой, так и на суше. До берега еще предстояло добраться, а акулы в океане обычно голодные. Да и, кто его знает, какой прием ожидал меня на суше.

Я сплюнул три раза через плечо, чтобы не сглазить, после чего зарядил АДС и шагнул в воду.

Полторы мили для хорошего аквалангиста расстояние не особенно серьезное. Но в своем богатом приключении прошлом я прошел лишь короткий спецкурс боевых пловцов, который отнюдь не делал из меня Ихтиандра. Ознакомление с аквалангом, двадцать часов дайвинга, работа со специализированным подводным оружием — вот, в общем-то, и вся подготовка. К тому же не люблю я эти подводные дела, когда видимость, мягко говоря, не очень, внизу темно, и, хрен его знает, кто там копошится на дне и когда оттуда вынырнет. Плюс акулы, по сравнению с которыми кровосос — милая домашняя зверюшка. Чисто мое мнение, не претендующее на истину в последней инстанции, подкрепленное крайне неприятными воспоминаниями о коротком, но памятном знакомстве с гигантским осьминогом.

В этом сезоне прибрежные воды полны этих зубастых тварей. Не успел я проплыть и половины пути, как две темные тени промелькнули прямо по курсу. Третья сунулась ко мне проверить, насколько может быть питателен одинокий пловец, — а может, просто расширить кругозор. Но я ни на ноготь левого мизинца не последователь Жака Ива Кусто и выяснять, с какой целью собралась познакомиться со мной акула, не имею ни малейшего желания. Потому я просто выпустил полмагазина в тупорылую морду, целя по глазам, после чего

вновь усиленно заработал лапами, стараясь не попасть в зону темного пятна, расплывающегося вокруг раненой твари.

Вокруг бьющейся акулы немедленно началась усиленная возня — не иначе ее товарки спешили полакомиться еще живым мясом. А может, пытались оказать первую помощь — мне было все равно.

Я обогнул по широкой дуге место подводного randevu, стремясь поскорее убраться подальше из среды, крайне неблагоприятной для здоровья. Ученые утверждают, что наши далекие предки вышли из океана, — что ж, прекрасно понимаю пращуров. На их месте я бы сделал то же самое, причем как можно быстрее.

Дальнейший путь прошел без приключений. Я выбрался на берег, сплошь покрытый зарослями тропической растительности, и окунулся в одуряющую вонь перегноя, замешанную на тяжелом аромате орхидей, — словно склеп обильно полили духами и обмазали шоколадом, который успел густо порастить плесенью. Тот еще аромат для непривычного человека. Хотя если не принюхиваться и не привередничать, то вполне терпимо.

Я закопал свой костюм с АДСом под ближайшим кустом и остался лишь в черных шортах и футболке того же цвета — вполне нормальный вид для местного жителя, тем более что за год прожарки на местном солнышке я загорел до черноты и цветом кожи почти не отличался от аборигенов. Но если у такого «аборигена» на поясе имеется небольшая плоская сумочка с зелеными наличными и синим паспортом гражданина США, то в глазах местного населения он автоматически приобретает статус небожителя.

Во время своего пребывания на острове я старался как можно меньше светиться на материке, особенно на той его части, что была в непосредственной близости от моего бунгало. А уж если и появлялся на берегу, то исключительно в темных очках и гавайских рубашках самых сумасшедших расцветок. Если ты в глазах и памяти местных жителей отпечатался как «мистер Попугай», то вряд ли они сопоставят запомнившийся образ эксцентричного белого с невзрачной внешностью босоногого туриста, твердо решившего экзотики ради в одиночку потаскаться по лесу и поймать голой пяткой спящую змею или паука-птицееда.

Признаться, мое развеселое настроение объяснялось отнюдь не избавлением от тягот и лишений совместного проживания с прекрасной дамой. Я слишком сильно любил свою девчонку, которая досталась мне такой дорогой ценой, чтобы радоваться ее исчезновению. Просто есть такая армейская мудрость, что лучшее средство от любви это бег в противогазе. Возможно, не прилети сейчас вертолеты и не устрой мне веселую жизнь с ракетами, взрывами и акулами, я бы уже валялся в своем бунгало наполненный ромом по самое небо и играл со своим никелированным «Бульдогом» в «русскую рулетку».

Но жёсткий экшен не способствует депрессии и прогрессирующему алкоголизму, когда, несмотря на чувствительную занозу в груди, тебе приходится метаться словно таракану по зажженной газовой горелке. И чтобы человека не накрыло вышеупомянутыми печальными последствиями сердечной драмы, ему желателен прием этого самого экшена в мегадозах до тех пор, пока организм сам не отторгнет из сердца инородное тело.

Я обернулся, чтобы бросить сквозь густую листву последний взгляд на остров, который так и не стал моей тихой пристанью. Над поверхностью океана торчала подкопченная бетонная лысина, к которой с опаской приближалась пара военных катеров — так шакалы подбираются к недавно умершему льву. И страшно, и голод не дает убраться восвояси. А над горизонтом наметилось около дюжины черных точек — похоже, местные вояки решили послать сюда все доступные силы для решающего удара.

Но повторной атаки не потребовалось.

Внезапно полукруглое возвышение превратилось в вулкан, расколовшись точно посередине. Не иначе на другом конце земного шара кто-то нажал пресловутую красную кнопку — или же, что вероятнее, просто ввел команду на клавиатуре.

Столб огня и воды поднялся на несколько метров и опал, оставив на поверхности океана лишь масляное пятно да оплавленные и неидентифицируемые плавучие обломки. А я же повернулся и неторопливо пошел через заросли на звук полицейских сирен. Сейчас автомобили с мигалками наверняка неслись к причалу, чтобы обследовать мою пустую яхту, единственное свидетельство того, что на острове кто-то жил... и что этот остров вообще когда-то существовал на карте.

Глухой взрыв, донесшийся через чащу, убедил меня в том, что полиции сегодня вряд ли удастся поживиться свежими вещественными доказательствами. Сомневаюсь, что к уничтожению яхты была причастна моя девочка, — скорее всего, где-то под обшивкой трюма до поры до времени тихо лежали несколько небольших брикетов, не влияющих на дизайн и плавучие качества нашего суденьшка. Просто, когда умные люди не исключают возможность фиаско, они готовятся к нему заранее.

Это в полной мере относилось и ко мне.

Я вышел на дорогу, послушал недоуменный вой сирен у причала и направился к облезлому двухэтажному зданию гостиницы, чудом не снесенной при строительстве курортного городка и прилегающей к нему инфраструктуры. Хозяин гостиницы был приветливым малым и умел хранить секреты — возможно, эти два качества и не дали погибнуть его заведению.

Я вошел в вестибюль и подмигнул хозяину, торчавшему у ресепшена, больше похожего на причал, сильно побитый штормами.

— Привет, Кеони, — сказал я.

— Привет, гринго, — широко осклабился абориген, неизвестно с какой радости прилепивший мне латиноамериканский ярлык не самого высокого пошиба. — Что там за шум? Это случаем не у твоего бунгало просела крыша?

Я выложил на причал Кеони пять зеленых бумажек с портретом Бенджамина Франклина и в качестве ответного знака расположения показал аборигену все свои новые коронки.

— Ты как всегда проницателен, старина, — произнес я. — Но сегодня мне не до кровельных работ, так что я забираю свою машину.

— Решил прокатиться по побережью? — поинтересовался Кеони.

— Вроде того, — неопределенно сказал я.

В глазах хозяина гостиницы промелькнуло что-то вроде грусти.

— Забери свои деньги, — произнес он. — Мне будет не хватать тебя, гринго. Тебя и твоей мучача. Возвращайтесь, когда навсегда исчезнет ураган в ваших душах.

— Обязательно, — кивнул я, прекрасно зная, что вижу Кеони в последний раз. Просто зачем лишний раз расстраивать единственного человека на этом материке, который неплохо ко мне относился? Да потом и не особенно я наврал. Только сейчас я понял, как был наивен, мечтая об уединенном острове для двоих детей Зоны, в душах у которых ураган может лишь утихнуть на время, но навсегда закончиться — никогда.

* * *

Хорошо сделанный синий паспорт позволяет любому человеку путешествовать по миру без каких-либо ограничений. Благодаря своему я уже через двое суток высаживался в киевском аэропорту «Борисполь». Пограничник с недоумением посмотрел на меня, словно спрашивая, что загорелый мистер Джек Макгрегор, проживающий в городе Рокфорд, штат Иллинойс, забыл в столице Украины, но пропустил без проблем — у людей с синим паспортом обычно не бывает проблем на границах государств планеты Земля.

Мистер Макгрегор ничего не забыл. Он просто вернулся домой. Именно такое ощущение возникло у меня, когда скрипучий грузовик, миновав мост через реку Тетерев, въехал в село Ораное, расположенное в трех с половиной километрах от КПП «Дитятки».

В селе было полно военных — сразу за Ораное начинались заграждения и пулеметные вышки Второго кольца обороны. За Третье кольцо туристов пропускали без особых проблем. За Второе — только со специальным пропуском и под конвоем. Разрешалось таким туристам немного — издали поглазеть на кирпичные будки «Дитяток», послушать хриплые вопли матюгальника, призывающего сознательных граждан Украины и сопредельных стран не пытаться проникнуть на охраняемую территорию, посетить местный музей с чучелами монстров и макетами артефактов из папье-маше и, перед тем как загрузиться обратно в экскурсионный автобус и отправиться в сельскую столовую, гордо именуемую рестораном, пожать напоследок твердую, как лошадиное копыто, ладонь сурового воина в камуфляже, охраняющего не Зону от нас, а нас от Зоны.

Меню ресторана «Второе кольцо» было истинно сталкерским: водка «Казаки», пиво «Зона premium», колбаса, тушенка, серый мокрый хлеб, тушенные в поросячем жире свиные глаза, выдаваемые за органы зрения псевдоплоти, щупальца размороженных осьминогов — само собой, в меню значащиеся как кровососы, и другие разносолы того же порядка. Водитель самосвала по пути рассказал, что в последнее время завсегдатаями «Второго кольца» стали корейцы — жареных псевдо-псевдособак им подавали целиком на вертеле, что зарубежных гостей радовало несказанно. Правда, кормили их в отдельном помещении — даже самых закоренелых сталкеров и любителей экзотики из других стран слегка коробили столь экстремальные гастрономические изыски.

Но не экзотическая кухня интересовала меня, когда я перешагнул порог «Второго кольца». В Зоне мне доводилось питаться не суррогатами, а натуральными продуктами здешнего меню и не скажу, что я был от них в восторге. По моему мнению, вся эта свистопляска вокруг экзотической кухни Зоны сильно напоминала историю с устрицами и лягушачьими лапками — звону много, а на вкус те же кильки в томате и цыпленок-табака, только цыпленок вкуснее.

С той поры, как я был здесь в последний раз, обстановка никоим образом не изменилась. Те же деревянные грубо ошкуренные столы и длинные скамьи, ерзать на которых категорически не рекомендовалось, ибо, пренебрегая этой элементарной техникой безопасности, вы имели практически стопроцентную гарантию на память о Зоне получить пучок заноз в филейные части. На бревенчатых стенах хозяева заведения развесили головы и шкуры мутантов, в большинстве своем поддельные, ибо за настоящую голову взрослого кровососа с неповрежденным черепом и целыми ротовыми щупальцами можно было купить весь этот ресторан вместе с потрохами его хозяев. А тех голов щерилось со стен аж две штуки, пугая белыми пуговицами глаз свеженьких туристов.

Посетителей в этот раз оказалось немного. Двое военных, облаченных в камуфляжи «Флора» и ковыряющих вилками тушенку, экономии ради разогретую прямо в банках, четверо экскурсантов, опасливо занявших столик поближе к выходу, и колоритная фигура в толстовке, отважно развалившаяся на скамье прямо под башкой кровососа. Фальшивый мутант жадно смотрел вниз, и казалось, что вот-вот на голову смельчака с кончиков растопыренных щупалец закапают желудочный сок, растворяя помилованные Зоной остатки волос на лысине.

Позой тип в толстовке напоминал утомленного жизнью буддистского монаха, правда, вместо четок его пальцы лениво перебирали в тарелке кусочки бешбармака, порой отправляя в рот наиболее приглянувшийся. Новички смотрели на едока со смесью восхищения и брезгливости — надо же, руками ест! — хотя ничего особенного в этом не было. Просто лысеющий тип знал как правильно употреблять блюдо, рецепт поглощения которого содержится в его названии. Помимо национального кушанья тюркских народов на столе в изобилии находились грязные тарелки и пиалы, пространство между которыми заполняли жестяные пивные банки.

Удовлетворенно хмыкнув, я направился прямо к фактурному посетителю ресторана, словно только что выпрыгнувшему из агитационного плаката «Сталкерство — уродливое

явление современности!».

«Уродливое явление» захватило меня в прицел сонных глазок и уже не выпускало из поля зрения. Я примерно догадывался, о чем думал этот концентрированный Сталкер, словно выставленный на продажу в самой заметной части ресторана. Впрочем, так оно и было. Во всех подобных заведениях, расположенных вокруг Периметра, имелся такой вот пропитанный Зоной торговец, которого почему-то не трогали военные. Причем секрет его неуязвимости был прост, как и любая схема успешного и прибыльного бизнеса.

Вдоволь нагулявшись, наслушавшись историй о сказочных богатствах Зоны и насмотревшись на охраняемый забор, изрядно проголодавшиеся туристы, как правило, неслись в первый же попавшийся ресторанчик, истекая слюнями голода и зависти к героическим сталкерам, которые вот прямо сейчас голыми руками таскают бесценные артефакты из аномалий и хорошо поставленными пинками гоняют по Зоне злощих мутантов.

Понятное дело, что после такой экскурсии каждый второй турист остро желал вот прямо сейчас рвануть на запретную территорию, быстренько подстрелить кровососа, подобрать пару валяющихся под ногами артефактов и, завернув их в еще теплую шкуру мутанта, вернуться домой в ореоле славы, а заодно и затраты на поездку отбить.

Хотите — получите.

Опытная в таких делах официантка, удостоверившись в непоколебимости желаний клиентов, немедленно указывала им на матерого Сталкера, жрущего мясо без помощи столовых приборов. Обычно, собравшись с духом и поминутно оглядываясь, самый смелый турист наконец отрывал от скамьи пятую точку и, на ходу выдергивая из нее занозы, направлялся к местному воплощению мужества и отваги.

И тогда начиналась игра.

Примерно через полчаса турист осознавал, что вся его жизнь была лишь прелюдией к походу в Зону, где его ждут умопомрачительные приключения и баснословные капиталы. Но для этого ему, конечно, понадобится достойное снаряжение и мощное оружие. Которое он может приобрести прямо здесь, причем со значительной скидкой. Также оказывалось, что за скромную сумму Сталкер готов провести неопита через Кордон, правда вскользь упомянув, что предприятие это незаконное.

Но неопиту уже все было до лампочки. Замирая от счастья, турист передавал торговцу необходимую сумму — и ни разу не был обманут. Торговец отлучался ненадолго и буквально через несколько минут приносил покупателю объемистый рюкзак. После чего назначал место встречи и благополучно исчезал.

Тут на туриста часто снисходило озарение, и он бежал в туалет проверить качество приобретенного товара. И тут же успокаивался — товар соответствовал прайсу и по качеству был выше всяких похвал.

Дальше все тоже не вызывало подозрений. Ближе к ночи отважный турист, несколько подрастерявший боевой задор, все же притаскивал свое переодетое в камуфляж тело к назначенному месту. Где его ждал Сталкер, свято соблюдавший условия контракта. На пути к Периметру украинская ночь полностью вступала в свои права, заботливо накрывая дрожащего от ужаса туриста чернильным плащом, сквозь который порой прорывались треск в кустах и жуткие завывания вдали.

Потом была колючая проволока, услужливо приподнятая клинком боевого ножа, ползание в грязи, настоящая мина под носом, которую надо просто осторожно деактивировать — щас покажу как!., и сапоги патруля возле лица, сопровождаемые оглушительным собачьим лаем вкупе с ослепляющим светом мощных прожекторов.

О дальнейшем нетрудно догадаться. Преступника водворяли в темную и холодную камеру, конфисковывали оружие и снаряжение, доводили до его сведения номер статьи уголовного кодекса и примерный срок заключения за пересечение границы охраняемой территории двумя и более лицами и как бы между прочим намекали, что закон, конечно,

суров и неподкупен, но умные люди обычно не доводят дело до суда, а решают проблему полюбовно непосредственно с начальником патруля.

В результате этой нехитрой комбинации оружие и снаряжение возвращались к продавцу, навар честно делился между всеми участниками операции, а счастливый турист, вволю хапнувший вожделенного экстрима на всю оставшуюся жизнь, тряся в экскурсионном автобусе, благодаря судьбу за то, что расстался не с собственной головой, а только лишь с карманной наличностью...

Судя по выражению глаз, торговец меня не узнал. Да и мудрено было узнать сталкера, покинувшего эти места около года назад, в загорелом дочерна, дорого одетом иностранце.

Я подсел к нему. Торговец и не подумал повернуть голову в мою сторону. Лишь шумно отхлебнул пива из банки, откинулся на спинку скамьи и, глядя прямо перед собой, проговорил степенно:

— Я — Шустрый. Обычно ко мне обращаются за уникальным оружием. Редкие модели, прототипы, именные пушки. Ну и элитное снаряжение, последние разработки защитных и боевых костюмов. Каждая вещь проверяется мной лично, так что качество гарантировано.

Я выдержал подобающую случаю восхищенную паузу и тихонько произнес:

— Мне сказали, что у вас можно приобрести... кхм...

— И «кхм» можно, — отозвался торговец, обмакивая в подливу кусочек мяса и неторопливо отправляя его в рот. — И ПМ можно. И даже склад ГСМ можно с доставкой и установкой. Только плати.

— Мне ПМ не надо, — сказал я, прикидывая, что вряд ли я рядом со Вторым кольцом разживусь чем-то приличным. — Что такое АКСу знаете?

— Аксу? — хмыкнул торговец. — Знаю. Город в Казахстане. А что, билетами туда интересуешься? Так это лишнее, у меня здесь всё есть. Четвертак за «корабль» и в придачу открытка с видом на Чуйскую долину в качестве бесплатного бонуса.

Я рассмеялся от души.

— А теперь скажи-ка мне, Шустрый, какого снорка ты делаешь в этом гастрономическом цирке?

Торговец подавился бешбармаком, выпучил глаза и стал похожим на муляж кровососа, висящий у него над головой. Я дружески хлопнул его по загривку, отчего полупережеванное мясо звучно шлепнулось обратно в тарелку, и Шустрый наконец соизволил повернуть голову в мою сторону. В его круглых глазах — того и гляди из орбит вывалятся — мелькнуло узнавание.

— Снайпер? Ты, что ль? — прохрипел он, продышавшись.

— Не, это моя трехмерная проекция на данную точку пространства, — сказал я.

— Ну ни хрена себе! — выдавил из себя мой собеседник. После чего припал к банке с пивом, многократно увеличив сходство с кровососом. Хотя мутанты пива не пьют, но во время кормежки тоже пыхтят и отдуваются — точь-в-точь Шустрый, заливающий стресс солидной дозой «Зоны премиум».

Наконец торговец закончил ритуал приема успокоительного, бросил под стол смятую банку и, основательно вытерев правую руку о несвежую скатерть, с чувством протянул ее мне. Судя по осмысленному взгляду, он был готов к общению.

Я пожал потную ладонь торговца без энтузиазма, поставив себе зарубку потом в туалете тщательно оттереть ладонь хозяйственным мылом.

— Какими ветрами тебя сюда приволокло? — поинтересовался хозяин потной ладони, изрядно воняющей луком и бараниной, несмотря на проведенные гигиенические процедуры.

— Попутными, — уклончиво ответил я. — Лучше скажи, что нового в Зоне произошло за это время?

— Да до хренища нового, — сообщил Шустрый. Судя по его бегающим глазам торговец усиленно соображал, какую выгоду можно извлечь из моего появления, но пока

ничего путного в голову ему не приходило. — Правительство учудило вот, собирается Зону официально уменьшить — ходи кто хошь, делай чего вздумается. Типа, планируют пересмотреть уровень радиоактивного загрязнения на территории Зоны, перенести Периметры и на освободившихся землях строить чего-то.

— Строить? Ну-ну, — криво усмехнулся я. — Если не принимать во внимание мутантов и аномалии, то только под Саркофагом сейчас как минимум около ста килограммов особо токсичного плутония. Это ж практически вечный элемент с периодом полураспада двести сорок пять тысяч лет, один микрограмм которого — смертельная доза. Он что, за четверть века сам оттуда выковырнулся и испарился? Четыре часа нахождения возле Саркофага — смертельная доза. Одна пылинка, выброшенная из Саркофага тогда и попавшая в легкие сейчас, — смертельная доза...

— Ну, завелся сталкерюга, — проворчал торговец. — Как же, Зону его половинят. Да только, думаю, не даст она себя резать. И топтать себя кому не лень тоже не даст.

— Ладно, Шустрый, это все лирика, — произнес я. — Давай-ка ближе к АКСу вернемся. Реально ствол и снаряга нужны. Здесь я, смотрю, что-то вообще тухло стало, через Третье кольцо перочинный нож не пронести.

— Это да, — кивнул Шустрый. — А через Второе и Первое — тем более. И цены взлетели на шмалялово-сажалово — только держись.

— Знакомая песня, — хмыкнул я. — У Сидора ноты списал?

— Ты Сидоровича не трожь, — оскорбился Шустрый. — Он в свое время мою шкуру спас. Правда, после этого каштаны из огня я для него потаскал изрядно, пока долг не отдал.

— И почему я не удивлен? — сказал я. — И все-таки, Шустрый, чем порадуешь блудного сына. Только заранее предупреждаю — ПМы, на которых пробу негде ставить, не предлагай, не буди во мне химеру.

— Тебе предложишь, — покосился на меня торговец. — Себе дороже. Только реально нет ничего достойного. Я ж под вояками сажу как под прессом, а с ними какие эксклюзивные заказы? Так, смех один.

— Не прибежняйся, — сказал я. — Чтоб у Шустрого не было эксклюзива? Никогда не поверю.

Торговец повздыхал еще немного для вида — профессия обязывала — и махнул рукой.

— Ладно. Говорят, ты с Меченым не разлей вода, а я ему кое-чем обязан...

— Да, он говорил, — кивнул я. — При этом упомянул, что ты большой мастер прятать мелкие предметы в труднодоступные места. Правда, не пояснил, что он имел в виду.

— И не надо, — быстро сказал Шустрый. — К делу это отношения не имеет. Так что только из уважения к нему, и только для тебя.

Он наклонился ко мне и, дыхнув перегаром, шепотом сообщил:

— «Альпиец» имеется. Уникальная модель карманной артиллерии СИП-т М200.

— Шустрый, не грузил бы ты меня своим барыжным жаргоном, — скривился я. — Фиг вас поймешь. И «Вал» у вас «Вла», и «Вальтер» — «Волкер», и «Беретта» — «Марта», а тут еще «Сипт» какой-то. По-человечески никак нельзя оружие обозвать?

— Ну да, — слегка оскорбился торговец. — Я, блин, сегодня в Интернете заказ оптовому сбрасываю на «Валы» с «Береттами», а завтра ко мне вместо товара автобус краповых беретов из «Беркута» приезжает. Долго думал-то?

— Но я-то тебе не Интернет и не оптовик, — резонно заметил я. — Покажи, что ли, что у тебя там за «Сипт» такой.

На стол передо мной легла фотография. Понятно. «Сипт-альпиец» оказался пистолетом знакомым, снабженным солидным глушителем и слегка измененной рукоятью.

— SIG-Sauer P220, специально модифицированный для пиндосовских спецподразделений «Антитаг», — произнес Шустрый. В его голосе слышалась гордость папаша, узнавшего, что его сын только что высадился на Марсе. — Уникальная модель, была выпущена малой партией. С уверенностью могу сказать, что такой пистолет один на

всю Зону. Было нелегко достать, но я подключил кое-кого из своих знакомых за рубежом. Увеличенный магазин на четырнадцать патронов, ствол из особо прочной стали, ствольная коробка из сверхпрочного полимера. Но главное достоинство — глушитель, который практически не влияет на точность стрельбы и прицельную дальность.

— А помощнее ничего нет? — поинтересовался я.

— Помощнее? — изумился торговец. — «Зиг-Зауэр» тебе что, совочек или погремушка какая? Больше нет ничего достойного, не обессудь. Гауссовки во «Второе кольцо» сегодня не подвозили.

— Ладно, — притворно вздохнул я. Пистолет мне понравился. Даже не держа в руках, по одному лишь фото можно было сказать — вещь! — Почем нынче счастье?

— Только для тебя — четыре штуки, — сказал Шустрый.

— Надо поинтересоваться у хозяйки этой едальни, не примешивает ли она в мясной соус белены, — задумчиво проговорил я. — По ходу горстями сыпет.

— Да я от души, можно сказать, отрываю, а он... — задохнулся от возмущения Шустрый. — По знакомству предложил, называется...

— Три, — отрезал я. — И то обдираловка.

— Не, я ваще фигею! Три восемьсот, и ни копейкой меньше...

Через полчаса задушевной беседы в таком ключе мы сошлись на трех с половиной тысячах плюс полсотни патронов в придачу.

— Ты там не рэкетом на Большой земле подрабатывал? — поинтересовался Шустрый, когда мы наконец ударили по рукам.

— Только что собирался задать тебе аналогичный вопрос, — сказал я, под столом отсчитывая семь розовых бумажек — в Зоне деревянный рубль традиционно шел по курсу евро. Заметив мою возню, к столу мелким бесом подкатилась шустренькая официантка. Шустрый что-то шепнул ей на ушко, после чего, одарив меня блудливой улыбкой, официантка исчезла, оставив после себя аромат дешевых духов, замешанный на специфическом запахе жареной собачатины.

— Через пятнадцать минут заберешь заказ в сливном бачке туалета, — сообщил торговец.

— Надеюсь, что еще через пятнадцать минут после этого меня самого не заберут вояки, — сказал я, улыбаясь во все свои тридцать два полированных зуба, словно одна моя знакомая акула.

— Побойся Черного Сталкера, — оскорбился Шустрый. — Я ж не «отмычке» голимый ствол загнал, а сталкеру эксклюзив продал. У нас, барыг, тоже профессиональная гордость есть.

Я глянул на часы. До названного Шустрым срока оставалось четырнадцать минут, которые надо было на что-то потратить.

— Ну а кроме правительственных планов, есть еще какие новости? — поинтересовался я.

— А то! — отозвался Шустрый. — Ты ж договорить не дал, сразу набросился — ствол ему подавай. Новостей выше крыши, и одна хлеще другой. После того как ты с Меченым и его группой подпортили пиндосам их штакетник на севере, Дядя Сэм страшно обиделся и объявил всех сталкеров террористами номер один. После чего твердо вознамерился превратить Зону в филиал Ирака. Польза очевидная — добыча артефактов и мутантов для продажи, испытание нового оружия и снаряги в экстремальных условиях плюс научные исследования невиданных явлений природы и новых форм материи — вдруг из них оружие какое можно слепить или параллельный мир захватить между делом. Но самое главное — создание еще одной военной базы на территории бывшего «совка». Узбекистана с Киргизией им мало, мля, теперь еще и Украина понадобилась.

Шустрый смачно сплюнул на пол. Может, муху ртом поймал — их здесь целые эскадрильи жужжали над тарелками (почему я ничего и не заказывал), а может, еще что.

— В общем, начали они тут настоящую локальную войну, — продолжил Шустрый. — «Антитагов» понагнали, построились в колонны и давай Зону прочесывать на предмет поиска террористов. Да не тут-то было.

Торговец самодовольно хмыкнул.

— Свободные сталкеры, понятное дело, во главе с Валерьяном начали натуральную партизанскую войну. И — не поверишь! «Долг» со «Свободой» замирились в открытую, правда, с оговоркой — на время боевых действий. После чего скоординировали со сталкерами совместные действия... и началось.

— Подозреваю, что в Зоне за последнее время появилось очень много экзоскелетов последней модели и навороченных штатовских винтовок, — предположил я.

— Есть такое дело, — кивнул Шустрый. — Только оно досюда не доходит, военные всё фильтруют жестко на Первом кольце и продают владельцам обратно.

— Лихо, — усмехнулся я. — Кстати, а что наши предприимчивые вояки решили с этой войной делать?

— Ничего не решили, — вздохнул торговец. — Заняли вооруженный нейтралитет. Им сейчас в Зону никак не с руки соваться. Начнут пиндосам помогать — народ не поймет. Сталкеров поддержат, мол, преступники наши, сами разберемся — америкосы взбрыкнут, типа, государство террористов прикрывает и всё такое. И то и другое вопрос политический, потому вояки только кордоны усилили да иногда бандюков гоняют, чтоб видимость движухи создать, а глубоко в Зону не суются. Там сейчас ситуация вообще непонятная, черт-те что творится.

— По-моему, все ясно, — возразил я. — Заокеанские демократы военные заказы осваивают. Что ж тут непонятного?

— Да я не об этом, — отмахнулся Шустрый. — В Зоне пару месяцев назад Черный Сталкер объявился.

— Шухов, что ли? — удивился я.

Черный Сталкер в Зоне был Легендой неоднозначной. Кто-то вроде как видел его в качестве то ли привидения, то ли посткумарного глюка, но подавляющее большинство считало лишь персонажем местного фольклора, героем анекдотов, которые сталкеры просто обожают травить на вечерних привалах.

— Да какой Шухов, — отмахнулся Шустрый. — Убийца. Зверь каких поискать. Мочит всех подряд — и сталкеров, и пиндосов. Причем не по-человечески. Нет бы пулю в голову как положено, и снарягу с хабаром забрать, тогда б понятно все было. А так долбанет чем-то по башке, с ног собьет, свяжет, живот вскроет, засунет в кишки взрывпакет, фитиль подожжет и уйдет. А фитиль длинный оставляет, лежи, любуйся и жди маленького бада-бума... Жуть, одним словом. После взрыва человек-то еще долго живой остается с кишками, порванными в лоскуты.

— А почему этого садиста Черным Сталкером прозвали? — спросил я.

— Видели его, — сказал торговец. — В черное он рядится по самые уши. В тени хрен заметишь. В Зоне-то, сам знаешь, солнца, считай, не бывает, так что для того, кто умеет в тенях шхериться, самое то оно.

Я задумался. Какая-то мысль пыталась зацепиться за сознание, бывает такое — вроде вот-вот придет понимание, в миллиметре ты от него... Ан нет. Словно крупная рыба, с крючка срывается то, что дергало только что за леску. И вновь плавная река забвения несет вместе со своими водами важнейшие мысли, которым никогда не суждено стать частью твоей жизни и, возможно, изменить твою судьбу...

— А еще говорят, у Харона помощник объявился, — продолжил Шустрый, окончательно прервав мои попытки сосредоточиться и вспомнить нечто очень важное. — Отморозок еще тот, но мудрый как псевдогадюка. То, что пиндосы «Монолит» финансируют и экипировкой снабжают, давно уже ни для кого не секрет. Так этот дальше пошел. Теперь с его подачи «Наемники» вообще заказов со стороны не берут, перекупил их новый помощник

Харона на корню. Так что сегодня на Дикие Территории уже не сунуться — банда Бехрама на «Монолит» шарашит и всех посторонних ее снайперы отстреливают за километр до границы.

— Оно и раньше почти то же самое было, — сказал я.

— То же, да не то же, — мрачно проговорил Шустрый. — Раньше «Монолит» сидел себе в Припяти и дальше Выжигателя мозгов нос не совал. Сейчас же, с подачи пиндосов и при поддержке подразделений «Антигаг», их бойцы всю Зону к ногтю прижимают. И довольно успешно. «Милитари» оказалась между двух огней — с севера «Монолит», с запада — «Наемники». Ну, «Свобода» по шапке и получила, еле ноги унесли с армейских складов. Так что теперь «Милитари» уже под «Монолитом» вместе с оружием и боеприпасами — полагаю, законсервированные склады-бункеры они уже вскрыли. Думаю, «Росток» на очереди. И хоть Воронин и гоношится, мол, пусть попробуют сунуться и все такое, мое мнение следующее: извиняй за каламбур, но долго «Долгу» не продержаться. Что еще... Научникам все до фени, лишь бы их не трогали, да пиндосам в общем-то по барабану шайка яйцеголовых на Янтаре. Их консервную банку с бронеколпаками вскрывать — геморроя не оберешься, потому с Сахаровым «монолитовцы» очень любезны и торгуют вовсю. И что в остатке? «Ренегаты», которые за «Медузу» родную маму продадут? Или Валерьян с кучкой «Вольных сталкеров»? Все они бойцы до первого прорвавшегося через аномалии подразделения «Антигагов» в нанокостюмах, которые «калаш» только в упор пробивает. Думается мне, что еще месячишко-другой — и наших вояк вежливо попросят с кордонов парни в зеленых беретах. И ничего им не останется, кроме того, как удалиться, гордо подняв голову.

— Дела... — протянул я.

— Не то слово, — кивнул Шустрый. — Старая Зона последние деньки доживает. «Монолитовцы» с наемниками в ней каждую тропку знают, потому Валерьяну с Лукашом и Ворониным ничего не светит.

— Ну, насчет последних деньков это ты загнул, — хмыкнул я. — Если Зона не захочет, значит, все будет по-старому. Или по-новому — если захочет.

— Это да, — кивнул торговец. — Тут не поспоришь.

— Слушай, — сказал я, внезапно осененный одной мыслью. — А ты случайно не слышал, на днях девчонка Периметр не переходила? Ну, фигуристая такая, волосы золотистые, глаза синие?

...Когда девушка уходит от тебя, заноза в сердце все равно остается. И каждый думает, что, если вернуть все как было, саднить перестанет, при этом прекрасно зная, что обманывает сам себя, — как было, уже никогда не будет. А если и будет, то, скорее всего, плохо и недолго. Или сильно по-другому. Но почему же, осознавая все это, каждый из нас все равно пытается вернуть прошлое?..

Шустрый внимательно посмотрел на меня. Потом на тарелку. Потом снова на меня.

— Тебе это точно надо? — спросил он.

— Мне это точно не надо, — честно ответил я. — И никому это не надо. Но все-таки — она в Зоне?

Шустрый кивнул — а может, просто он был слишком пьян и его просто немного качнуло вперед. Переспрашивать я не стал. Тем более что четверть часа, о которой говорил торговец, уже пять минут как миновала.

— Удачи, Шустрый, — сказал я, поднимаясь со скамьи.

— Удачи, Снайпер, — прилетело мне в спину...

Торговец не обманул — в туалетном бачке обнаружился герметичный пластиковый пакет с заказом. Я тщательно вымыл руки, обтер пакет туалетной бумагой, распечатал. Угу. Пистолет, глушитель отдельно, коробка на сорок патронов 45 АСР с надписью «Made in USA», десять в магазине. Нормальная тема и для удобства расчета, и чтоб пружину не перегружать без надобности. И запасной магазин в придачу сверх договоренности. Молодец

Шустрый.

Я привычно проверил оружие. Отличная машинка, для начала сойдет.

Положив пистолет с отсоединенным глушителем в специальный потайной карман под подкладкой куртки, я распределил по карманам остальное и непринужденной походкой покинул место общего пользования.

Шустрога в зале уже не было. Губастая официантка убирала его стол, составляя на поднос пустые банки из-под пива и грязные тарелки. Новичков тоже след простыл — не исключено, что торговец увел их за собой, словно дудочник из немецкой легенды, оперативно вдвув им в уши свой вариант средневековой волшебной музыки.

Лишь двое военных — старший сержант и лейтенант, — умяв по банке китайской тушенки, хлебали на десерт мутное разливное пиво из тяжелых стеклянных кружек, чудом сохранившихся еще со времен застоя.

Я направился было к двери, прикидывая на ходу как бы мне половчее перебраться за Периметр, — в настоящее время у меня уже было как минимум две причины для того, чтобы вернуться в Зону. Но военные, похоже, сейчас были в той кондиции, когда человек еще не пьян, но уже и не трезв, и безудержная удаль, порожденная промежуточным состоянием разума, требует либо нажраться в хлам, либо выплеснуть на кого-нибудь раздражение в случае, если продолжение банкета по каким-то причинам невозможно.

— Глянь, Роднянский, какая рожа черная, — громко сказал лейтенант. — Пока мы тут кровососов кормим, они, мля, в Ниццах хари свои копят.

Судя по упитанной летёхиной ряшке и «нулевому» камуфляжу без малейших следов пребывания в Зоне, кровососа он видел только на картинке. Но это уже был малозначительный факт его биографии. Просто мой мозг выдал бесполезную информацию и быстро начал перестраивать нервные импульсы в соответствии с обстановкой.

— Точно, триц лейтенант, — поддакнул подчиненный, в лапище которого пивная кружка казалась предметом из детского кухонного набора. — Пряма негритос с Северных кордонов.

Я шел мимо, не обращая внимания на пару подвыпивших служивых. Вряд ли Шустрый слил им информацию про меня — такого торговцы с бывальыми сталкерами себе не позволяли. Хотя, если Зона и вправду так сильно изменилась, то не исключено, что и законы в ней стали несколько иными.

Пройти до выхода из ресторана мне оставалось шагов десять, не больше, как вдруг лейтенант слишком ловко для пьяного бросил в меня пустой банкой из-под тушенки.

— Лови!

Хватать руками заляпанную жиром банку в мои планы не входило. Я просто отклонился вправо, и жестянка, разбрасывая в воздухе кусочки желе, просвистев в сантиметре от моего носа, угодила точно в затылок официантке, транспортировавшей заваленный посудой поднос в сторону кухни.

От неожиданности девчонка взвизгнула словно подстреленная псевдоплоть, поскользнулась и вместе с подносом грохнулась на пол. Вилки-ложки-тарелки, звеня, полетели под ближайший стол.

— Ах ты козлина, — с расстановкой произнес лейтенант, неторопливо отрывая зад от скамьи. — Официантку нашу обижать вздумал?

Вставал он медленно, как и положено командиру, ожидающему, что приданные ему силы немедленно ринутся в атаку.

Силы ожидание оправдали.

Сержант довольно пружинисто для такой туши вскочил со скамьи и ринулся ко мне, заноса пудовый кулак для сокрушительного удара.

Попадать под такую кувалду из костей и мяса в мои планы никак не входило. Потому я немного отклонился — на этот раз влево, одновременно делая шаг навстречу противнику. Над правым ухом рассекло воздух дробящее орудие с набитыми костяшками пальцев. Я же,

продолжая движение вперед, прихватил сержанта за его «Флору» и резко выбросил вперед правое колено.

Эффект получился ожидаемый, словно кусок мяса резко насадили на стальной шампур. Удар пришелся в низ живота, под моим коленом ощутимо хрустнула лобковая кость. Сержант охнул и сложился пополам. Его горло легло на мое правое предплечье. Захлест кистью затылка произошел словно сам собой, по инерции. Короткий поворот корпусом — и туша мало не в полтора центнера со всего маху грохнулась на спину, широко расставив ноги...

Серьезную ошибку совершают родители, уча детей, что бить противника в пах нехорошо. В нежном возрасте слова старших записываются в памяти, порождая идиотские правила, соблюдение которых может стоить жизни в реальном столкновении. Того, кто собрался вас покалечить, нужно калечить раньше, чем он осуществит задуманное. Причем наиболее простыми и доступными способами. Особенно если тот противник вооружен...

Я резко ударил каблуком вниз, словно паука давил. Страшное дело, когда обломки лобковой кости при повторном ударе рвут нежные паховые ткани. Зато надежное. От нереальной боли мозг гаснет, словно перегоревшая лампочка, и рука, рефлекторно тянувшаяся к пистолету, спешно хватается за источник боли. Словно это может помочь сознанию не провалиться в спасительное небытие...

Вся сцена заняла не больше секунды. Лейтенант, осознав, что его авангард был разгромлен за время, необходимое для того, чтобы растерянным голосом произнести «твою мать...», довольно проворно выдернул из кобуры пистолет.

Однако я не стал дожидаться, пока военный совместит линию выстрела с моим телом. Бросившись вперед, я успел перехватить оружие за ствол и совершить элементарное движение — резко повернуть его дульным срезом к хозяину.

Указательный палец лейтенанта соскочил со спускового крючка, рукоять вывернулась из ладони. Я же, продолжив движение руки, занес огнестрельный кастет и рубанул им наискось по точке, подробно описанной еще Гомером в его «Одиссее». Как оно там у древнегреческого классика?

Одиссей же по шее ударил под ухом и кости
Все внутри раздробил. Багровая кровь полилась
Изо рта. Стиснув зубы, со стоном Ир в пыль повалился,
Топая пятками оземь...⁵

В моем случае военный оказался хлипче противника Одиссея — просто рухнул на пол, словно срезанный очередью из ПКТ. Оно и понятно, перелом сосцевидного отростка не хухры-мухры, а натуральная черепно-мозговая травма.

Я быстро осмотрелся. Никого, только голоса на кухне — женский и два мужских. Не иначе почуяли что-то и удалились, дабы не попасть ненароком под раздачу. И это весьма правильно с их стороны.

Одним прыжком преодолев расстояние, отделявшее меня от порога заведения, я быстро перевернул висящую на двери табличку «Открыто», захлопнул ее и кляцнул внутренней щеколдой, больше напоминавшей стальной засов. Отлично, минут пять у меня, надеюсь, есть.

Однако следовало разобраться еще в одном вопросе.

В руке у меня было зажато что-то странное, ранее невиданное. Анатомическая рукоять, удлиненный ствол, довольно незначительный вес для такой дуры — не иначе рамка полимерная. И надпись на затворе:

⁵ Гомер. «Одиссея». Перевод В. В. Вересаева.

FORT-21.03 cal.9X19
made in Ukraine

Ай да летёха, какую продвинутую машинку себе отхватил! Хотя в большинстве случаев успех зависит больше от того, кто оружие в руках держит, а не от навороченности ствола. Ну и от удачи, конечно, что была сегодня не на стороне хозяина эксклюзивного продукта украинских оружейных технологий, о котором я, признаться, даже и не слышал.

У амбала на ремне висел обычный затертый ПМ, которых в Зоне море. Потому я только сдернул с пистолета затвор и выбросил возвратную пружину под стол — мало ли, вдруг сержант очнется раньше времени и решит стать героем.

После чего я вернулся к поверженному лейтенанту. Неожиданно мне в голову пришла абсолютно безумная мысль.

Летеха оказался примерно моего роста и комплекции. Содрать с него «Флору» и натянуть на себя — дело двух минут. Берцы тоже подошли, хотя оказались чуть великоваты, — но это мелочи. Документы в левом нагрудном кармане? Отлично! И магазин запасной в специальном кармане штанов. Хорошо бы, чтоб не пригодился, но что-то в свете последних событий слабо в это верится.

Переодевшись, я навернул на «Альпийца» глушитель и сунул пистолет за пазуху так, чтобы глушак пришелся под ремень, на котором висела кобура с «Фортом» и кожаный чехол с наручниками. Снимать его — лишние полминуты, так что пусть болтается.

Итак, два навороченных пистолета, камуфля и документы лейтенанта ОСНГ — неплохое начало. Правда, сильно опасное для здоровья. Пожалуй, даже переползание через колючку Периметра и минные поля не настолько рискованное занятие, как нападение на военнослужащих, тот Периметр охраняющих. То, что я защищался, естественно, никогда не доказать. Да и некому доказывать будет — отведут к Первому кольцу, шлепнут и выкинут в Зону. На следующее утро мутанты и костей от трупа не оставят. Так что выбор у меня невелик, и, может быть, даже где-то хорошо, что все так получилось. А вот насколько хорошо — это мы узнаем в ближайшем будущем.

Взяв со стола военных недопитую поллитровку питьевого спирта, я вылил ее на свою модную одежду, которую бросил в горящий камин. Дорогушие шмотки обиженно затрещали, пожираемые жадным огнем. В помещении ощутимо завоняло горелым.

— Ну что, военные, всё там у вас?

В зал из кухонного закутка сунулась усатая, откормленная морда — не иначе хозяин «Второго кольца».

— Всё, — сказал я, приставив к мгновенно вспотевшему лбу хозяина глушитель «Альпийца». — А теперь кругом и шагом марш обратно.

Хозяин «Второго кольца» выполнил команду с проворством «духа со стажем» и метнулся в кухонный туман, пожалуй, даже слишком поспешно. Я шагнул следом — и посторонился, пропустив мимо себя удар разделочным топором. За косяком стоял некто в грязно-белом облачении с внушительным животом наперевес — наверно, повар, решивший, что ему удастся то, что не удалось профессионалам.

Тяжелый топор на длинной ручке, не встретив сопротивления, воткнулся в пол, потянув за собой хозяина. Ну я и долбанул рукоятью «Альпийца» по возникшему передо мной жирному затылку — не ждать же пока повар повторит попытку разделать меня словно говяжью тушу.

Мигом обмякшее тело повара мягко плюхнулось на живот и распласталось на полу, разбросав руки и ноги словно большая морская звезда. Я перешагнул через него и осмотрелся.

Кухня как кухня, по которой давно плачет санэпидстанция, — большая и вонючая. Плиты, баки, лопатки-поварешки, развешанные на стенах, и кружки-тарелки в специальных проволочных подставках. Хозяин, прижавшийся к краю длинного стола и белый от страха,

словно его мукой обсыпали. Официантка у стены, тоже бледная с лица несмотря на румяна, уставившаяся на меня большими коровьими глазами. И большая стальная дверь, которой в кухне явно не место.

— Там что? — качнул я стволом пистолета в сторону странной двери.

— А... мме... — сказал хозяин, явно уступавший в отваге своему повару.

— Загон, — пискнула официантка.

Загон? Что за загон?

Я подошел к двери, с усилием провернул штурвал, вмонтированный в ее центр, и потянул на себя.

И сразу же мне в уши ударил многоголосый визг и лай. Я заглянул внутрь — и присвистнул.

В довольно большом помещении вдоль стен стояли тесные вольеры, в которых сидели... самые обыкновенные собаки. Большие, средние и маленькие собаченции, в основном беспородные и лохматые. Правда, среди них я углядел весьма габаритного кавказца, ротвейлера и даже бультерьера, тут же уставившегося на меня маленькими равнодушными глазками. Все обитатели загона были облезлыми, грязными и неухоженными, но не настолько, чтобы не отличить этих обитателей подворотен от мутировавших безглазых тварей Зоны.

Я обернулся и посмотрел на хозяина. Возможно, сейчас мой взгляд был похож на немигающий электронный прицел, вмонтированный природой в акулий череп бультерьера.

— Как я понимаю, ты всех посетителей собачатиной кормишь? — спросил я.

Хозяин, немного пришедший в себя, пожал плечами и сказал с некоторым вызовом:

— А что?

Решил, наверно, что если я сразу его не пристрелил, то бояться нечего. Опасное заблуждение.

— Ничего, — сказал я, мысленно прикидывая, сколько у меня осталось времени до того, пока военные обнаружат пропажу двоих сослуживцев. Что, впрочем, не мешало моему воображению прокручивать сцену — вот эти двое кабанов вытаскивают из вольера визжащую собаку, отрубая ей голову, спускают кровь, обдирают...

Повар понемногу приходил в себя и даже пытался подняться. Я подошел к хозяину ресторана, взял его за шиворот и втолкнул в вольер. Следом, ткнув в морду повара для наглядности глушитель моего ударно-стрелкового оружия, моментально привел толстяка в чувство, после чего отправил его следом за боссом.

— Что вы собираетесь делать? — взвился хозяин из глубины загона. Похоже, почувствовал, что одним заключением за стальной дверью дело не обойдется.

— Я — ничего, — сказал я. — А что решат они, то их право. Теперь вы с ними на равных.

После чего тремя выстрелами из «Альпийца» сбил замки с вольеров буля, кавказца и ротвейлера. И запер дверь.

— Я никому ничего не скажу, — быстро проговорила официантка.

— Я знаю, — произнес я, уверенный, что первому же вояке, освободившему поднос-менеджера, будет вывалено все вплоть до того, каким узлом я завязываю шнуровку трофейных берцев.

Я быстро связал девицу ее же передником, прицепил за щиколотку наручниками к ножке тяжеленного стола и воткнул в рот кляп, свернутый из какой-то пропитанной жиром тряпки, — ну извините, не я виноват, что у них на кухне все такое стерильное, а носить батистовые платки в карманах ни я, ни оглушенный пистолетом лейтенант привычки не имели.

Унюхав амбре самодельного кляпа, официантка замычала — и закатила глазки. Отъехала. Ничего страшного, думается мне, что в связке она — Шустрый — хозяин «Второго кольца» эта особа играла не последнюю роль. Так что каждому — по заслугам, но

дамам как слабому полу — скидка.

Обезвредив таким образом тех, кто мог помешать моему отходу, я прошел вглубь кухни, где обнаружил черный ход. Его просто не могло не быть — не через зал же для посетителей загроужали в вольер свежедоставленных собачек.

Наружу я вышел уверенной походкой офицера, шествующего по неотложному делу и не намеренного по пути отвлекаться на всякую ерунду. Обогнув ресторан, я направился к КПП, возле которого замер БТР-4 «Буцефал» — детище ВПК Украины. Машина грозная, гораздо мощнее своих предшественников, проржавевшие трупы которых догнивают в Зоне безмолвными памятниками двух катастроф. Автоматическая пушка, автоматический гранатомет, крупнокалиберный пулемет, ПТРК «Конкурс-М», при достаточной доле везения способный превратить в огненный факел практически любой современный танк. При этом, насколько мне известно, машина эксклюзивная. Такие год назад в Украине можно было по пальцам пересчитать. И что у нее внутри, только Хозяину Зоны и известно — я их только на картинках и видел.

Но исходя из того, что с минуты на минуту либо из «Второго кольца» вывалится кто-то из пленников, либо военные сильно заинтересуются куда подевались их товарищи, особого выбора у меня не было.

Возле бронетранспортера возились двое солдат. Один старательно подправлял кистью бортовой номер машины, второй держал банку с краской, отчаянно при этом зевая. Заприметив незнакомого летёху, решительно направляющегося в их сторону, военный захлопнул рот и что-то сказал товарищу.

Тот обернулся, сделав при этом неловкое движение, отчего кисть мазнула по борту, и почти уже обновленная «девятка» превратилась в недоделанную «восьмерку».

Судя по забористому мату, выданному на смеси русского и украинского, ответственную работу художника выполнял «дембель», за время службы так и не усвоивший, что автомат даже во время художественных работ не стоит снимать с плеча и прислонять к колесу боевой машины. Зато военный впитал другое — лейтенант, он, конечно, офицер, но по статусу для «дедушки» не особо ужасен. А уж незнакомый, только что в часть прибывший, — тем более. Потому, не особо стесняясь, он вдохнул новую порцию воздуха — наверно, решил продолжить рассказ о том, что он думает о сослуживце с банкой... и задохнулся. Не то чтобы порция кислорода в легких оказалась слишком большой, просто от незаметного с виду и правильно проведенного тычка кулаком в «солнышко» человек вполне может временно потерять способность дышать и, как следствие, извергать из себя поток инвективной лексики.

Второй солдат от неожиданности открыл рот — то ли удивился, то ли заорать собрался. Выяснить мне было некогда, поэтому я просто хлопнул ладонью по доньшку банки, и густая белая краска тягучей массой залепила лицо незадачливого подмастерья.

«Художник» хрипел, держась за живот и сползая по колесу БТРа, но все это я видел уже краем глаза. Подхватив автомат, я распахнул дверь машины, очень надеясь, что смогу разобраться с управлением.

Смог. Отделение управления не особо отличалось от хорошо знакомого мне БТР-80. И отлично. Теперь главное завести и чтоб баки полными были...

Машина завелась, что называется, с полоборота. Иначе и быть не могло. Хоть участок и более-менее спокойный, прикрытый от Зоны Первым кольцом, но, случись после Выброса новый гон мутантов, Первому может понадобится подмога. Потому машину военные держали в постоянной боеготовности — и спасибо им за это. Глядишь, в будущем после моего урока и личный состав будет также всегда начеку.

«Буцефал» взревел двигателями и рванул с места с прытью боевого коня Александра Македонского, чье имя он носил. Стальные ворота КПП летели прямо на меня. Объехать бы их, но нельзя — наверняка вдоль ограждения Второго кольца имеется густо засеянное смертью минное поле на случай прорыва мутантов через передний край обороны. Было

такое, и не раз в истории Зоны, а военные — надо отдать им должное — весьма неплохо учатся на ошибках тех, чьи останки догнивают в Зоне либо уехали домой в цинковых гробах.

Потому выбора не было... как и стрелка, который мог бы вынести ворота одним выстрелом из пушки...

От удара машину ощутимо трянуло и даже ненадолго повело вправо. Но «Буцефал» свою задачу выполнил. Стальные створки сложились наружу словно картонные, а в следующее мгновение и вовсе слетели с петель. Полосатый шлагбаум за воротами, который бдительный страж зачем-то начал опускать, БТР снес словно веточку — только обломки во все стороны полетели — и рванул вперед по накатанной широкой дороге.

Теперь вопрос был только во времени. Насколько быстро военные с КПП Второго кольца смогут предупредить своих коллег в «Дитятках». Семь километров для такой машины не расстояние. Судя по тому, как «Буцефал» летел по разбитому шоссе, он и по проселочной дороге шестьдесят километров в час выдаст свободно. Но иногда полтора километра в минуту — это очень и очень медленно...

Как всегда это бывает в критические моменты, время растянулось словно давно перемалываемая челюстями жевательная резинка. Я уже видел асимметричные треугольные крыши «Дитяток» рядом со способным держать круговую оборону кирпичным блокпостом и установленные возле тройной ограды из колючей проволоки огромные плакаты, наверняка призывающие безумцев вроде меня не пытаться проникнуть на охраняемую территорию.

А еще я видел, как неторопливо — куда ж этот псих на БТРе денется? — разворачивает башню перегородивший дорогу танк, по виду смахивающий на Т-90, но в то же время с бросающимися в глаза отличиями. Сплошь закрытая броней ходовая часть, динамическая защита, похожая на пластинчатый доспех средневекового самурая... Не иначе «Оплот» — еще одно детище украинской военной мысли.

Да уж, не повезло так не повезло... Танкисты не особенно суетились, практически уверенные в том, что стрелять не придется. Ну какой идиот, пусть даже в бронетранспортере, поперет на современный танк со двадцатипятимиллиметровым оружием? Вон командир даже из люка высунулся посмотреть чем все кончится — одно дело в приборы пялиться, другое — своими глазами полюбоваться на чудо невиданное. Им, видать, уже сообщили, что неизвестный камикадзе в одиночку спёр БТР, вот и не опасался офицер получить горячий привет из боевого модуля «Буцефала», зная об отсутствии в нем командира и стрелка-оператора.

Но у меня просто не было выбора. Свернуть с дороги нельзя — увидят, что пытаешься улизнуть, просто стрельнут вслед ПТУРОм, от которого виляй не виляй уйти не удастся. Остановить машину и сдать? Можно и так, проживешь на десять минут дольше. Выведут за стальные ворота Первого кольца и пустят пулю в затылок или вздернут на ближайшем дереве, чтоб не тратить боезапас, — что называется, с возвращением, Снайпер, упокой тебя Зона.

Потому я и гнал машину на предельной скорости прямо на танк... оружие которого медленно опускалось, готовясь выплунуть бронебойно-подкалиберный снаряд либо ракету, управляемую по лазерному лучу. Видать, поняли танкисты, что сворачивать я не собираюсь, и решили не рисковать.

Правда, решили поздно...

Танк трянуло, из ствола орудия вырвался дымок... но наблюдал я все это уже в полете, покинув кабину БТРа за мгновение до выстрела. Кстати, весьма болезненное это дело — прыгать из машины на полном ходу, даже для тренированного тела, и без участия мозга умеющего рефлекторно кувырком гасить удар об землю.

Я покатился в придорожные кусты словно перекасти-поле, гонимое по траве приближающимся Выбросом. Не мутант — помесь псевдоплоти с изоморфом, а легкий шар из высохших стеблей — хотя, думаю, и мутанту от Выброса не поздоровится, если не успеет забиться в какую-нибудь нору...

Ну вот, опять мысли ни к селу ни к городу во время самого что ни на есть экстрима. Хотя, чем еще заниматься, когда тело само знает что ему делать?..

Ну и киноплёнка времени, как обычно, опять распадается на отдельные кадры, которые потом — если выживу, конечно! — так и будут вспоминаться аляповатыми картинками словно бы чужой жизни, но никак не моей. Потому что далеко я не герой фантастического боевика, чтобы с пистолетом на танк переть. Но, когда кроме пистолета, ничего за душой нет, то что еще остается делать?

Итак, совершив двойной пережат, я вышел в положение стрельбы с колена, держа в руках все того же «Альпийца», — кобуру с «Фортом» расстегивать — это целых полсекунды, а у меня их не было. Автомат остался в кабине — и зачем, спрашивается, с собой тащил? Привычка, наверно, надо не надо хватать бесхозное оружие — вдруг пригодится? Сейчас не пригодилось.

Тем более что сожалеть было не о чем. Трофейного автомата уже не существовало в объективной реальности. Он вместе с «Буцефалом» превратился в груды металла, раздираемую огнем... которая все же по инерции, разваливаясь на ходу, продолжала лететь прямо на танк.

Конечно, «Оплот» был рассчитан на гораздо более серьезные атаки, и вряд ли чем могла ему повредить куча останков уже фактически уничтоженного БТРа. Но с другой стороны, водителя можно было понять — летящая на тебя масса огня и металла не вызывает желания познакомиться с нею поближе. Да и стоимость танка в несколько миллионов американских долларов обязывает военнослужащих холить и лелеять вверенную им технику, а не экспериментировать, подставляя ее под удар разодранного взрывом БТРа.

Короче, танк попятился назад, причем довольно резво. Командир, осознав, что может получить осколок промеж глаз, попытался нырнуть обратно в недра башни... но сделал это недостаточно быстро. «Альпиец», уже пристрелянный мной по замкам собачьего вольера, выплюнул кусочек свинца — и танкист сполз внутрь башни, не успев отдать команду водителю немедленно прекратить позорное бегство с поля боя.

Ведь любое бегство чревато последствиями.

Задняя часть танка въехала в ворота, которые от удара многотонной машины просто рухнули плашмя внутрь Зоны.

Путь был открыт.

Я стартанул с места словно спринтер, твердо решивший повесить себе на шею олимпийскую золотую медаль. Правда, у меня была более существенная мотивация — в случае, если я не преодолею дистанцию за отведенное время, вояки просто-напросто приговорят меня к высшей мере без суда и следствия и тут же приведут приговор в исполнение.

Я видел, как из обоих зданий блокпоста выбегали военные, и их многоэтажный мат, адресованный танкистам, был мне отлично слышен — не так уж далеко от комплекса зданий «Дитяток» совершил я свое десантирование. Метров двести-триста, не больше. И я несся по пересеченной местности со скоростью чемпиона по бегу на короткие дистанции — а может, и быстрее, попутно представляя, как это выглядит со стороны. Летёха с длинноствольным пистолетом в руке чешет на всех парах по полю. Откуда чешет? Зачем?

— Он здесь! — заорал я дурным голосом. — Держите, а то в Зону уйдет!

Текст был безыскусен и понятен. Кто «здесь» и куда должен «уйти», никто не переспрашивал. Танк сдал вперед, освобождая проход в ограждении, и отделение военных числом десять человек просочилось в брешь, проделанную танком. Правда, в Зону они идти не спешили, ждали приказа вышестоящего начальства. А может, просто боялись — территорию за ограждением вряд ли можно было считать безопасной для моциона даже при наличии автомата в руках.

— За ним! — заорал я, сжигая последние остатки воздуха в легких.

Вояки растерянно крутили одинаковыми шлемами «Сфера», надеясь получить более

четкие указания. Вроде через пролом никто не пробежал, но в то же время летёха не зря же так разоряется.

Из кирпичного здания слева выскочил заспанный майор, на ходу расстегивая кобуру.

— Чё такое нах?! — рыкнул он. — Чё за нах творится? Кто, мля, ворота повалил, уррроды?!

— Он там! — ткнул я стволом пистолета в мрачный, безжизненный пейзаж за забором, пробегая мимо.

— Этот урод командира нашего завалил!!! — подлил масла в огонь стрелок, высунувшись из люка. — Держите его, мужики!

Стрелок сыграл мне на руку. Военные, наконец решившись, рванули в Зону через пролом, я же, немного поотстав, вовремя обернулся.

Танкист, положив локти на броню, целился мне в затылок из табельного пистолета. Из пулемета, что ли, не сообразил полоснуть или своих очередью боялся задеть? Или, осознав, что не осколок образовался во лбу командира танка, а аккуратное пулевое отверстие, он понял что-то, а что именно понял — пока не осознал. Бывает такое, шок называется, от событий, которые происходят слишком быстро одно за другим. Тем не менее выяснять, с чего это стрелку «Оплота» пришла в голову блажь поупражняться в стрельбе из пистолета, я не стал, а просто отработал на опережение. Уж извините, люди, но, когда вы пытаетесь убить меня, я делаю то же самое, но обычно немного быстрее. К тому же не я затеял эту заварушку. Глядишь, не докопайся до меня в ресторане ваши коллеги, полз бы я сейчас тихо-мирно по минному полю и никого не трогал. Но, видать, не судьба.

Стрелок стек внутрь башни, повторив путь своего командира. Я же рванул в Зону вслед за военными.

— Туда! — показал я на темную стену леса крайним в цепи солдатам, которые осторожно приминали берцами серую траву Зоны, словно каждая травинка была стальным шипом, способным пробить подошву вместе со стопой. И быстро пошел в указанном направлении.

— Вот сам туда и иди, — услышал я тихое напутствие в спину. — Чокнутый, блин...

— Лейтенант, куда?

Я узнал рык майора. Плохо. Если он что-то понял, до леса не дойду — десяток автоматов превратят меня в дуршлаг раньше. А осталось-то до спасительных деревьев всего ничего — пара десятков шагов.

— Трусишь, майор? — бросил я через плечо не останавливаясь. — Там скрылся государственный преступник. Причем по твоей вине!

— Да как ты разговариваешь, щенок, мля, йоханыйтынах?! По моей вине? Да я тебя...

Пять шагов...

Спасибо тебе, майор, за то, что у тебя такой громкий голос, которым ты умеешь ругаться длинно и забористо, заглушая недоуменные вопросы подчиненных на тему, с какой это радости незнакомый летёха вот так запросто уходит в Зону. Правда, ругаешься ты зря. Ведь это действительно по твоей вине я сейчас иду там, куда ты не сунешься никогда потому, что и вправду трусишь. Ты, как и твои подчиненные на Кордоне, отчаянно боишься этой относительно небольшой тридцатикилометровой территории, где путь очень часто измеряется не километрами, а днями, в течение которых ты проходишь гораздо большее расстояние... и порой остаешься на месте до тех пор, пока не станешь добычей мутанта, аномалии или бандита-мародера. Ты заливаешь свой страх дешевой водкой, скрываешься от него за дымом сигарет, набитых дурью, и заглушаешь его собственным рыком. Но он навсегда останется с тобой, даже если ты уедешь отсюда далеко и навсегда. Потому что Зона не приняла тебя. Ты чужой для нее, и никогда ты не скажешь ей, дотронувшись до коры дерева, изуродованного радиацией и аномальной энергией Выбросов:

— Ну здравствуй, Зона. Ты звала меня — и вот, я вернулся.

* * *

Понятное дело, что военные за мной в лес идти не рискнули. Резанули для порядка по чащобе парой очередей и на этом успокоились. Мне было проще — я шел какими-то практически невидимыми тропками, словно был здесь не в первый раз, узнавая то, чего ни разу в жизни не видел. Исполнитель желаний вернул мне память о прошлом, но в ней иной раз обнаруживались существенные провалы. Например, убейте меня на месте, не помнил я, чтобы мне доводилось шастать в этом районе, но при этом я знал его как свои пять пальцев. И уверенно шел вперед.

Высоченные деревья смыкались над моей головой, гася кронами солнце, но свет мне не был особенно нужен. В полумраке чащи я чувствовал себя как дома... Интересная мысль. Как дома, я чувствовал себя с того момента, как пересек границу Зоны. Притом что дома у меня никогда не было. Можно было, конечно, с натяжкой назвать этим словом бунгало на острове, где я прожил около года, но не было у меня там такого ощущения умиротворения и душевного равновесия, которое поселилось в моей душе четверть часа назад.

Понемногу лес начал редеть, нехотя пропуская сквозь зеленые пальцы ветвей блеклый свет пасмурного дня. Он всегда пасмурный в Зоне, другого не бывает. И, как я понял только сейчас, другого и не нужно.

Наконец лес расступился и я вышел на опушку, посреди которой возвышался холм. Холм сильно смахивал на летающую тарелку, приземлившуюся здесь в незапамятные времена и успевшую густо обрасти мохом, травой и сорняками. Обычный человек прошел бы мимо в пяти шагах ничего особенного не заподозрив: холм и холм, на который помимо всего прочего ветры Зоны нанесли всякой дряни — опавших листьев, сухих веточек, а также мелкого мусора, выметенного с улиц недалекой заброшенной деревни. Даже неполный скелет мутировавшей собаки валялся на склоне, недобро скалясь все еще зубастыми челюстями.

Опытный же сталкер, немало повидавший на своем веку, отметил бы правильную геометрию этой странной возвышенности, её тактически грамотное расположение, позволяющее контролировать территорию как минимум в радиусе двухсот метров, отсутствие посторонних предметов в границах этой территории, за которыми можно было бы укрыться, а также утоптанную тропинку, ведущую к холму и пропадающую точно возле его подножия.

Я засунул «Альпийца» за пояс и медленно пошел к холму, давая гипотетическим наблюдателям возможность убедиться, что я один и фактически без оружия — даже самый мощный пистолет в Зоне считается оружием лишь условно. Как раз до той поры, пока бедолага не поймет, что карманная артиллерия хороша лишь для того, кто твердо вознамерился при первой же возможности пришить более удачливого коллегу, чтобы завладеть его более эффективным оружием. Потому в Зоне к человеку с пистолетом относились настороженно и могли даже не пустить к костру — поищи-ка, мил-человек, себе нормальную снарягу в другом месте, а потом заходи в гости.

Присмотревшись к холму с расстояния двадцати шагов, уже можно было разглядеть длинные линии амбразур, тянувшихся по всему периметру отлично замаскированного ДОТа. То, что это именно он, с близкого расстояния сомнений не возникало. Маскировочные сети, искусно натянутые по всей его площади и покрытые импортными имитаторами растительности, могли обмануть лишь новичка или военного, не совавшего своего носа дальше пятидесяти шагов от Периметра. Тех же, кто обманываться не хотел и желал проверить, с какой это целью в километре от границы Зоны выстроена долговременная огневая точка, были готовы встретить пулеметы, настороженные дула которых уже угадывались в темноте амбразур. Более того, замаскированный бронеколпак на вершине ДОТа в случае атаки «вертушек», вне сомнений, тоже был полон сюрпризов для нежеланных гостей.

Обогнув укрепление, я встал перед тем местом, где оканчивалась тропинка. Мигнул красный глазок видеокамеры, зажужжали сервомоторы, и в сторону отъехала тяжелая зеленая дверь, открывая вход в недра «холма».

За дверью обнаружился узкий коридор и ступеньки, ведущие вниз. По стенам коридора висели кабели, под потолком тускло мерцали — надо же! — импортные стеклянные плафоны. Помнится, в прошлый раз на их месте торчали засиженные псевдомухами тюремные фонари. И вонь в том коридоре стояла жуткая, и мусора по углам было рассовано хоть экскаватором разгребай. Сейчас же — подумать только! — лишь краской пахнет от стен, свежеразкрашенных в цвет «хаки». И ни намек на хлам, чистота как в операционной.

— Какое все зеленое, — тихонько пропел я себе под нос на мотив песенки из мультфильма моего детства, спускаясь по ступеням. — Какое небо синее, какое солнце желтое.

За моей спиной чавкнули хорошо смазанные автоматические засовы. Коридор повернул налево, еще раз налево — и я уперся во вторую бронированную заслонку. Шлюз, однако. А вон решетка вентиляции, которую динамитом не выломаешь. И если посетитель будет вести себя плохо, то скрытые вентиляторы начнут крутиться в другую сторону, а невидимый поборник правил хорошего тона повернет кран на баллоне с намалеванными на нем черепом с костями. Вон в углу пустой такой же стоит, только красный и без черепа. Но это я так, фантазирую. На самом деле все наверняка будет намного проще, без дорогого отравляющего газа и ненужных спецэффектов — в двери откроется вон то маленькое окошечко, и в случае, если хозяину холма не понравится вблизи рожа посетителя, того банально пристрелят, а после скучно и без почестей утопят в недалеком болоте.

Но, видимо, моя физиономия показалась владельцу подземной крепости достаточно благонаправленной. Вновь зажужжали скрытые механизмы, открывая мне путь в святая святых. Я перешагнул порог и чуть не уперся носом в решетку, перегораживающую помещение наглухо от пола до потолка.

— Ну здравствуй, Сидорович, — сказал я.

— Здорово, Снайпер, — невозмутимо произнес седовласый крупный мужик, сидящий за решеткой. Вернее сказать, сидел он не только за решеткой, но еще и за столом, на котором находились древний как сама Зона радиоприемник, настольная лампа, какие выпускали еще во время Второй мировой, и современный ноутбук с изображением огрызка яблока на крышке. — Вернулся?

— Типа того, — сказал я.

— Хабар принес? — прищурился торговец. — Или так, в гости по старой памяти?

— И то и другое, — произнес я, последовательно просовывая в специальное отверстие решетки «Форт» в кобуре и запасной магазин к нему.

— Неплохо, хороший товар, — хмыкнул Сидорович, быстрыми и четкими движениями проверив пистолет. — Ствол почти с нуля, но сам знаешь, в Зоне «плетки» не котируются. За него я дам тебе...

— За эту «плетку» ты легко выручишь две тысячи. Отдам за половину.

Сидорович крякнул и посмотрел на меня с уважением.

— Тыща тугриков? Годится, — хлопнул он по столу ладонью за неимением возможности пожать руку продавцу. — Молодец, я доволен. А то последнее время местные сталкеры только что консервные банки не собирают и не таскают на продажу. Может, еще что? — поинтересовался он, не спеша отдавать деньги. — Нож твой, например, продать не надумал?

— Ствол есть нормальный? — спросил я, игнорируя глупый вопрос насчет «Бритвы», на которую он, помнится, положил глаз еще в прошлую нашу встречу.

— Ну, это смотря что считать нормальным стволом, — протянул торговец. — ТОЗ-34 могу продать подержанный слегка, но сам понимаешь...

— А посерьезнее?

— Посерьезнее нет ничего, — отрезал Сидорович настолько решительно, что я понял

— есть, но не для небогатых сталкеров Прикордонья, в большинстве своем опасаящихся лезть глубоко в Зону.

Я достал из кармана пачку розовых бумажек и покачал ею в воздухе. Если честно, это были мои последние деньги. За год с лишним жизни на пальмовом острове я ни в чем себе не отказывал — яхта, машина, дорогие туры по миру, мелкие безделушки с крупными ценниками для моей любимой... Вследствие чего, даже несмотря на солидную зарплату от Сахарова, миллион с лишним евро как-то сам собой рассосался. Если жить на широкую ногу, не думая о будущем, то со временем так или иначе жизнь по-любому загонит тебя в узкие рамки действительности.

— Здесь без малого сто тысяч, — сказал я. — И мне не нужно слегка подержанного барахла, Сидорович. Все только новое и самое лучшее, включая снарягу, жратву и информацию...

* * *

В результате яростных торгов в подземном бункере, продолжавшихся больше часа, я стал обладателем новенького камуфляжа «Флора» — одежда с чужого плеча не радовала. Также я разжился грамотными берцами для тех, кто хоть немного смыслит в рукопашке, — ударопрочные подносок и задник, рант окован сталью и покрашен под цвет верха. Помимо этого приглянулся мне сталкерский комбинезон «Заря» со встроенным бронежилетом. Ну и сверху на все это пришелся как раз неполный — для экономии веса — набор индивидуальной экипировки «Танкер», включающей в себя боевой разгрузочный жилет и рюкзак, укомплектованный универсальным набором для выживания вместе с трехдневным рационом.

Также, несмотря на отговорки, нашелся у Сидоровича и эксклюзив — ружье магазинное боевое с пистолетной рукоятью РМБ-93. Правда, с патронами к нему оказалось негусто — всего две пачки, но зато каких... Все вместе с носимым боекомплектом, конечно, получилось неслабо, что по деньгам, что на подъем, но, если хочешь выжить в Зоне, не стоит пренебрегать даже самым малым, но необходимым предметом инвентаря. К тому же давно известно, что своя ноша не тянет.

Применительно к тезису малого, но необходимого поинтересовался я у Сидоровича о наличии в его арсенале гранат «Заря-2», тёзок моего комбеза.

— Чего нет — того нет, — покачал головой торговец. — Народ у нас все больше оружием интересуется, а не фейерверками.

Почесав в затылке, я назвал ему некоторое количество альтернативных ингредиентов. Сидорович выпучил глаза.

— На фига тебе эту дрянь с собой тягать? Если от нашей жратвы отвык и поноса опасаясь, то возьми энтеросорбент из армейской аптечки, самое то.

Но я все-таки настоял на своем, и Сидорович, поворчав, приволок мне необходимое, а потом еще десять минут в ехидной форме комментировал мои манипуляции, явно недоумевая, зачем человеку с двумя современными стволами понадобилась этакая средневековая хрень.

Я и сам не знал, понадобится ли мне то, что я собрал на стойке Сидоровича. Рецепт этих штукovin полгода назад мне скинул по Интернету Виктор по прозвищу Японец, который как-то чуть не пристрелил меня на Диких Территориях, а после одумался и неслабо подсобил в одном деле. Испытать рецепт на острове было все как-то недосуг да и незачем, но уже тогда думалось мне, что он мог бы пригодиться в Зоне. И сейчас вот пришло на ум — пусть будет. Чисто на всякий случай.

Результаты своих трудов я рассовал в свободные под сумки для гранат, внутри которых имелись металлические кольца. Для моих девайсов практического значения они не имели, а вот для прикупленных у Сидоровича четырех «РГДшек»годились. К кольцам я

пристегнул карабинами шнурки, свободные концы которых прикрепил к кольцам гранат. Если знаешь, что с минуты на минуту будет горячо, свёл усики РГД — и экономь по полсекунды на каждый бросок. При выхватывании гранаты из подсумка чека автоматически выдергивается таким шнурком, что помимо всего прочего позволяет бросать ее одной рукой.

В общем, упаковался по полной. Не экзоскелет, конечно, на плечах и не американский хай-тек-стрелковый комплекс в руках, но для начала весьма и весьма прилично.

Но дорожке любого эксклюзивного ствола или комбеза обошлась мне информация.

— Расскажешь чего новенького в Зоне произошло, пока я в отпуске был? — поинтересовался я, подгоняя под свою немного поплывшую талию поясной ремень разгрузки.

— А что конкретно интересует? — осторожно поинтересовался торговец.

— Много чего, — отозвался я. — Например, где можно найти Шустрого. Или кому могло понадобиться натравить на меня звено боевых вертолетов. Или, скажем, где найти Черного Сталкера, который недавно объявился в Зоне...

— Я в чужие дела не лезу, — довольно грубо прервал меня Сидорович. — Вали-ка ты отсюда, сталкер, на повышенной скорости.

Я не стал пререкаться с хозяином бункера, тем более что в темноте за его спиной шевельнулись, наводя на меня стволы, два неподвижных доселе манекена, обряженных в тяжелые армейские бронекостюмы «Булат». Вместо этого я достал из кармана разгрузки оставшиеся деньги — чуть больше половины пачки — и бросил их в щель решетки. Сидорович продолжал что-то бурчать себе под нос по инерции, но заметно тише, так, что разобрать слова было невозможно. Под конец упаковка розовых горчичников оказала свое терапевтическое действие, и торговец, прекратив изображать из себя закипевший чайник, бросил короткое:

— Спрашивай.

Я повторил вопрос.

— Шустрый на Затон подался, но тебя он воякам не сдавал. Официантка с хозяином «Второго кольца» ссучились, и Шустрый сам еле ноги из того кабака унес. Насчет вертолетов точно не знаю, но думаю, что ты достаточно пиндосам год назад нервов попортил, чтоб они не забыли о твоём существовании. К тому же у Харона новый заместитель объявился, который на вас с Меченым зуб имеет. С чего — не знаю, но «Монолит» за вас с ним как раз сотку «зеленых» назначил. За каждого.

— Было уже такое, и не раз, — хмыкнул я. — Нам не привыкать.

— Смейся-смейся, — проворчал Сидорович. — Зона и так уже почти вся под «Монолитом», еще немного — по-другому запоете. Что ты, что Воронин с Лукашом...

— А что насчет Черного Сталкера? — перебил я ворчание торговца.

— В последний раз его видели недалеко отсюда, на Болотах, — сказал Сидорович. И отрезал: — Всё. Больше ничего не знаю.

Ну что ж, на нет и суда нет. В принципе, за свои деньги я получил то, что хотел. Остальное зависело только от меня.

Я попрыгал на месте, проверяя не звенит ли где чего и не болтается ли. Не звенело и не болталось, вследствие чего я сделал вывод, что если я и подрастерял боевую сноровку на своем острове, то лишь совсем чуть-чуть. Военная подготовка — это ж как на велосипеде кататься: прошел один раз, расплатившись за науку потом и кровью, — и уже не забудешь. Потому и говорят, что бывших сталкеров, как и офицеров, не бывает. Хотя в этих местах про офицеров лучше лишний раз не упоминать во избежание непоняток со сталкерской братией.

— Ну, проветришься — заходи! — сказал мне вслед Сидорович, улыбаясь, словно кот, дорвавшийся до деревенской сметаны. Еще бы, сегодня он, наверно, годовой навар за мой счет приподнял. Но то его барыжное дело. Главное, что сейчас у меня было все необходимое для того, чтобы выполнить задуманное.

Надеюсь, личная удача, о которой в свое время много говорил Чехов на базе

«Свободы», тоже не оставила меня, — ведь без нее в Зоне все твои лихие задумки лишь до первой аномалии.

* * *

Невдалеке от логова Сидоровича виднелись проваленные крыши Андреевки — покинутой жителями деревни, в которой как-то заловила меня спящего местная шантрапа. Неприятные впечатления, хотя можно сделать скидку на то, что в те времена мой мозг был стерилен, словно скальпель хирурга, резать-кромсать готов, а больше ни на что не пригоден.

Тем не менее деревню я аккуратно обошел и двинулся на запад, к Болотам.

Конечно, близость к Периметру несколько напрягала, пару раз видел я, петляя оврагами, верхушки сторожевых вышек. Но с другой стороны, оно отчасти и на руку. Пуганные пулеметами и минами мутанты предпочитают соблюдать безопасную дистанцию, а уж бандиты-мародеры и подавно стараются от Периметра держаться подальше. Так что до Болот я дошел без приключений, если не считать таковым преодоление речушки с красивым названием Вересня по практически сгнившему деревянному мостику.

Но не судьба была мне сегодня искупаться в отравленной воде. Спрыгнув на берег, я обернулся, послушал, как недовольно скрипят доски моста, потревоженные моим весом, и заодно проверил, не сел ли мне кто на хвост. Да нет, вроде чисто. Тишина вокруг — аж на уши давит. Отвык я от такого. Когда больше года постоянно слышишь, как шелестят волны и широкие листья пальм, мертвая тишина Зоны кажется жуткой и зловещей.

Здесь нечему шуметь. Тут слишком давно все умерло. Или же ранено тяжело и смертельно и доживает свое тихо, незаметно, без стонов... Чтобы не услышали и не добились.

Тихая серая трава. Замершие, навеки переставшие расти деревья без листвы — либо с рыжей листвой, из которой в восемьдесят шестом раз и навсегда испарилась вода. И тихие тени в траве и между деревьями, которые иногда разрывают эту тишину нечеловеческим ревом либо грохотом выстрелов. А потом снова все тихо. Как в могиле. Огромной, одной для всех — и для монстров, и для людей, грызущихся в ней словно мутировавшие могильные черви за кусок мертвечины...

За размышлениями я и не заметил, как кусты, трава и деревья сменились зарослями камыша и тростника высотой в рост человека.

Болота... Гиблое место. Радиоактивные топи, притаившиеся за стеной мутировавшей растительности. Шаг в сторону — и радиометр начинает трещать словно пулемет. Хорошо, что в КПК встроена карта местности, иначе заблудиться здесь — пара пустяков.

А ведь когда-то на этом месте никаких Болот не было, и люди жили. То и дело попадаются в этом камышово-тростниковом лабиринте развалившиеся деревянные строения. И кирпичные порой попадаются, причем в довольно приличном состоянии. Строили люди, надеялись на светлое будущее. А вместо него раненая земля после аварии стала истекать отравленной водой словно ядовитой кровью. И с тех пор живут в этих местах лишь дикие кабаны да бандиты, скрывающиеся от правосудия и справедливого гнева сталкеров. Обычные трудяги Зоны редко сюда суются: артефактов мало, а вот нарваться на пулю или сгинуть в болоте — проще простого.

Правда, мало и аномалий. Наверно, это из той серии, что, даже когда все очень плохо, хоть какой-то просвет должен быть. Ну вот и шел я по этому просвету меж монолитными стенами толстого камыша, похожего на плотный частоккол копий, вонзенных в полужидкую почву.

Интересно, как я здесь буду искать так называемого Черного Сталкера? Так ведь можно по Болотам до скончания века ходить, пока сам призраком не станешь. Или зомби — как вариант. Чего-чего, а вариантов такого рода Зона может предоставить желающим предостаточно...

Судя по карте, прямо по курсу должен был находиться остров неслабых размеров. Я

уже битый час таскался по этому месиву, выдирая ноги из грязи, что мне порядком надоело. Хотелось обсушиться, зажевать сухпай и прикинуть дальнейшую стратегию. Ибо теперешняя разонравилась мне окончательно. Даже мои непромокаемые берцы с гарантией от проникновения воды внутрь возмущенно хлюпали стельками. Что уж говорить про их хозяина, поотвыкшего под южным солнцем от концентрированного экстрима Зоны.

То, что я несколько расслабился за последнее время, было для меня уже очевидно. Я выбрался на практически круглый остров, имеющий в диаметре метров двадцать, успел обрадоваться наличию в его центре оборудованной стоянки с укрытием от дождя... и слишком поздно заметил, как немного отклонился в сторону толстый стебель камыша, внося едва уловимую дисгармонию в общий вид окружающей флоры.

Но я все же успел броситься на землю, и горячая пуля лишь коснулась кожи на моей шее. Ощущение не из приятных, словно паяльником приложили.

— Вот сука! — прорычал я, перекатом уходя за толстенное бревно, предназначенное для того, чтобы путники могли мирного посидеть у костра.

Таких бревен, положенных не встык, было четыре. Меж ними оставлены проходы, в середине четырехугольника — гора потухших углей. И я собственной персоной брюхом на этом кострище. Хорошо еще, что угли давно прогорели и остыли, а то бы сразу с ходу и запекся в золе словно картофелялина в камуфлированном мундире.

Стрелявших было несколько, судя по разочарованным голосам, — не больше пяти человек.

— Мля, зашхерился, урод! — протянул стрелок, явно рассчитывавший на блицкриг.

— Это не он урод, а ты косой, — резюмировал второй голос. — С десяти шагов в тело промазал.

— Я косой? — взвился незадачливый охотник на исследователей Болот. — Да ща я его...

«Ща» не получилось. Поверх бревен я внимательно следил за тем, как шевелятся верхушки камыша. И когда в одном месте они зашевелились несколько интенсивнее, не высовывая головы, поднял свой РМБ-93 и выстрелил.

Истошный, почти поросячий визг разнесся над Болотами.

— Мля, пацаны, я маслину поймал! — заходился в крике подстреленный. — Урою на хрен, козлина!

— Сейчас еще десяток отсыплю, — пообещал я из-за бревен.

Расчет был не убивать бандита — иначе бы меня точно живым не выпустили, — а показать болотным грабителям, что они пытаются проглотить кусок, который им явно не по зубам. О чем я им и сообщил:

— Эй, братва, может, разойдемся краями? Какой вам интерес маслины ловить? Реально больше потеряете, чем возьмете.

— Мы свое полюбасу возьмем, — донеслось из камыша. — А вот твой интерес пиковый, фраер, и попал ты конкретно. Потому скидавай хабар и снарягу, подымай грабли и выходи. Тогда не тронем. Можешь пёхом на Кордон отправляться и сдать воякам. Срок получишь, зато живой. Как тебе такой расклад?

— Не катит, — отозвался я.

— Тогда смотри, какие козыри у меня в рукаве заныканы.

Вслед за этими словами со стороны камышей в воздух взлетели четыре черные точки. Две из них я успел сбить из ружья, но две упали точнехонько рядом со мной. В голове промелькнули строки из Семена Гудзенко, прочитанные в каком-то военном журнале: «Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины...»

Рядом со мной лежала пара черных «эфок», поблескивая свежей краской на ребристых черепаховых спинках. Если бы гранаты были не учебными, то из меня б сейчас получилась эдакая долма — мясной фарш в обрывках камуфляжа вместо виноградных листьев. Правда, полностью бесполезная в плане трофеев — взрывы разодрали б на части и разметали по

болоту все, что имело хоть какую-то ценность для бандитов. Потому с экономической точки зрения данное предприятие было абсолютно бессмысленным. Отсюда и учебные, а не настоящие гранаты, которые, наверно, от нечего делать бандюки наострились метать на удивление точно. И выяснять, есть ли у них в наличии Ф-1, крашенные зеленым, желания у меня не было ни малейшего.

— Ну что, фраерок, убедили мы тебя?

В издевательском голосе бандита слышались победные нотки.

— Еще как! — отозвался я, доставая из разгрузки девайс собственного изготовления, а из кармана штанов зажигалку. — А точно отпустите?

Фитилек занялся сразу — Сидорович хоть и тот еще фрукт, но товар у него всегда качественный.

— Зуб даю! Ты только давай выходи, не задерживайся.

Я прям почти увидел, как несколько пар глаз выжидательно смотрят сейчас на эти бревна поверх целиков своих ружей, пистолетов или чего еще там у них было. Ждущий всегда получает что-то... правда, иногда не совсем то, чего он ждал. Ну я и не обманул надежд бандитов, подбросив кверху продукт собственного изготовления, одновременно плотно зажмуривая глаза и широко открывая рот.

Помогло все это не очень. Жахнуло так, будто дала залп целая батарея орудий береговой обороны. И вспышка нестерпимо яркого света резанула по глазам даже через веки. Но это все было вторично. Главное, что у меня появилось несколько секунд — бесценная валюта, на которую иногда можно купить целую жизнь.

Помимо грохота и вспышки девайс выдал существенное облако черного дыма, из которого я и вывалился словно демон из ада, паля из своего РМБ.

Я нисколько не пожалел, что выложил Сидоровичу лишние полсотни евро за улучшенные патроны, производимые народными умельцами в Зоне — и только в Зоне. Патронов с пулей двенадцатого калибра весом 37,8 грамма не встретишь в магазинах на Большой земле. Их льют там лишь редкие кустари-любители пощекотать себе нервишки охотой на крупного зверя с гладкоствольным ружьем — типа, шансы уравнивают. В Зоне такие патроны производят намного чаще, ибо охота здесь идет на зверя куда более опасного, чем тигр или медведь. Зато в бою на дистанции до тридцати метров по мощности вряд ли какой ствол сравнится с магазинным боевым ружьем девяносто третьего года выпуска, заряженного такими патронами...

Выстрел в грудь опрокинул на спину тощего бандита, решившего добыть свое счастье при помощи видавшего виды «Макарова». Кувырнувшись в воздухе, тусклый от потертостей пистолет улетел в болото. Убогая броневая защита куртки его хозяина вмялась в тело, разворотив осколками стальных пластин грудную клетку. Неприятная картина, когда видишь, как окровавленные сломанные ребра вылезают наружу, пробив плотную черную кожанку. Потому я быстро повернул ствол и выстрелил дважды подряд. Дважды потому, что, когда в тебя целится из обреза амбал весом центнера в полтора, лучше перестраховаться.

Казалось, две дыры в объемистых телесах бандита не впечатлили, разве что прицел сбили. Владелец обреза поморщился — вот, мол, незадача! — и вновь вскинул оружие, намереваясь завершить начатое. Но я выстрелил в третий раз на полсекунды быстрее, стерев свинцовым ластиком морщины с мясистого лба вместе с самим лбом. Вероятно, мозгов в обширном черепе было немного, так как киношных спецэффектов тяжелая пуля не произвела. Просто на месте верхней части головы бандита образовалось что-то неприятно-багровое, отчего он, издав нижней частью что-то похожее на «мля...», подогнул колени и медленно завалился на бок.

Все это я фиксировал боковым зрением без участия сознания. Да и времени эти два незначительных в истории Зоны события заняли от силы секунды полторы — как раз хватит, чтобы трижды в максимальном темпе передернуть ствол ружья. С учетом того, что до начала вооруженного столкновения один патрон уже был в патроннике РМБ, у меня оставалось еще

три шанса отбиться от болотной нечисти. Но расстрел амбала занял у меня слишком много времени — иногда полторы секунды — это непопозволительная растрата самой ценной в Зоне валюты...

По моей ноге ударила бейсбольная бита — во всяком случае ощущения были один в один. Не сказать что больно, скорее тупо, сильно и обидно. Молниеносно порванные нервы не в состоянии отослать в мозг адекватный сигнал о размерах ущерба. Просто у вас вдруг ни с того ни с сего подламывается нога, и вы, проклиная на чем свет стоит собственную медлительность, валитесь в грязь, в процессе все-таки успевая нажать на спуск...

Третий бандит особыми габаритами не отличался, зато голос имел омерзительный. Только сейчас я осознал, что так сильно давило мне на уши все долгие две секунды перестрелки. Оказывается, это был продолжительный вой третьего:

— Воо-от!!!.. Оон!!!.. Сууу-к...

Последнюю гласную голосистый бандюк выкричать не успел, поймав пастью круглый свинцовый шарик, в шесть с половиной раз превышающий весом пулю «Макарова». В результате ему просто вынесло шейные позвонки вместе с частью затылка, что на этот раз смотрелось вполне кинематографично — открытый рот, через который можно, как в телескоп без стекол, рассматривать достопримечательности Зоны.

Но я не настолько садист, как некоторые современные любители киношных спецэффектов. К тому же Зона не кино, а объективная реальность, в которой еще оставались в живых два любителя легкой наживы. Один скулил мерзко и протяжно где-то в камышах, а другой, неожиданно вынырнув из дыма, созданного моей же петардой, сильным ударом ноги выбил ружье из моих рук. После чего выматерился непечатно и ослабил, показав желтые пеньки прокуренных зубов.

— Хорошо стреляешь, фраер, — сказал он, держа меня на прицеле своего Heckler & Koch MP5, именуемого на сленге торговцев Зоны «Гадюкой». — Долечку мою впятеро увеличил, благодарствую. Да только вот одному мне все не унести, так что придется тебе попотеть, прежде чем я тебя уважу. Так что не дергайся и грабки свои лучше к ножу не тяни, а то придется мне все одному до схрона переть.

В недешевом коричневом пыльнике, эдаком местном спецварианте плащ-палатки, бандит смотрелся весьма импозантно — хоть обложку для книги с него рисуй. Высокий, плечистый, маска-омоновка на морде, перчатки без пальцев, край броника из-за растянутого ворота выглядывает... Не иначе вожак стаи... без стаи. Впрочем, набрать сброд, который со всего света в Зону тянется за длинным деревянным рублем ценою в евро, насовать им в жадные лапы заляпанного чужой кровью оружия и сказать «фас!» — дело нехитрое для профессионала. Главное, чтоб было кому потом хабар до схрона допереть, а то самому влом.

Правда, носильщик сейчас из меня был неважный — ногу я не чувствовал, не иначе бедренный нерв пулей перебило. Но знать вожаку это было необязательно. Секунды текли медленно и размеренно, как всегда бывает на границе между жизнью и смертью. Секунды моей жизни, за которые я должен — нет, обязан был придумать что-то, что помешает бандиту выдавить до конца слабину спускового крючка.

Но как назло в голову ничего не приходило. Судя по тому, как этот болотный упырь держал автомат, как он стоял, правильно распределив вес тела, как обстановку вокруг умудрялся сканировать, не забывая контролировать меня, и, наконец, как в мной же созданное облако в перестрелке нырнуть догадался, было ясно: за плечами этого автоматчика неслабый опыт боевых действий. Дернуть — сто процентов пристрелит и не задумается.

— Вставай, фраер, хватит валяться, — мирно и как-то даже буднично сказал бандит. — Три секунды тебе на подъем. А если нога не позволит — не обессудь, значит, считай, что сегодня тебе конкретно не повезло...

То, что мне не повезло сегодня, — это он как в воду глядел. Правда, ему не повезло

больше.

Дым над островком почти рассеялся, но «почти» — это не рассеялся полностью. Во всяком случае его концентрации вполне хватило для того, чтобы ни я, ни автоматчик не смогли разглядеть тоненькой цепочки, которая вдруг вылетела из мутной пелены над старым кострищем. Она быстро захлестнула ствол автомата, после чего немецкая машинка прославленной оружейной фирмы моментально вылетела из рук бандита.

Тот, не ожидавший такого поворота событий, повернулся, пытаясь отловить в воздухе своеоравное оружие... и вдруг, зашипев, резко согнулся в пояс, став похожим на заглавную букву «Г».

Его спина загоразживала мне панораму, и я не мог рассмотреть, что происходит между ним и облаком дыма, сквозь который уже можно было разглядеть камыши. Но в следующее мгновение я увидел мелькнувшую в воздухе черную полосу, окутанную ореолом багровых капель.

Бандит свернулся на земле, суча ногами и пытаясь засунуть под броник собственные внутренности. Однако кишки были скользкими и возвращаться на место не желали, расплзаясь во все стороны, словно агонизирующие змеи с отрубленными головами.

«Коротка кольчужка...» — промелькнуло у меня в голове.

Над бандитом в пыльнике стояла фигура, с макушки до пяток запакованная в свободный черный комбинезон, — только узкая прорезь для глаз имелаь в сплошном тканевом шлеме, натянутом на голову. В такой одежде удобно скрываться в густой тени, с двух шагов не заметишь. Тем более если ее владелец еще и лицо раскрасит под цвет материи.

Однако владелец скрываться в тенях не спешил. Он поднял голову и прислушался к чему-то. К чему, стало ясно почти сразу.

В камышах перестал скулить раненный мною бандит. Перестал недавно, как раз в тот момент, когда его начальство выбило у меня из рук ружье. Но осознал я это только что — не до анализа его стонов было как-то. А сейчас дошло на уровне подсознания. И когда рвануло там, в камышах, плеснув красным на верхушки длиннющих стеблей, все стало ясно. И не было больше ни малейших сомнений в том, кто сейчас стоит над главарем болотной банды, неторопливо пряча в ножны черный самурайский меч.

А потом случилось неприятное. Я, конечно, всякое в своей жизни видел, да и сам понатворил немало, но, когда живому еще человеку, пусть уроду конченому, но все-таки человеку по рождению серебристой детской лопаткой неторопливо расширяют рану на животе, а потом засовывают в нее пакет с зажженным фитилем — это все-таки слишком. Поэтому я поднапрягся, хотя в глазах от этого движения заплясали прозрачные пространственные аномалии, дотянулся до своего ружья и выстрелил.

Внутри накидки лопнула голова ее хозяина, коричневый капюшон распластался по земле, словно проколотый воздушный шар. А убийца, укоризненно покачав головой, шагнул назад — как раз вовремя, чтобы не попасть под веер слизи и дерьма, выброшенный взрывом из живота трупа.

Я не сдержал гримасы отвращения — излишняя жестокость всегда была мне не по нутру. Поэтому я просто отвернулся, достал из нарукавного кармана перевязочный пакет, надорвал его и двумя движениями наложил повязку на рану.

Хорошая штука, перевязочный материал из желтой аптечки НИИЧАЗ. Напоминает свернутую в рулон длинную и широкую пластинку жевательной резинки в герметичной упаковке. Убедился, что артерии и вены целы и кровища не хлещет, надорвал упаковку, обернул вокруг конечности или же просто накрыл рану, если таковая образовалась в туловище. И всё. Эластичная субстанция в течение пяти секунд прилипает к любой поверхности, обеззараживая участок под ней и останавливая кровотечение. После чего запросто снимается, смоченная особым составом, имеющимся в той же аптечке, — не отдирается с болью и новым кровотечением, как обычный бинт, а именно снимается, легко и непринужденно. В бою вообще вещь незаменимая, перевязаться времени занимает чуть

больше, чем магазин в автомате сменить.

В ультрасовременных военных аптечках «бинты» попроще — дезлента на «липучке». Конечность перевязать тоже просто: обернул дезинфицирующей лентой и «липучкой» зафиксировал. А вот если не конечность, то приходится повозиться. Обычные же оранжевые аптечки, дешевые и доступные, комплектуются старым как сама война обычным марлевым бинтом. В хорошей перестрелке можно даже и не доставать, если не хочешь лишиться последнего шанса выжить...

Спасибо таинственному НИИЧАЗ, у меня в рукаве была козырная сталкерская карта — «жвачка» из желтой аптечки. Правда, пришлось перед наложением повязки воткнуть в рану еще одно средство первой помощи, которое имеет при себе каждый спецназовец, воюющий в горячей точке, и каждый сталкер, хоть немного соображающей в военно-полевой медицине. А именно — тампакс.

Может, кто и посмеется не от большого ума, но, когда при глубоком ранении «в мясо» для временной остановки кровотечения необходима тугая тампонада раны, лучше этого средства, широко разрекламированного в средствах массовой информации, пока еще ничего не придумали. По диаметру оно подходит почти для всех огнестрельных ран, легко удаляется, абсолютно стерильно и главное — не требует много времени для использования по назначению. Поэтому, прежде чем убийца с мечом подошел ко мне, перевязка уже была закончена и ружье снова заняло положенное место в моих руках.

Оно и понятно. Хотя я уже догадался, кто передо мной, но раньше у этого типа не было тошнотворной привычки совать в животы своих жертв эдакие сюрпризы. И, судя по его глазам, никто не мог дать гарантию, что он не решит проделать то же самое со мной. Нехорошие глаза. Пустые, словно два отверстия, только что пробитые пулями. Слишком часто видел я такой взгляд в зеркале, для того чтобы сейчас опустить ружье. Встретишь в Зоне типа с такими глазами на узкой дорожке — стреляй не раздумывая, если жить хочешь. Но сейчас я раздумывал. И, может быть, зря...

Ему было все равно. Он даже не глянул на ствол ружья, направленный ему в живот. А просто подошел и молча встал в одном шаге от меня, скрестив руки на груди.

Пауза затягивалась. Я почувствовал, как адреналиновый «приход» медленно отпускает меня, и естественная реакция на него «бей или беги» сменяется способностью к отвлеченному логическому мышлению.

«Как-никак, он только что спас мою шкуру, — промелькнуло у меня в голове. — Черт с ним, должен же кто-то начать первым. Одному мне все равно не выбраться из этого болота».

Я еще раз покосился на свежесвежеванный труп главаря бандитов, прогнал в голове фразу Сидоровича о том, что «Черный Сталкер мочит всех подряд — и сталкеров, и пиндосов», и, хотя мне очень не хотелось этого делать, все же опустил РМБ на землю, криво усмехнулся и сказал:

— Чего смотришь? Взрывчатка кончилась, что ли? Начинай, коль пришел.

«Черный Сталкер» постоял еще немного, осмысливая сказанное мной, после чего, пробормотав что-то под нос, ловко одним движением взвалил меня на спину и пошёл куда-то.

«Будем надеяться, что не на шашлык», — подумал я. И тут меня накрыл второй «приход», какой обычно случается после неслабой кровопотери. Однако мое сознание еще цеплялось за мозговые извилины, не желая отключаться. Ему, видишь ли, требовалось понять, что же такое сказал Черный Сталкер.

И оно справилось с задачей. Перед тем как отрубиться, я вспомнил, как год с лишним назад киллер, посланный в Зону убить меня, прикрывал мою спину на пути к Монолиту и при этом матерился так же забористо и душевно на абсолютно непонятном для меня японском языке.

Очнулся я от боли в ноге. Раздирающей, нестерпимой. И заорал не сдержавшись. Вернее, попытался заорать. Получилось не очень — мычание какое-то. Однако боль немного отпустила, и я смог осмотреться.

Я лежал на солдатской койке — сварная рама, пружинная сетка, гнутые трубы вместо спинки. Таких кроватей навалом осталось в Зоне с прошлого века, если повезет, можно и не особенно ржавую найти, которая твой вес выдержит. Мне повезло. Даже надувной матрас подо мной имелся, прикрытый клеенкой. Почему клеенка, понятно — чтоб кровью не измазал недешевый в этих местах предмет роскоши. Интересно, меня на этой койке собирались разделывать как говяжью тушу или будут еще варианты развития событий?

Предположение не было лишено оснований, так как во рту у меня находился обрезок резиновой полицейской дубинки, зафиксированный ремнем на затылке. И конечности оказались привязанными к раме кровати. Так что мне ничего не оставалось делать, как, повернув голову, попытаться разобраться в обстановке.

Обстановка оказалась спартанской, как и само помещение. По всем признакам подвал, причем на удивление сухой. Метров пятнадцать площади, кирпичные стены, с потолка на проводе свисает «вечная» лампочка — распространенное в Зоне явление, когда светильники, оставшиеся целыми со времен Первого Взрыва, горят сами по себе без источников питания. У стены самодельный стол, на нем керосинка и нехитрая еда, разложенная на газете, — хлеб, колбаса, консерва открытая. Возле стола табуретка. И еще одна возле железной печки. На второй табуретке сидит Черный Сталкер и прокаливает на огне автоматный шомпол.

Картина мне сильно не понравилась, особенно шомпол. Но делать было нечего, оставалось только ждать. Тем более что штанина на моей ноге оказалась разрезанной, и тампакс из раны выдернут. Так что еще немного — и все прояснится. То ли пытаться он меня собирает, то ли лечить, что, впрочем, одно от другого вряд ли будет особо отличаться.

— Очнулся? — поинтересовался Японец — без его экзотического одеяния мне было проще называть его старым прозвищем. И, пошевелив в огне шомпол, пояснил: — Спирт кончился. Придется так стерилизовать перед зондированием раны.

Я замычал вторично. Японец вздохнул, оставил раскаленный прут в печке и снял повязку с моего рта.

— Только тише, — сказал он. — По болотам звук разносится — мама не горюй, а ты в бреду стонал как раненый конь.

— В рюкзаке аптечка желтая. Мог бы догадаться залезть, — произнес я — и поморщился от вкуса резины во рту. Вот изобретатель хренов, японская его мама, до чего додумался! Хотя, надо признать, от японца у него только прозвище и специфическая подготовка, которую он получил в клане якудзы. А так с виду обычный парень, каких тысячи с абсолютно незапоминающимися чертами лица. Нормальная внешность, в общем, для профессионального убийцы.

— Я по чужим рюкзакам не лазаю, — буркнул Японец.

— А это что? — повел я головой на кучу распотрошенных вещмешков, судя по виду бандитских.

— Это трофейные. Разница есть?

— Есть, — согласился я. — Короче, в аптечке и спирт, и все остальное.

Японец кивнул, потом посмотрел на бинты, которыми были стянуты мои запястья и щиколотки.

— Режь, — сказал я. — Больше стонать не буду.

Я так и не понял, чем он перерезал мои путы. Просто рукой махнул — и обрезки бинтов попадали на пол. Как-нибудь на досуге надо будет растрясти его на тему где и как он прячет свои ножики. Конечно, мы тоже не лыком шиты, но лишняя информация на эту тему никогда не помешает.

В аптечке имелось много всего — не аптечка, а небольшой чемоданчик с распоследними медицинскими чудесами, инструкции к которым я подробно изучил на

досуге. При этом лежали там и самые обычные хирургические инструменты, необходимые нашему брату экстремалу, в частности проволочный зонд и пара гинекологических щипцов. Эти жутковатого вида предметы как нельзя лучше подходили для извлечения пули из раны. Один из них, кстати, так «пулевым» и назывался — для того чтобы достать мягкую ружейную пулю, самое то что надо. Но сначала надо понять, как глубоко во мне засел бандитский подарок.

Я решил, что пары шприц-тюбиков с местным анестетиком и морфием для начала мне будет достаточно. Оказалось, переоценил себя. Когда я ввел зонд в рану, показалось, что еще пару сантиметров вглубь — и отрублюсь напрочь.

— Помочь? — поинтересовался Японец, со своей табуретки наблюдавший за процессом. Я помотал головой — лучше тебя самого никакой хирург не почувствует насколько погано обстоит дело.

Дело обстояло не очень. Бедрa у меня мясистые, много прыгать-бегать приходилось и в детстве, и позже, вот их и разнесло. Пуля же засела глубоко и, похоже, неслабо деформировалась. Тянуть щипцами замаешься, и далеко не гарантия, что достанешь. А если и достанешь, то рану разбередишь страшно — чтоб щипцы в нее ввести, ее расширить придется, плюс расплющенный комок свинца ее раздерёт. Загниет после операции как пить дать, даже регенерон не поможет.

Я вытащил зонд, откинулся на спинку кровати и улыбнулся.

— Подкинь-ка мне еще один шприц, — сказал я. — А потом тащи сюда свой шомпол.

— Ты хорошо подумал? — поинтересовался Японец, протягивая мне пластмассовую ампулу с иглой на конце.

— Лучше не бывает, — сказал я, втыкая в трицепс иглу.

Когда морфий колешь не по вене, а в мышцу, то «приход» намного мягче. Тебе просто хорошо, боль воспринимается как нечто постороннее, к тебе отношения не имеющее. Хотя смотря какая боль...

— Этот тюбик был последним? — спросил Японец, протягивая мне раскаленный шомпол. Конец стального прута, за который он держался рукой, был обернут толстым слоем бинта.

Я кивнул.

— Может, лучше было по вене пустить?

— Тогда б я просто отъехал и пулю не почувствовал, — сказал я, поливая стальной штырь хлоргексидином. Шомпол зашипел, словно разъяренный кот, после чего я дополнительно протер его стерильной салфеткой, смоченной в спирте.

Самое время.

Я осторожно согнул ногу в колене и ввел в рану еще теплое железо. Под кайфом было, конечно, проще, но, когда шомпол начал раздвигать раневой канал, кайф куда-то делся, словно я и не колол ничего. Наверно, морфий с потом вышел, который заливал мне глаза и градом стекал с шеи за воротник...

Война и Зона — синонимы, это каждому ясно, кто побывал и там и там и кому есть с чем сравнивать. Так вот, обе эти подруги только на картинках хороши. Или в романах. Или в кино, если режиссер не хочет пугать зрителя или сам ни черта не знает о том, что снимает. Или в игре компьютерной. Но что такое на самом деле война, понимаешь лишь на войне. Когда руки-ноги оторванные, еще сокращающиеся увидишь. Когда первого врага своими руками пристрелишь, или и того хуже, на нож примешь. Когда идущая в разведку по тылам врага группа спецназа вынуждена зачищать всех, на кого случайно наткнется, в том числе детей и женщин. Потому как вопрос стоит просто — если останутся жить свидетели, то погибнет группа. И ты понимаешь, что это правильно.

Но острее всего и война, и Зона воспринимаются, коли придется первую пулю или осколок в себе ощутить. Вот тогда оно и проберет до косточек, до мяса, до мозга. До каждой клетки дойдет чем оно отличается от пейнтбола-страйкбола или компьютерной стрелялки.

Болью оно отличается. Реальной болью, грязью и кровью. Болью раны, грязью в ране и кровью из твоей, и только твоей раны...

— Так, — сказал я, нащупав шомполом пулю. — Давай нож.

— В смысле? — не понял Японец.

— «Бритву» мою сюда давай.

Сталкер пожал плечами и осторожно протянул мне мой боевой нож. С восточным почтением к этому совершенному оружию, двумя руками, не доставая из ножен...

«Бритва» не раз выручала меня в моих странствиях по Зоне. И на острове я тоже с ней не расставался — у любого нормального мужика хороший нож всегда должен быть под рукой — и на войне, и в мирной жизни. За это время я заметил одну интересную особенность — на полированном клинке «Бритвы», откованной из одноименного редчайшего в Зоне артефакта, не задерживалась ни вода, ни масло, ни какая-либо другая жидкость или субстанция.

Он всегда был идеально чистым, а однажды я увидел, как на него опустилась какая-то крылатая мошка — и тут же скатилась со странного металла высохшим трупиком. После чего я провел лабораторный анализ, который подтвердил мои выводы. Нож был всегда идеально стерильным, убивая все живое, что прикасалось к нему... кроме своего хозяина. Конечно, если б человек дотронулся до «Бритвы», он бы не умер мгновенно, но те, кто соглашались на подобный эксперимент, через полчаса начинали жаловаться на недомогание. Да и из моей памяти еще не стерлись впечатления, когда разъяренный нож при поддержке «Чистого неба» распилил на двоих жизнь сталкера, пытавшегося отправить меня на тот свет. В общем, хороший нож мне достался. Чистая, незамутненная смерть, не нуждающаяся в дополнительной стерилизации.

— Что это ты с ним так почтительно? — усмехнулся я. От усмешки лопнула пересохшая нижняя губа. Я слизнул с нее капельку крови — на этот солоноватый вкус мозг реагирует странно, отвлекая сознание и немного гася любую боль. Сейчас самое то, что нужно перед решающим моментом.

— Он жадный до крови, — сказал Японец. — Я чувствую это. Оружие такой силы забирает души тех, кого оно убило. И если в человеке, который им владеет, недостаточно личной силы, то скоро этот нож будет владеть своим хозяином, предварительно забрав себе его душу. Или убив ее, если эта душа ни на что не годится. В древности японцы называли такие клинки «жадными до крови» и уничтожали их вместе с мастерами, изготовившими настолько ужасное оружие.⁶

— Уверен?

— Мои мечи тоже жадные до крови, — ответил Японец.

— Значит, их хозяин знает, как обращаться с таким оружием, — сказал я, возвращая нож и при этом мысленно обращаясь к нему с просьбой, как к живому существу. — Думаю, «Бритва» не будет против, если ты немного поможешь ее владельцу. Мне сейчас ножом работать не особо удобно, так что я надавлю, а ты вырезай пулю.

Японец, не задавая лишних вопросов, взял «Бритву», я же, собравшись с духом, надавил.

Я знал, что сейчас на тыльной стороне моего бедра вспухла неслабая шишка. А потом я почувствовал прикосновение стали и теплую кровь, которая потекла по ноге. Хороший нож режет и убивает без боли. Боль придет потом, если, конечно, ранение не фатально. Потому, когда шомпол провалился сквозь мою ногу и об пол глухо стукнула пуля, вывалившаяся из моего мяса, я почувствовал облегчение. А потом медленно начал вытаскивать стальной прут обратно из ноги.

— Помочь?

⁶ Исторический факт.

Я мотнул головой. Любой воин знает: если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам. Если, конечно, имеешь такую возможность.

Окровавленный шомпол полетел в угол. Но это было еще не все.

— Салфетку дай.

Японец ассистировал без звука, хотя я бы на его месте за такой приказной тон в глаз точно зарядил. Ну, в смысле, не раненому. Ага, потому и не заряжает, что у меня дырка в ноге... Черт, мысли путаются, закончить надо, пока снова не отрубился.

Я вытер руки от крови и взял из аптечки десятикубовый шприц и тубик с надписью: «Регенерон». Разорвав стерильную упаковку шприца, я осторожно наполнил его содержимым тубика, стараясь не пролить ни капли драгоценного снадобья. Добывалось оно из нескольких сотен килограммов тихоокеанских морских звезд *Linckia*, способных легко отбрасывать конечности, если их захватил хищник. Причем в случае, если агрессор ту конечность не сожрал, то из нее вырастает новая полноценная морская звезда.

Я знал, что ученые НИИЧАЗ в дополнение к данному природному феномену разработали ускоритель регенерации и на основе этих компонентов создали свой знаменитый препарат. И о побочных эффектах того препарата тоже знал. Но что для сталкера, который живет бок о бок с радиацией, мутантами и аномалиями какие-то побочки по сравнению с чудо-эффектом?

Видимо, о них знал и Японец.

— Может, спирту хлебнешь? — спросил он. — Все-таки легче будет.

Я мотнул головой вторично. После принятия алкоголя эффект регенерона уменьшается вдвое, да и впервой, что ли, нам?

— Ничего, нормалек, прорвемся, — сказал я, вводя носик шприца в рану. — Снизу «жвачкой» залепи как кровь пойдет.

И нажал на плунжер...

Ускоренная регенерация — это когда в ране под воздействием препарата начинается скоростное восстановление тканей. То, что в обычных условиях занимает месяц-полтора, проходит минут за десять. Но за такое скоростное излечение приходится платить немалую цену, и дело здесь даже не в деньгах, отданных за желтую аптечку с чудо-лекарством. Мало того что организм, поставленный в столь жесткие условия, моментально стареет на эти полтора месяца. Известны случаи, когда под воздействием регенерона человек просто умирал от нереальной боли. Ведь материал для восстановления берется из окружающих тканей, которые, в свою очередь, восполняют потери твоей же полноценной плотью. Если рана незначительная — то и боль терпимая. Но при обширных поражениях тканей сталкеры однозначно предпочитают использовать для лечения радиоактивные артефакты, нежели регенерон. Только вот артефактов под рукой у меня не было...

Единственное, что я успел, — это отбросить пустой шприц и наклеить сверху на ногу бинт-«жвачку». И тут меня скрутило в бараний рог.

Впечатление было, будто мою ногу раздирают на части миллионы рыболовных крючков. Причем боль от места локализации раны за несколько секунд распространилась по всему телу. Меня трясло, крутило, выворачивая кости из суставов и суставы из плоти. Но, прежде чем из меня против воли вырвался вой умирающего динозавра, я успел увидеть смазанную фигуру Японца и ощутить сильный двойной удар-«ножницы» в область сонных артерий. От которого я мгновенно провалился в черный колодец, ведущий в ад, где грешников медленно варили в больших котлах, наполненных выжимками из морских звезд...

* * *

В себя я пришел от жуткого спазма в желудке. Впечатление было, словно я проглотил десяток живых ершей, которые сейчас пытаются вылезти наружу через пищевод. Если

отбросить поэтические метафоры, жрать хотелось так, что я готов был сжевать собственные берцы, стоявшие возле кровати, — нормальное состояние после регенерона. Организм требовал восстановления, без которого мог просто и элементарно загнуться — и такое случилось в истории Зоны.

Но спасение было рядом. На табуретке возле кровати стояли две килограммовые банки тушенки и пузатая армейская фляга, объем которой какой-то местный Кулибин увеличил холостым выстрелом, произведенным в горловину. Если б банки не были открытыми, я бы наверно проглотил их как удав вместе с жестяной упаковкой и, без сомнения, переварил запросто. Но дополнительных экспериментов с организмом не требовалось, ибо источники счастья скалились вспоротыми крышками, а в одной из них торчала вилка.

Первую банку я умял за полминуты, глотая мясо и желе не жуя. Вторая пошла более цивилизованно. Во фляге оказался — подумать только! — апельсиновый сок с характерным привкусом концентрата из штатовского сухпайка.

Уничтожив половину второй банки, я более-менее адекватно начал воспринимать окружающую реальность. А именно: в прорехе распоротой и окровавленной штанины виднелся участок моего бедра, на котором остался лишь небольшой шрам в том месте, где положено было находиться дырке от пули. Нормальное действие регенерона. Оставалось лишь сбрить бороду и остричь патлы вместе с вурдалачьими ногтями, которые успели отрасти за четверть часа.

А вот обстановка вокруг моей персоны практически не изменилась. Все тот же подвал и все та же спина, частично загораживающая от меня огонь, бьющийся в тесной печурке. «И поет мне в подвале гармонь...» Хммм, не будем о запретном.

Но «не изменилась практически» — это не значит «не изменилась вовсе». Спина была все той же, да и обтягивающая ее одежда осталась прежней, разве что капюшон не на голову натянут, а отброшен назад. А над капюшоном...

Я точно помнил — год назад Японец щеголял густым смоляным ёжиком на голове. Но человек, который сейчас неподвижно сидел у огня, был абсолютно седым... И при этом у меня не имелось ни малейшего повода сомневаться, что это именно Японец, — пожалуй, вряд ли в Зоне наберется десяток сталкеров, способных вот так спокойно сидеть спиной к другому сталкеру, даже если они считают того закадычным другом.

В мгновение ока все стало на свои места.

Что могло так потрясти человека со стальными нервами, который очень сильно любил свою семью? Что могло напрочь сорвать его крышу и заставить Японца, вернувшись в Зону, начать убивать всех без разбора таким изуверским способом?

Отплатить той же монетой — вот как это называется.

Тут же перед глазами у меня встала сцена — я просматриваю в Интернете российские новости, в основном просто шелкая по страницам. Сейчас в СМИ модно мусолить чужое горе, и все новости строятся в основном по этому принципу. Где-то упал самолет или сошел с рельсов поезд, кого-то арестовали или убили, где-то что-то сожгли, снесли, разрушили... Тогда я еще подумал, точно ли мне надо знать, что где-то на окраине страны взлетел на воздух дом, в котором погибла семья из трех человек? Статья сообщала, что в руинах найдены остатки неизвестного устройства предположительно военного предназначения, но тогда я не придал этому значения. Сейчас же я был почти уверен, что на месте взрыва спасатели нашли останки Скуби-Ду, американского транспортного робота, на спине которого Японец любил фотографировать свою семью...

— Ты не знаешь, кто это сделал, и потому убиваешь всех подряд в Зоне, — сказал я, ставя банку обратно на табуретку.

— Не твоё дело, — отрезал Японец.

— Тогда почему ты не убил меня?

— Не твой стиль. Ты бы сделал все тихо и без шума.

С этим трудно было не согласиться. В то же время я понимал — сохранив ясность ума

в обычных вопросах, Японец двинулся на почве мести. Бывает такое с профессиональными войсками, так называемый «синдром Вьетнама» в острой форме.

И как лечить? Дать по башке да отволочь к Болотному Доктору, благо недалеко? Но с Японцем такое не прокатит. Пожалуй, это последний человек на планете, с кем бы я схлестнулся в рукопашном бою, хотя никогда не жаловался на отсутствие навыков такого рода.

К тому же не в рукопашке дело. И Доктор здесь вряд ли поможет. А что поможет? Хрен его знает, что поможет. Попробуем прозондировать почву.

— Неделю назад мой остров разнесло звено боевых вертолетов, — произнес я. — Похоже, кому-то нужны наши жизни.

Японец резко повернулся на своей табуретке. В глазах его плескались языки пламени, словно он все еще продолжал смотреть на огонь.

— Я перережу их всех! — прорычал он. — Тех, кто мог отдать приказ, и всех, кто мог его выполнить. Всех, до единого! Они прислали посылку с Украины, и прийти она могла только из Зоны. Каждая двуногая тварь, способная воткнуть детонатор в пластик, получит от меня подарок в брюхо и будет внимательно смотреть, как горит фитиль взрывпакета...

Он нес еще какую-то чушь в этом роде, а я думал. Думал о том, как так получилось, что мы с ним живы, а наши дома и те, кто был нам дорог, ушли из нашей жизни. Неужели опять Зоне потребовалась гомеопатия, когда маленькие крупинки с автоматами в руках решают большие проблемы гигантского существа, образовавшегося на месте Второго Взрыва? Я уже давно не сомневался в том, что Зона это не слово и не место на земле, а живой разумный организм со своей логикой — часто страшной, всегда непонятной, но очевидной, как и то, что ты сам живешь на этом свете. Впрочем, в этом не сомневается любой сталкер-новичок, побродивший по Зоне с месяц и умудрившийся остаться в живых.

— Ты хорошо спрятался вместе со своей семьей, — сказал я, и Японец замолчал. — Я все думаю, кто мог найти вас и так громко, можно сказать показательно, убить твоих родных? И к тому же вряд ли нужно было уничтожать целый остров для того, чтобы убить меня. Из пушки по воробьям, не находишь?

— Ты отличный профи... — неуверенно начал Японец.

— Не льсти ни себе, ни мне, — махнул я рукой. — Любой профи ест, пьет, спит и шатается возле своего дома. И подсыпать яд в доставку из супермаркета или выстрелить из «Винтореза» с крыши соседнего дома намного проще, чем взрывать коттеджи и острова. Так что сразу отменяем твой Комитет по предотвращению критических ситуаций, наемников Зоны и иных профи, которым могли понадобиться только наши жизни. Остается что?

— Теракт, — сказал Японец.

— Правильно, — кивнул я, втайне порадовавшись, что у парня наконец заработала голова, потеснив привитые намертво рефлексy убийцы. — Теракт, в котором погибли бывшие сотрудники российских спецслужб, до этого работавшие в Зоне и исчезнувшие при загадочных обстоятельствах. Ставлю свой РМБ-93 против рогатки, что сейчас в верхах идет неслабая возня по поводу распоясавшихся террористов, скрывающихся в Зоне. И результат вполне предсказуем.

— Сплошная Стена вокруг Зоны, — медленно проговорил Японец. — И еще одна американская база. Одновременно и ракетная, и испытательная, и окупающая сама себя за счет мутантов с артефактами.

— А мы в этой игре разменные карты, — задумчиво протянул я. При этом мне пришла в голову еще одна мысль.

Понятно, что на чужой территории заокеанские стратеги предпочитают действовать чужими руками. Они искусно манипулируют «Монолитом», снабжая фанатиков оружием и ультрасовременным снаряжением. Они купили с потрохами Бехрама вместе с его «наемниками»... который, кстати, не менее искусно использовал нас, когда Зона дала всем прикурить в результате моей небольшой прогулки к Саркофагу.

Ну ладно, пусть даже и использовал, в результате оно на благо пошло и Большая земля осталась Большой землей, а не филиалом Зоны. Идем дальше.

Наверняка это заокеанские хозяева дали Бехраму задание ликвидировать нас после выполнения миссии — вряд ли он по собственной инициативе минировал экзоскелеты. Благодаря моей интуиции затея командира «наемников» не выгорела... и, судя по тому, что мы спокойно ушли из Зоны, никто ему не доплатил за то, чтобы догнать нас и завершить заказ... Однако сейчас мы имеем то, что имеем.⁷

Все это я озвучил.

— Значит, если это и не «наемники», то остается...

— «Монолит», — кивнул я. — Этим отморозкам ничего не стоит взорвать хоть коттедж, хоть небоскреб. Другое дело, почему они ждали целый год?

— Просто не могли вычислить где мы спрятались? — предположил Японец.

— Может, и так, — протянул я, почесывая бороду. — А может, у них появилась какая-то новая информация насчет нас. То, о чем могли знать только наши друзья. Например, что у тебя и у меня есть близкие, которые нам дороги и ради которых мы вернемся в Зону. И тогда получается, что заказчик теракта убивает одним выстрелом двух зайцев — и территория внутри Периметра превращается в военную базу, и мы возвращаемся. Тогда возникает второй вопрос: кому и зачем мы тут понадобились?

Мы внимательно посмотрели друг на друга.

— Ты думаешь...

— Я ничего не думаю, — отрезал я. — Я просто пытаюсь логически рассуждать.

— Что ж, — сказал Японец. — Получается, у нас с тобой два пути. Первый — это вырезать подчистую «Монолит» и гарнизон «Зеленых беретов», охраняющий Стену. И второй — попытаться разыскать еще кого-то из группы Меченого и задать ему несколько вопросов. Тебе какой вариант больше по душе?

Что ж, Японец немного отвлекся от своего горя, став хоть чуть-чуть похожим на того парня, которого я знал, — и это уже большой плюс. Хотя понятно, что все это до тех пор, пока он снова не решит, что нашел виновного в гибели своей семьи. Тогда опять планка упадет, и бес его знает, каких дров он наломает в очередном приступе боевого безумия. Опасный компаньон. Но в то же время лучше уж вдвоем с ним путешествовать по Зоне, чем в одиночку выковыривать пули из собственного мяса. У двоих всегда больше шансов выжить, чем у одного.

Где искать бывших членов группы Меченого, я не имел ни малейшего представления. Вот она, карта Зоны, в КПК подробнейшим образом обозначена. И прочесывать ее можно всю оставшуюся жизнь до очередной пули, мутанта или аномалии. В свою команду Меченый набирал исключительно профессионалов, для которых умение прятаться и замечать следы числилось первым в списке их талантов.

И спросить не у кого. Сидорович больше ничего не скажет, потому как за информацию заплатит мне нечем... А кстати, интересно, как Японец собрался добираться до гарнизона Стены? Ни особых припасов, ни защитных костюмов в его берлоге не наблюдалось. А с одними мечами в тряпочном балахоне лезть в зону повышенной радиации да на крупнокалиберные пулеметы как-то несподручно.

— Деньги есть, — буркнул Японец на мой вопрос. — И торгаш здесь имеется неподалеку, Сидоровичу конкуренцию создает. «Монолитовцев» торговцы не интересуют, у них и так всего навалом и задарма, вот он и приперся на Болота. Сидор рвет и мечет, но ничего поделывать не может — у барыги охрана слишком хорошая.

— Ну вот и пошли к тому барыге, — сказал я, спуская ноги с койки. — Может, он

⁷ Подробно о миссии Снайпера в составе группы Меченого можно прочитать в моем романе «Закон Меченого» (прим. автора).

посговорчивее Сидоровича окажется в условиях жесткой конкуренции. Мне штаны новые надо, тебе огнестрел какой-нибудь посolidнее бандитских обрезов...

— Только бороду с когтями отстриги, — хмыкнул Японец. — А то тебя его охрана за своего примет, того и гляди стрелять начнет.

* * *

Мы шли по Болотам. Японец ориентировался здесь как дома — успел освоиться. Небось каждый день на охоту за головами ходил. Моя нога не болела вообще, словно и не была прострелена навывлет пару часов назад. Лишь воспоминание осталось, мягко говоря, не слишком приятное.

— Долго еще? — поинтересовался я.

Мой радиометр то и дело попискивал то громче, то тише, и мне решительно не нравилось море мутировавших камышей, по радиоактивному дну которого мы путешествовали. Выскочит из этой колышущейся стены прямо на тебя десяток тех же псевдоплотей — и хана. Ни убежать не успеешь, ни перестрелять. Изначально невыгодная позиция, а я такие с детства не переношу.

— Почти пришли, — сказал Японец. — Правда, место это на редкость гнилое. Радиация зашкаливает и кладбище неподалеку. Постоянно там кто-то плачет, то женщина, то ребенок.

«Так. Пора тему менять», — подумал я.

— Ну ты даешь, Сусанин. И так более гнилого места во всей Зоне не найти, так твой барыга еще хуже что-то здесь откопал. Может, ему...

Закончить мысль я не успел. Впереди, буквально метрах в трехстах, отрывисто простучала пулеметная очередь, вслед за которой над Болотами пронесся жуткий, нечеловеческий вой. Сколько хожу по Зоне — такого не слышал.

— Что там за собака Баскервилей? — спросил я, передергивая ствол РМБ-93.

— Быстрее, — бросил Японец, одним движением выхватывая два меча — длинный и короткий. — Жилу рвут.

«Чего рвут?» — додумывал я уже на бегу.

Хотя Японец был прав, разговоры потом. Когда в Зоне мутант рвет сталкера, долг другого сталкера того мутанта завалить. Это потом можно по обстоятельствам рядом с монстром положить и его потенциальную жертву. Но спасти надо, иначе Зона отомстит и тот же самый мутант рано или поздно прыгнет тебе на спину.

Светло-коричневая стена камышей кончилась внезапно. Перед нами открылся пригорок, на котором, словно нищенка в дырявом рубище, стояла деревянная полуразрушенная церковь.

А во дворе церкви шел бой.

Два человека — высокий сталкер в пыльнике и толстяк в сталкерском комбезе «Заря» — буквально держали на выстрелах огромного мутанта. Тварь сильно смахивала на кровососа, только ростом была метра два с половиной и цветом шкуры напоминала сильно замшелую корягу.

Мутант пытался дотянуться до своих жертв лапами, похожими на ковши экскаватора, но пока ему это не удавалось.

Парень в пыльнике держался молодцом. Пулемет ПКМ в его руках молотил короткими очередями, отбрасывая наседающего мутанта, но, похоже, пули не причиняли тому особого вреда. Болотный кровосос лишь жутко ревел и рвался вперед.

От толстяка же особого толку не было. Он палил одновременно из двух пистолетов ГШ-18. Возможно, что с такого расстояния и попадал. Но и ежу понятно, что применять карманную артиллерию против эдакой твари — все равно что пытаться убить носорога из резинострела.

Японец бежал впереди меня на два шага. Я — за ним, пытаюсь на ходу сообразить, что можно сделать холодным оружием с болотным вариантом кровососа, на которого пули калибра 7,62 практически не производят никакого впечатления, только назад отбрасывают. Но Японцу было виднее.

Он длинно прыгнул, занося свои клинки над головой, и в конечной точке своего полета двумя молниеносными движениями крестообразно опустил их на шею кровососа. Причем сделал он это очень вовремя — у обоих сталкеров, обороняющихся возле церкви, как назло одновременно кончились патроны.

Интересно... То, чего не могли сделать пули, сделали два японских меча. Правда, головы монстр не лишился, лезвия лишь шкуру просекли на загревке. Но мне было видно, какой толщины та природная защита, разошедшаяся в центре пересекающихся разрезов... Ох, тысяча снорков! Не шкура — броня в три пальца толщиной!

Продолжая удивляться, я успел всадить в рану две пули из своего РМБ. Третья лишь скользнула по лысому черепу — у твари была отменная реакция.

Она мощно развернулась всем корпусом в нашу сторону, и Японец, продолжавший кромсать чудовище своими чудо-железяками, отлетел на несколько метров. Кровосос лишь чуть задел его лапой, от которой, впрочем, ученик якудзы успел отстричь два пальца. Фрагменты конечности твари упали в лужу и задергались судорожно, словно две агонизирующие гигантские гусеницы.

Кровосос, вылупив на меня свои белые гляделки, заорал дурниной и скакнул вперед. Вот уж не думал, что такая здоровая тварь может так далеко прыгать! Стрелять в него было бесполезно — лишь Зона знает, почему пули не могли пробить шкуру мутанта. Поэтому я бросил ружье, выхватил из ножен «Бритву» и с короткого разбега прыгнул навстречу... в полете разворачиваясь лицом вверх и одновременно перечеркивая жадным до крови клинком темно-зеленую, вонючую массу, падающую на меня сверху.

Расчет оказался верным. Я проехался на спине по грязи как раз между ногами кровососа, успев при этом удачно уйти от черного потока, хлынувшего на то место, где я находился мгновение назад. После чего, оттолкнувшись лопатками от земли, вскочил на ноги, готовый, если возникнет такая необходимость, отпрыгнуть и вертеться как угорь на сковородке, уходя от ударов громадных лап.

Необходимости не возникло. Признаться, я был все еще под впечатлением того, как Японец расправился с главарем шайки, и, возможно, потому чисто рефлекторно скопировал его удар.

Кровосос стоял на месте и сосредоточенно заправлял в распоротую «Бритвой» брюшину выпавшие петли кишечника. Но те были скользкими от крови и постоянно вываливались из щели, смахивающей на жуткий улыбающийся рот.

«Добить... Пока не поздно!»

Но «поздно» уже настало. Поняв бесплодность попыток впихнуть обратно в брюхо свою требуху, кровосос мощным рывком просто выдрал ее из себя и отбросил в сторону. После чего разрез в его животе начал стремительно затягиваться.

«Вот черт! — молнией пронеслось у меня в голове. — А точно ли из морских звезд добывают регенерон, как это было сказано в рекламе, вложенной в желтую аптечку?»

Как бы там ни было, болотный тиранозавр издал торжествующий рев и — я готов поклясться! — каким-то немислимым образом раздвинул свои ротовые щупальца так, что они сложились в некое подобие жуткой улыбки.

И неторопливо шагнул вперед. Теперь ему было некуда торопиться...

Что человек чувствует перед смертью? Не знаю. Думаю, у всех по-разному. Лично я чувствовал бессильную ярость и мелкую вибрацию рукояти ножа в ладони. То ли меня потряхивало от избытка адреналина, то ли «Бритва» жила своей жизнью, предвкушая знатную трапезу, — без понятия. Не до анализа ощущений, когда на тебя прет абсолютно неуязвимая тварь, собирающаяся полакомиться твоей плотью.

Но даже если ей это удастся, регенерировать болотному тиранозавру придется очень долго...

Я метнулся вперед, намереваясь в прыжке добраться до его морды — а там уж как получится. Или ротовые щупальца клинком смахнуть, или в глаза раз за разом вонзать «Бритву» по рукоять в стиле швейной машинки, или до горла дотянуться, пока монстр будет ломать мои ребра своими граблями...

Но меня опередили.

До морды кровососа оставались считанные метры — тварь уже небрежно протянула вперед лапы, словно чемпион американского футбола, принимающий слишком простой мяч, — как вдруг ее абсолютно белые глазные яблоки превратились в две черных дыры.

Кровосос сделал еще один шаг вперед, как-то странно хрюкнул и провел по морде лапой, размазав вытекающую из черепа слизь. После чего зашатался и медленно опустился на колени. Вряд ли для того, чтобы умереть, — скорее, чтоб разобраться, что ж за странная история с ним приключилась.

Короче говоря, у меня появился шанс выйти живым из этой переделки. В два прыжка покрыв расстояние, отделяющее меня от монстра, я последовательно осуществил все, что собирался сделать хотя бы частично за то время, пока тварь будет меня убивать.

Зайдя сбоку, я одним ударом срубил с морды твари щупальца и тут же отпрыгнул — кровосос принялся слепо шарить лапами вокруг себя, пытаясь отыскать источник боли. Но его отвлекли еще несколько пуль, прилетевших ему в голову со стороны церкви. Самих выстрелов было почти не слышно, из чего я сделал вывод — стрелок бьет из бесшумной снайперской винтовки и неплохо знает свое дело. Пули ложились точно в зияющие раны, минуя неуязвимую для свинца шкуру, и ни одна из них не пропала впустую.

Голова кровососа дернулась несколько раз, но тварь была слишком живуча для того, чтобы я мог положиться только на меткость стрелка.

Я снова приблизился к монстру и несколько раз вонзил в глазницы клинок, расширяя раны и надеясь достать до мозга. Похоже, мне это удалось. Тварь хрюкнула в последний раз и неуклюже завалилась на бок. Я сделал шаг вперед, но тут из камышей, припадая на правую ногу, появился Японец с занесенным над головой мечом, и я доверил завершающую стадию процесса профессионалу — в прошлый раз, когда якудза воевал с кровососом, у него это получилось красиво, прям как в голливудском боевике. Да и в черной кровище мараться лишний раз не хотелось — все-таки японская катана значительно длиннее боевого ножа.

Меч опустился, и огромная изуродованная голова болотного страшилища шлепнулась в грязь.

Японец спокойно стряхнул с меча кровь и вложил его в ножны. Парень держался молодцом, хотя по тому, как он двигался, было ясно — с ногой и ребрами у него далеко не все в порядке.

— Добрые вы, ребята, — раздался голос у меня за спиной.

Я обернулся.

Со времени нашей последней встречи Жила изрядно пополнел. А вот его телохранитель нисколько не изменился. За все время колоритный пулеметчик так и не снял глубокого капюшона своего пыльника, полностью скрывавшего его лицо. Стоя рядом с хозяином, он неторопливо заправлял новую ленту в ПКМ, который народ в Зоне чаще называет РП-74, — смесь барыжного и блатного жаргона плотно прижилась в среде сталкеров, того и гляди, новый язык появится на радость лингвистам с Большой земли.

— Уж какие есть. Далек же ты забрался, Жила, — сказал я, вытирая «Бритву» о штанину. Камуфляж теперь по-любому на выброс, а если эта черная пакость, вытекающая из кровососа, свернется и присохнет к рукояти ножа, то потом ее, наверно, только наждак и возьмет. Это о клинке можно не беспокоиться, на котором после боя — ни пятнышка.

— Так жизнь-то вокруг какая пошла, — пожаловался торговец, которого заметно трясло после пережитого. — Кстати, спасибо вам, ребята, от души, без вас бы туго нам

пришлось. И по случаю победы не отметить ли нам это событие? Угощаю за счет заведения.

Гораздо больше обещанной халявы интересовал меня снайпер, который сейчас сидел на скамеечке возле церкви и осматривал свое оружие. Но с учетом моего волчьего голода, так и не усмиренного двумя килограммами тушенки, предложение Жилы было как нельзя кстати: давно известно, что самый лучший способ знакомства — за столом да под выпивку с закуской.

— Ты как? Дойдешь? — на всякий случай спросил я Японца.

Тот лишь хмыкнул в ответ и пошел рядом со мной почти не хромя. Уважаю таких бойцов — морда бледная, на лбу пот, но виду никогда не покажет, насколько ему хреново...

Место было и вправду жутковатое, хоть ремейк «Вия» снимай. Под мрачным, свинцовым небом Зоны, думаю, получилось бы самое то, что нужно. Но вряд ли когда в этих местах снимут кино. Аппаратура не заглохнет, так операторов с режиссером банально съедят или пристрелят.

Снайпер на скамеечке не обратил на нас внимания. Он был сильно занят, осматривая свой «Винторез». Обычный мужик, каких в Зоне встретишь немало в стандартном для этих мест темно-коричневом пыльнике. Крепкий, широкоплечий, грудак бочкой выпирает, лицом на шведского актера-каратиста чем-то похож, правда, ростом поменьше него будет. Где-то я его точно видел. Ага, не иначе в Саркофаге, когда из стеклянного гроба его вытаскивал.

Когда мы подошли ближе, мужик все-таки оторвался от созерцания оружия и хмуро взглянул на нас. Увидев меня, кивнул — тоже узнал, и снова взялся было за винтовку. Но Жила его остановил.

— Слышь, Шрам, хватит чахнуть над своей прелестью как Кощей над золотом, — осклабился торговец. — Пошли победу праздновать.

Сталкер по кличке Шрам глубоко вздохнул, провел ладонью по изрядно побитому прикладу — словно погладил — и поднялся со скамьи.

Сразу за церковью обнаружилась изба с практически полностью сгнившей крышей, но сохранившимися потолочными перекрытиями. Не отель «Риц», но хоть дождь на макушку капать не будет, и то ладно.

Печки в доме не было, зато имелся костерок, разведенный прямо на железном листе, положенном на земляной пол. Над костерком жарилась поросычья тушка в завершающей степени готовности. Скорее всего, на запах и пожаловал болотный кровосос. Понятно, что интересовало мутанта не жаркое, а его потребители.

— Я пойду, пожалуй, прилягу, — сказал Японец. По его виду ясно было — не до еды парню.

— Ильюша, устрой гостя в соседней комнате, — кивнул Жила пулеметчику.

Тот, не говоря ни слова, пошел приказ выполнять. Хотя вряд ли он что-то мог сказать, по крайней мере ни разу ни от кого я не слышал, что Изломы умеют говорить по-человечески. Вот нашинковать кого из пулемета или костяной саблей покромсать, которая у них вместо одной руки из локтевого сустава произрастает, — это запросто. А собеседники из них неважные.

Мы сели вокруг костра. Шрам осторожно, словно драгоценность великую, пристроил «Винторез» рядом с собой. Нормальная тема для снайпера, уважаю. Я вообще с глубоким почтением отношусь к коллегам, которые трясутся над своими инструментами, как скрипачи-профессионалы над шедеврами Страдивари, и умеют из этих самых инструментов, практически не целясь, высадить двумя выстрелами оба глаза кровососа с дистанции в сто метров.

Правда, парня этого я почти не знал. Когда год с небольшим назад я вытащил его из автоклава Директора вместе с остальными Легендами Зоны, было не до знакомств. Требовалось максимально быстро пробиться сквозь наседающие ряды «монолитовцев», что мы и сделали четко и оперативно, после чего разбрелись по Зоне кто куда. Вот и все знакомство.

— Да вы угощайтесь, не стесняйтесь, — суетился Жила.

Откуда-то появились одноразовые картонные тарелки, граненые стаканы времен развала СССР, хлеб, пучок лука, банка маринованных огурцов и пара бутылок «Казаков». — Спасибо вам, ребята, вовремя подоспели. И Шрам тоже вовремя проснулся, да хорошо, что с «Винторезом» из избы вышел, а то...

— Мудрено от твоих воплей да эдакой пальбы не проснуться, — перебил его Шрам. — Ты лучше скажи, поросенок-то часом не из той стаи кабанов, что вчера вокруг церкви ошивалась?

— Обижает, — оскорбился Жила. — Оно мне надо, чтоб меня раньше времени Зона герцогским титулом наградила?

— То есть? — не понял я.

— Ну как, — улыбнулся торговец, отрезая от жаркого дымящиеся куски и раскладывая их по тарелкам. — По идее, существуют три Зоны: тридцатикилометровая, десятикилометровая и Припять с ЧАЭС. Так в тридцатикилометровой зоне принято обращаться друг к другу с приставкой «фон», в десятикилометровой — «Ваша светлость», а ближе к Саркофагу — «Ваше сиятельство». Не знал, что ли?

Признаться, мне было не до анекдотов. Приняв тарелку с мясом, я встал и прошел в комнату, куда направились Японец с мутантом. Ломаный ты или нет, а есть по-любому надо. К тому же Излом задерживался, и мне это не нравилось. Хрен его знает, говорят, любой мутант от человечинки не откажется. Вдруг и пулеметчик окажется гурманом, любителем после боя закусить беспомощным деликатесом. И нож разделочный опять же у него всегда с собой... Я хорошо помнил, как этот Ильюша одним ударом костяного меча обезглавил четырех «долговцев».

Жила что-то попытался сказать мне вслед, но я не отреагировал...

Японец лежал на драном матрасе и спал сном младенца. А над ним склонился мутант, из-под капюшона которого лился мягкий зеленоватый свет, падая на помятого кровососом сталкера. В полумраке комнаты это зрелище выглядело жутковатым, но я продолжал стоять в дверях, замерев на месте. Каким-то внутренним чутьем бродяги, изрядно потаскавшегося по Зоне, я понял — Излом лечит Японца.

— Правильно понял, — шепнул мне на ухо подошедший Жила. — Пошли. Изломы, они такие — и сломать, и починить могут лучше любого врача. Ильюша, конечно, не Болотный Доктор, но тоже кое-что умеет.

Я вернулся к костру, осознавая — еще многие тайны Зоны нам неизвестны, и вряд ли когда откроются они людям до конца. Взять того же Жилу. С виду вроде человек, а экзотический трехголовый торговец «Свободы» говорил, мол, мутант это, телепат, умеющий общаться с Изломами. Что, впрочем, не мешало ему вполне по-человечески обжуживать клиентов и за определенную сумму сливать информацию о них посторонним лицам. Но я в свое время дал слово, что не буду предьявлять Жиле счет, — а слово в Зоне имеет особый вес, даже если ты дал его только самому себе. Так что торговец был в полной безопасности и знал это — недаром умеет, зараза, мысли читать.

— Ты уж не держи на меня зла, сталкер, за прошлое, — сказал он после того, как мы опрокинули первые сто грамм за победу. — Ильюша в лес пошел за дровами, а Циклоп меня выследил, ствол к башке приставил и говорит — колись какого хрена у тебя Снайпер в трейлере делал. Ну я и...

— Проехали, — сказал я, уминая ароматное мясо за обе щеки. — Лучше скажи — с Японцем это надолго?

Жила повернул голову в сторону дверного проема, словно прислушиваясь, потом сказал:

— Денек парню точно отлежаться придется. В голени трещина и три ребра сломаны. Но Ильюша говорит, мол, за сутки справится, будет твой напарник как новенький. И денег за лечение мы не возьмем, даже не предлагай. Все за счет фирмы.

«Ишь ты, паразит, — подумал я. — Его же шкуру спасали, а он еще о деньгах что-то лопочет».

— Потому и говорю — не надо денег, — оскорбился торговец. — И попрошу не выражаться.

— Думать — это не выражаться, — заявил я. — К тому же, в отличие от некоторых, я ж не знаю, что у тебя под черепушкой варится.

— Это да, — согласился Жила, слегка подобрев. — Тогда тоже проехали.

— Ну, если проехали, то скажи, не видал ли ты поблизости Меченого или кого-то из его группы? — поинтересовался я.

Над костром повисло молчание. Было слышно, как трещат угольки в костре, на которые стекают тяжелые капли свиного жира.

— А зачем тебе Меченый?

Вопрос был задан не Жилой. На меня внимательно смотрел Шрам, до этого отдававший предпочтение еде, а не беседе.

— Нужен сильно, — проникновенно сказал я. Не люблю я, когда на вопросы отвечают те, кому их не задавали. Такая уж у меня вредная натура.

— В НИИЧАЗ он вроде... — начал было Жила, но Шрам его прервал:

— Пошли, поговорим, — сказал он, кивнув головой в сторону выхода, и первым встал со своего места. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

— А как же обед? — начал было Жила, но Шрам решительно оборвал торговца:

— Мы ненадолго...

Обогнув церковь, сталкер направился к кладбищу и остановился возле одного из каменных надгробий, увенчанного облезлой жестяной звездой.

— Почему здесь? — поинтересовался я.

— Потому что место такое, не подслушать. Ни разговора, ни мыслей, — сказал Шрам, присаживаясь на подножие памятника.

Я расположился рядом.

— Так зачем тебе Меченый?

Допросов я тоже не люблю, потому ответил по-прежнему кратко:

— Нужен.

Помолчали. Я уже собрался встать, пожелать разговорчивому собеседнику всего хорошего и вернуться к костру с аппетитной свинятиной, когда сталкер заговорил:

— Два года назад я вел группу ученых к этому самому месту. Но мы не дошли. Прямо посреди Болот нас накрыл Выброс, который по прогнозам должен был быть только через два месяца. Тогда Выбросы случались гораздо реже, чем сейчас.

Я с удивлением посмотрел на сталкера. Впервые я видел человека, который выжил после того, как его на ровном месте настигла неуправляемая волна аномальной энергии.

— Вот именно, — глухо сказал Шрам. — Ни до меня, ни после не было в Зоне человека, который оклемался бы после Выброса.

Все это становилось весьма интересным. Поэтому я, чтобы не терять времени, снял с себя разгрузку, достал иголку с ниткой и принялся нашивать на нее петли. Разговору не мешает, и время с двойной пользой проходит.

— Оказалось, что у меня с организмом что-то, — продолжал Шрам, не обращая внимания на мои манипуляции. — Типа иммунитета. В общем, не сдох я тогда, а только отрубился. Меня подобрала местная бродяга, которые именовали себя группировкой «Чистое небо», за что им спасибо, — после Выброса мутанты обычно голодные и жрут все, что найдут, даже старые кости. Короче, принесли меня на базу этого «Чистого неба», и их главарь по фамилии Лебедев наплел мне, будто я непременно сдохну, если не решу кучу его проблем и не разберусь с парнями, из-за которых Выбросы стали такими частыми и мощными.

— Какие-то парни спровоцировали Выброс? — удивился я. — Похоже на версию

насчет того, что пара водолазов стала причиной цунами.

Шрам пожал плечами.

— Это Зона, и черт его разберет, что здесь происходит на самом деле. Других версий у меня не имелось, а у того вояки в кабинете было полно всякой аппаратуры — это среди Болот-то! Да и говорил он убедительно, факты научные приводил, в которых я ни бум-бум. Короче, повелся я на ту лапшу, что дедок вешал мне на уши. Да и обязан я ему был, как-никак, он и его архаровцы меня выходили. В общем, пообещал я ему, что выполню то, о чем он просит, а контракт для наемника — это закон.

— В общем, проблемы ты решил, — сказал я, припоминая давнюю историю, как какой-то наемник в две тысячи одиннадцатом году вынес половину Зоны и сгинул в ее центре.

— Не совсем, — медленно проговорил Шрам. — Я стрелял в Меченого, который проник в центр Зоны, но это не помогло. Наверно, мы сделали что-то не так и старик Лебедев ошибся. Зону тряхнуло как никогда до этого. Я отрубился под Выбросом и пришел в себя лишь в вонючем подвале, опутанный проводами с ног до головы. Над башкой у меня висел экран. По нему показывали какую-то хрень, от которой крыша медленно, но верно сползала со своего места. Если ты пытался хотя бы пошевелиться, тебя немедленно шибали разрядом тока. Плюс несколько раз в день уколы — не иначе чтоб мозги сварились побыстрее, после них череп просто разламывался...

Я невольно зажмурился...

Серебристая паутина в углу, паук на ней, тот самый мерцающий экран и голос Служителя, склонившегося надо мной: «Неплохое зрение. Пряма снайпер да и только. И мозги покрепче, чем у остальных. Но это дело времени...»

Тряхнув головой, я загнал воспоминания подальше. Сейчас не до них...

— В общем, потом я плохо помню что было дальше, — продолжал наемник. — В себя я пришел, лишь когда какой-то сталкер сбил крышку автоклава и протянул мне руку. И я думаю, что сегодня я наконец смог отдать ему Долг Жизни.

Я пожал плечами. В Зоне свои законы, и, если местные жители с некоторых пор так серьезно стали носиться с этим Долгом Жизни, значит, оно им точно надо. Раньше вроде с этим попроще было...

— Без проблем, — сказал я. — Только зачем ты мне все это рассказал?

— Дело в том, что я уже больше года ищу Лебедева, чтобы задать ему один вопрос перед тем, как лично сниму скальп с его лысой башки — благо опыт соответствующий у меня имеется. И Меченого тоже ищу.

— А он-то тебе зачем? Решил все же до конца выполнить заказ и дострелить недостреленного? — прищурился я. Насколько мне было известно, для любого наемника незавершенный заказ все равно, что для японца «потерять лицо».

Но Шрам покачал головой.

— Мне плевать на заказ, где меня просто использовали словно пешку. Дело в том, что там, в подвале, Служителям не удалось стереть мне память — похоже, мой мозг оказался устойчивым не только к Выбросам. Когда я вылез из автоклава Директора, то сильно удивился, что Меченый, увидев меня, просто не пристрелил там же, возле Исполнителя желаний. Но он ни черта не помнил! К сожалению, я узнал об этом позже, а тогда, выйдя за пределы Саркофага, просто постарался побыстрее убраться подальше, вместо того чтобы с ним поговорить.

— О чем? — поинтересовался я.

Шрам усмехнулся.

— Как думаешь, зачем нас держали в автоклавах?

Я пожал плечами.

— Директор сказал...

— Серебряная статуя? — хмыкнул наемник. — Ну да, она многое могла тебе наплести.

Видишь ли какая петрушка. Каждого из нас периодически доставали из этих гробов и использовали как биоробота для выполнения различных заданий. Совершенного биоробота без эмоций, сомнений и угрызений совести. После чего стирали быструю память и упаковывали обратно. Но с моей памятью, парень, у них вышел облом, только они об этом не знали. Я все помню, абсолютно всё...

Глаза Шрама вновь стали пустыми и мертвыми. Видел я не раз такие глаза у ветеранов, вспоминающих о людях, которых им приходилось убивать. И в зеркале приходилось видеть. Неприятное зрелище. Потому я постарался побыстрее вернуться к разговору:

— Так что с Меченым? Зачем он тебе?

— Был я недавно у Сидоровича, и рассказал он мне такую историю, — продолжил Шрам, перестав прогонять через себя тени убитых, — неблагоприятное это занятие для нашего брата. — Как-то появился к нему сталкер по прозвищу Звездочет и приволок на плече парня, валявшегося рядом с разбитым «грузовиком смерти». Эти «зилки», несущиеся по Зоне на бешеной скорости, многие призраками считали, типа Летучего Голландца. А тут на тебе — реальная машина, разобранная взрывом на составляющие. В грузовик попала аномалия «Огненная комета», и он превратился в кучу обломков. А парень каким-то чудом выжил. Вот эту диковинку и притащил Звездочет к торговцу, и в КПК у этого полутрупа имелось задание — «убить Стрелка».

— Я знаю эту историю, — кивнул я.

— А про парня того, что спас Меченого, тоже знаешь? — поинтересовался Шрам.

— Про парня?

Действительно, про спасителя Меченого история умалчивала. Честно говоря, я в первый раз услышал прозвище Звездочет.

— После того как ты вытащил всех нас из-под Саркофага, Меченый нашел своего спасителя и вместе они провернули несколько нехилых делишек. В частности спасли мир от Зоны, вернув Монолиту артефакт «Чистое небо».

Я уставился на Шрама.

— Ты уверен, что парня звали Звездочет? Вообще-то я сам был в группе Меченого во время того рейда и никакого Звездочета...

— После первого же совместного дела выяснилось, что спаситель Меченого гораздо лучше плавает и рвет зубами тех, кто стоит на его пути, чем считает звезды. Потому Зона в лице его товарищей сменила сталкеру прозвище на Выдра. Случается, знаешь ли, здесь такое. Скажем, был Стрелок — стал Меченый...

...Так. Значит, Выдра спас Меченого. Я мысленно усмехнулся — действительно, как иначе еще можно было попасть в его группу и заслужить доверие? Но что это нам дает?

Вопрос я озвучил. И ответ получил более чем неожиданный:

— А вот что. Недавно я сидел в засаде, и мимо меня прошел большой отряд «Монолита», во главе которого стоял Выдра. Я лишь мельком лицо увидел за забралом экзоскелета последней модели, и то случайно — охраняли его так, словно это сам Монолит на двух ногах по Зоне разгуливал.

— Но... его же убили во время того рейда!

— Выходит, не убили, — жестко сказал Шрам. — И именно об этом я хотел поговорить с Меченым. Похоже, Выдра имеет серьезный зуб на вас. К тому же «монолитовцы» дали ему вторую жизнь, и теперь он у них большая шишка. А кто лучше Легенды Зоны знает все сталкерские тропы? Я уверен — пока у «Монолита» есть такой козырь, как Выдра, война будет продолжаться, причем не в нашу пользу. И я думаю, что только Меченый со своей группой может остановить эту войну — кому как не ему знать способы подобраться к экс-Звездочету.

Я задумался. И вправду, если Выдра выжил, то у него есть все основания думать, будто мы его предали и присвоили его долю хабара. Но не было его тогда под мостом, я своими глазами видел! Небось в воду упал без сознания от болевого шока, но на то ж он и Выдра,

что сумел выкарабкаться на берег. А искать его в ту минуту возможности не было, иначе б всю нашу группу с берега «монолитовцы» просто расстреляли как в тире...

Хотя все это вины с нас не снимает, не зря Меченый после рейда так переживал. Будто чувствовал. И вот оно как обернулось...

— Так, значит, насчет того, кто заинтересован в смерти членов группы Меченого, ты теперь знаешь, — прервал мои размышления Шрам. — Теперь ответь, Снайпер, зачем ты в Зону-то вернулся?

— Причины две, — ответил я. — Первая — меня пытались завалить, и я имел веские подозрения, что концы той акции ведут в Зону. Просто не люблю я, когда ко мне проявляют интерес такого рода, и обычно прилагаю все усилия, чтобы интересующийся успокоился навеки.

— Логично, — кивнул Шрам. — И, как мы с тобой уже выяснили, ты оказался абсолютно прав. А вторая причина?

— А про вторую я, пожалуй, помолчу, — ответил я.

— Девчонка... — тихо промолвил Шрам.

— Откуда информация? — прищурился я.

— Нетрудно догадаться, — пожал плечами наемник. — Про то, как Зона вам счастье подарила одно на двоих, во всех барах до сих пор пересуды идут. Только не верю я в такие подарки. И то, что ты один вернулся, тому свидетельство.

— Ты что-то слышал о ней?

— Нет, — ответил Шрам слишком быстро для того, чтобы это могло быть правдой. Странно. Очень странно. Но давить на наемника бесполезно, это по его квадратному подбородку за версту видно. Ладно, со временем разберемся.

— К тому же не очень разумно искать и пытаться вернуть девушку, после того как она от тебя сбежала, — добавил Шрам.

— Может, ты и прав, — сказал я. Бесполезно скрывать то, что, оказывается, все знают и так. — Но мне кажется, что виноват в произошедшем не только я. Просто у нее была очень веская причина вернуться сюда.

— Зов Припяты... — тихо сказал наемник. — Понимаю. Это бывает у всех, кто прирос к Зоне корнями. Но тогда спроси себя, почему твоя девушка сбежала обратно первой, без тебя? Ведь ты тоже слышал Зов по ночам.

— Лучше я спрошу об этом у нее, — отрезал я. — А сейчас скажи, что ты сам здесь делаешь? Сдается мне, Болота не лучшее место для поисков Меченого и того старика, который обвел тебя вокруг пальца.

Шрам пожал плечами.

— Сидорович сказал, что ты на Болота направился. Вот я и решил тебя найти, вдруг ты что о Меченом знаешь. Ты же из его группы. Вчера же случайно на стоянку Жилы набрел, попросился переночевать — а тут вы с товарищем. На ловца и зверь бежит.

— Это точно, причем порой довольно шустро, — сказал я, припоминая болотного кровососа. И уточнил: — То есть ты считаешь, что Меченый сто процентов сейчас не в НИИЧАЗ?

Признаться, я и до этого подозревал, что если нас с Японцем «пригласили» вернуться в Зону, то это касалось и остальных членов группы Меченого.

— Нет, — покачал головой наемник. — Говорят, его видели в Зоне. Значит, ты тоже не в курсах... Ладно. Тогда я, пожалуй, пойду.

— Погоди, — остановил я его.

То, что в Зоне четыре глаза лучше двух, а два ствола лучше одного, и псевдоежу понятно. Но Японец в ближайшее время не боец. Одному же мне тащиться вглубь Зоны, черт-те как изменившейся за время моего годового отсутствия, было не с руки. А этот сталкер, похоже, и не вылезал из нее последние два года. Да и цели у нас совпадали — по крайней мере по первому пункту. Если Меченый мог многое прояснить в сложившейся

ситуации, то мне со Шрамом по пути. О чем я ему и сообщил.

— Что ж, по рукам, — сказал наемник, поразмыслив немного. — Слышал я, что Меченого видели возле Агропрома. И хотя информация позавчерашняя, невредно будет ее проверить — все равно другой у нас нет. Только вот проблема — с оружием у нас не ахти.

— Вижу, — сказал я, глядя на его «Винторез». Машинка сама по себе отличная, особенно с магазином от «Вала», но то, что лежало на коленях Шрама, было убито напрочь. Как он еще из него умудрился кровососу башку прострелить?

— Не поверишь — нашел возле железной дороги, когда сюда шел, — сказал наемник. — Я его два года назад обронил на том самом месте во время Выброса, который накрыл меня вместе с учеными. И за все это время никто на него не наткнулся, и в кучу трухи он не превратился. Чудеса да и только.

— Это Зона, здесь и не такое случается, — сказал я. — Только чудеса — штука непостоянная, и стрелять я бы из него больше не стал, потому как для собственного здоровья опасно. Возьми-ка пока вот это.

И протянул ему «Альпийца».

— Слишком дорогой подарок, — покачал головой Шрам. — Благодарю, но не могу принять — отдариться нечем. Сейчас в Зоне у торговцев по случаю войны оружие стоит как чугунный мост.

— Тем более давай без китайских церемоний, — сказал я. — Сам посуди, на кой мне в походе безоружный напарник?

— Логично, — сказал Шрам, принимая пистолет. — Ладно, пошли, что ли, к костру, а то Жила поди, нас дожидаясь, уже всего поросенка догрыз со скуки.

* * *

— Камуфляж за так бери, дарю. А насчет нормального ствола — извиняйте, ребята, даже за деньги ничего нету. Что было — распродал, АК в болоте утопил, когда от «монолитовцев» сваливали, сами видите с чем хожу. Они ж совсем отморозки, мирных торговцев чуть не порешили. Хорошо Ильюша у меня, что лечить, что стрелять, мастер, а то б не отбились.

Жила не врал. Его трейлер, стоящий за домом, был изрядно побит пулями, и я насилу отыскал себе в стопке пятнистой «Флоры» приличный комплект моего размера — из остальных, дырявых и разодранных, сыпались деформированные свинцовые комочки. Ну что ж, и на том спасибо.

Японец перед нашим уходом попытался встать, но получилось у него это не очень хорошо. Нога за ночь распухла, но в допустимых пределах. Похоже, лечение Излома пошло ему на пользу.

— Ну и твари у вас здесь водятся, — скрипнул зубами Японец. — Надо же, болотный кровосос! Первый раз вижу, чтоб у живого существа была такая реакция.

— Вот и отлеживайся, анализируй опыт, — сказал я. — Я наши КПК законнектил, там тебе через каждый час наш маршрут будет обозначаться. Оклемаешься — найдешь нас без проблем.

— Нас? Ты доверяешь этому наемнику?

Я неопределенно пожал плечами.

— Разберусь по ходу дела.

— Ну смотри, — проворчал Японец. И протянул мне свою «прокачанную» холостым выстрелом флягу. — Отдай ему. Скажи — от меня подарок. Больше нечем отблагодарить за кровососа. А это — тебе.

Он вложил мне в руку продолговатый брикет, завернутый в плотную зеленую бумагу. Из брикета, словно из яблока, торчал черенок длиной всего в пару сантиметров, на конце которого я разглядел искусно вплетенную в него головку спички.

— Держи. Спичка пиндосовская, бестёрочная. Чиркнешь о любую твердую поверхность — и три секунды у тебя в запасе есть, — произнес раненый. — По эффекту эта штука в несколько раз мощнее твоей хлопушки будет.

— Благодарю, — сказал я, забирая подарок, который при наличии гранат, на мой взгляд, был излишним. — Может, мне у Жилы один ГШ-18 для тебя выцыганить? Обменный фонд хоть и хилый, но имеется, а тебе без ствола...

Японец усмехнулся бескровными губами.

— Я здесь Жиле недавно сдал на хранение все, что нужно. Так что за меня не переживай. Удачи, Снайпер.

— До встречи...

...Мы со Шрамом достаточно быстро вышли к границе Болот — где-то за час управились. Места он знал преотлично, каждую тропку и кочку, будто родился здесь.

— На Агропром через Рассоху пойдём, — сказал он, когда густая стена камыша сменилась редколесьем корявых деревьев, усыпанных желтыми, скукожившимися листьями.

— Через Свалку? — уточнил я, припоминая как в свое время я прошел краем гигантского кладбища брошенной техники и угодил прямо на поле аномалий.

— Нет, — качнул головой Шрам. — Свалку южнее оставим. Там бандюки закрепились нехило, целую крепость себе из старой брони соорудили. Мы через село двинем. Как раз по ничейной земле между «Монолитом» и «Ренегатами» проскочим.

— Мастеру виднее, — сказал я, не особо вдохновленный идеей проскока меж двух огней.

— По-другому никак, — произнес Шрам, словно угадав мои мысли. — Южнее бандитской крепости уже Кордоны — сам поди видел, какой техникой их вояки усилили. Севернее все «Монолит» под себя подмял. Получается, только так, без вариантов. Или обратно на Болотах отсиживаться, как Жила.

— Ну уж нет, — покачал я головой. — Если на Болотах такие твари стали появляться, то лучше держаться от них подальше.

— Двунogie твари всяко опаснее будут, — хмыкнул Шрам...

Лес стал гуще. Золотисто-рыжие кроны сомкнулись над нашими головами, превратившись в крышу гигантского золотого склепа...

Тихо в мертвом лесу. Любой звук гасили густой подлесок, усеянный колючками, и ковер опавшей листвы, удушливо воняющий гнилью. Шершавая кора многих древесных стволов растрескалась, и из-под нее медленно текло что-то черное. Много в Зоне мест, от которых становится не по себе, но хуже всего чувствует себя человек в погибшем лесу, живущем какой-то своей, потусторонней жизнью.

Наконец деревья расступились, нехотя выпустив нас на старую, убитую временем дорогу.

— Примерно с километр осталось, — бросил через плечо Шрам. — Рванули.

Но особо «рвануть» не получилось.

Мы не преодолели и половины пути, как вдруг наемник, бегущий впереди меня, резко свернул влево и растворился в придорожных кустах. «Неплохо, — отметил я про себя, в точности повторяя маневр. — Пыльник у него что надо. С двух шагов не разберешь что это — куча глины или снайпер с „Винторезом“».

В общем, мне тоже жаловаться не приходилось насчет маскировки. В лесу по привычке я наломал веточек, сучков, насобирал всякой дряни с земли и пристроил все это себе на разгрузку и защитный комбинезон — зря, что ли, петли нашивал. И на выходе получилась из меня эдакая куча мусора в хорошем смысле этого слова. Коль есть нужда скрыться от чужих глаз, оно гораздо лучше глиняного пыльника будет. Правда, возни с такой «шкурой», понятное дело, намного больше.

Замерли мы в кустах, обстановку созерцаем. Сложная, надо сказать, обстановка. Прямо на дороге пост, оборудованный исключительно просто. Бандиты недолго думая притащили

со свалки автобус, старый грузовик, несколько броневых листов, сорванных с БРДМ, перегородили проезд и обустроили в проржавевших насквозь машинах огневые точки. Несмотря на неказистость блокпоста, задачу свою он выполнял полностью — сектора обстрела перекрывали и дорогу, и придорожные кусты, и лес, делая внезапное появление вероятного противника практически невозможным.

Но одно дело блокпост, построенный с умом, и совсем другое — его контингент. С десяток бандитов, в обязанность которых входило контролировать дорогу, «забивали на службу» по полной.

Двое, сидя в кузове грузовика, резались в карты, еще пара разбиралась друг с другом — возмущенные голоса даже до нас долетали, — а третий безуспешно пытался их разнять. Опасение внушали лишь пулеметчик и гранатометчик, грамотно расположившиеся в своих гнездах. Будь у меня вместо ружья СВД, снял бы их за секунду, но, как говорится, росла б у бабушки борода, она была бы дедушкой. В общем, положение незавидное. И, как я понимаю, обход невозможен — иначе Шрам давно б уже движение навел. Но нет, лежит, не шевелится, элемент местности из себя изображает, изучает цель. Я было уже хотел дернуть его за сапог, мол, давай уже чего-то решать, как вдруг боковым зрением уловил еле заметное движение в лесу.

Похоже, бандитским укреплением интересовались не только мы. Лес по бокам дороги определенно жил своей жизнью — меж его стволов неприметно скользили пятнистые силуэты. Я сосредоточил внимание на ближайшем...

Так. Теперь точно не уйти. Судя по слаженным действиям силуэтов, к блокпосту скрытно подбирался отряд армейского спецназа. Ну да, все сходится. Если на сегодняшний день Зона — территория повышенного внимания Запада, то ситуация тут стандартная, не раз такое бывало. Запад чужими руками таскает каштаны из огня и завоевывает интересующую его территорию, а Восток своими силами отстаивает положение на международной арене, по мере возможности отсекая пальцы этим самым «чужим рукам». Иными словами, вояк, наверно, сейчас в Зоне как клопов в старом диване, чем и объясняется усиление Кордонов. И на мирные переговоры те вояки отнюдь не настроены — тем более что по одежке мы со Шрамом самые что ни на есть преследуемые законом элементы, те самые «чужие руки», кои во имя спокойствия державы следует рубить по самые ноги.

Шрама за сапог я дернул, на что в ответ элемент местности прошипел: «Вижу. И хрен ли?»

И то правда. Делать нам в общем-то было нечего. Лежи, отдыхай. Шевельнешься — прилетит свинцовый привет, причем, скорее всего, с обеих сторон. Ну мы и лежали, наблюдая за скрытным перемещением спецназа... который, по моим соображениям, был еще достаточно «зеленым».

В серьезной переделке парням побывать явно не приходилось, и от настоящей спецуры на них была, пожалуй, только форма да обернутые камуфлирующей лентой автоматы... при виде которых я невольно облизнулся. РМБ-93, оно, конечно, круто при стрельбе на малую дальность, но все-таки экспортный АК-104 под патрон 7,62 для Зоны предпочтительней намного. А еще у одного пятнистого дядьки, на плечи которого была наброшена раритетная спецназовская плащ-накидка «Дождь» оливкового цвета, я разглядел «Винторез»... И мечты мои воспарили ввысь... ибо в нашем положении только и остается, что мечтать, пускать слюну от зависти и не рыпаться, так как жизнь все-таки дороже всех АК и «Винторезов» на свете вместе взятых.

Между тем пулеметчик, загорающий на крыше автобуса, почувал неладное. И, крикнув что-то товарищам, дал пару неприцельных очередей по растущим вдоль дороги деревьям. В ответ из-за толстого корявого ствола, торчавшего от меня буквально в нескольких метрах, высунулась труба РПГ с торчащим из нее зеленым «карандашом» осколочного выстрела.

«Ох, мать твою за ногу...» — пронеслось у меня в голове.

Позади трубы полыхнуло, и я зарылся лицом в землю, уповая на то, что уровень дороги

все-таки немного выше кювета, в котором мы имели счастье залечь.

Взрыв, характерный посвист над головой, листья, сбитые с кустов и падающие за шиворот, — нормальные последствия взрыва ОГ-7В на таком удалении от цели. Хоть осколки и на излете, но все равно приятно мало получить такой презент в голову. Мне одного бандитского подарка в ногу хватило за глаза, а регенерона в аптечке больше нет...

И началось. Стрекотание очередей, мат-перемат, топот множества ног, хорошо разносящийся по земле. Одним словом, скоротечный бой, во время которого категорически не рекомендуется находиться в его эпицентре в виде неподвижного укрытия. Именно таковым и посчитал меня в горячке боя какой-то военный, плюхнувшись на брюхо рядом со мной и попытавшись пристроить на моем загривке горячий ствол.

Война — всегда действие трагичное, в котором порой все-таки проскальзывают забавные моменты. Как вот сейчас, например. Конечно, то, что меня с расстояния в полметра приняли за неотъемлемую часть пейзажа, польстило моему снайперскому самолюбию, но не настолько, чтобы я продолжал и дальше изображать из себя бруствер.

Думаю, автоматчик сильно удивился, когда естественное укрытие внезапно ожило и коротко вломило ему локтем в челюсть. Но я не стал дожидаться, пока военный осознает свою ошибку, и, для верности добавив ему кулаком в основание черепа, осторожно пополз в сторону леса. Понятное дело, что я не забыл при этом прихватить с собой удобный укороченный автомат и разрезать пояс жертвы, сдернув с него сумку с четырьмя магазинами, масленкой и принадлежностями к автомату.

Пока я решал свои проблемы, соседний глиняный холмик исчез, и мне пришлось ползти к лесу в одиночку.

Бой сместился вперед, и я уже особо не опасался, что отряд спецназа заметит потерю бойца и попытается выяснить причину этой утраты. Короче говоря, под надежное укрытие уродливых корявых стволов я вполз целым, невредимым и экипированным почти так, как хотелось изначально. Но все-таки моей сталкерской душе, привыкшей к хорошему, сильно не хватало снайперского оружия типа «Винтореза», ВСК-94 или СВД. И хрен бы с ним, с весом, потаскал бы, загнав РМБ-93 первому встречному барыге или обменяв на патроны...

Кстати, о патронах. Мечты мечтами, а с этим у бывшего владельца АК было не очень. Воинственно настроенный спецназовец успел опустошить два с половиной магазина, в результате я унаследовал всего-навсего четыре десятка «семёры» вместо ожидаемой сотни с хвостиком.

— Ладно тебе, хорош привередничать, — буркнул я сам себе под нос, любуясь практически новым автоматом.

Хорошая машинка, покажите мне того, кто станет с этим спорить. Думается мне, пока есть у нас такое оружие, традиционно обломаются все, кто мечтает понатыкать в славянскую землю ракетные базы и нагнуть что Россию, что Украину. Потому как, может, мы где-то и притормаживаем по сравнению с остальным мировым сообществом, но это явление временное, из той серии, что наши люди обычно долго запрягают перед эффектной поездкой на зависть всем остальным.

Да уж, есть такое свойство у автомата Калашникова: возьмешь в руки — и слово «патриотизм» становится не просто словом, а очень даже весомым понятием, на все три с половиной кило, что приятно оттягивают руки, привычные к хорошему оружию. Тысяча снарков, ведь звучит же! Что такое патриотизм? А это не что иное, как тяжесть АК в твоих руках, когда ты находишься на вражеской территории.

Так, теперь о территории...

Я сейчас находился в относительно узкой полосе леса между дорогой и Свалкой. Позади грохотал бой, набирая обороты, — не иначе бандиты подтянули к блокпосту свежие силы. А впереди между деревьями можно было различить темную громаду высотой с пятиэтажный дом, по форме сильно напоминающую крепость Сахарова. Я, продолжая скрываться за корявыми стволами, подошел ближе.

Ну да, кто-то из бандюков определенно побывал на Янтаре, и то, что он увидел, ему сильно понравилось. Над проржавевшими пожарными машинами, вертолетами и БРДМ, более четверти века назад согнанными сюда со всей Зоны и брошенными навсегда из-за излучаемого ими радиационного фона, вздымался огромный бронеколпак. Правда, в отличие от убежища ученых, сварен он был далеко не профессионалами и не разваливался на бронелисты лишь вследствие избыточности конструкции — множество контрфорсов усиливали сооружение. А между вертикальными стальными ребрами в несколько рядов были прорезаны длинные амбразуры, причем в некоторых из них с моего места можно было различить короткие стволы неслабого калибра.

— Ничего себе, — пробормотал я. И, рефлекторно вскидывая автомат, обернулся на еле слышный шорох, который в трескотне выстрелов различить практически невозможно. Скорее, здесь не слух сработал, а нечто другое. Шестое чувство, интуиция, первобытная реакция на чужой взгляд — не знаю как оно называется, но не одного меня неоднократно спасал этот мистический нюх на человека с оружием.

— Я это, — негромко сказал Шрам, появляясь из-за кустов. В руках у него уютно пристроился «Винторез», но не тот, что раньше, убитый до невозможности. Взамен полуживого ветерана наемник бережно держал «нулевой» ствол, можно сказать, только со склада. Понятно. Минут десять назад видел я эту машинку. Интересно, с ее хозяином Шрам обошелся так же гуманно, как я с бывшим владельцем теперь уже своего АК?

— А старый где? — кивнул я на «Винторез» — Выбросил?

— Ну ты сказал! — оскорбился наемник. — В плащ-накидку завернул и в схрон определил. «Дождь» же прорезиненная, так что теперь винтовке точно ничего не делается. Будет время — заберу, в ремонт отдам. Сейчас в Зоне вояк стволами не обижают, ибо в производстве они копейки стоят. А вот в плане снаряги им со складов всякое старье отгружают — все равно все они, считай, смертники, так чего добро зазря переводить...

Понятно. Вряд ли пятнистый спецназовец добровольно подарил Шраму и оружие, и раритетный «Дождь». Но надо отдать должное наемнику — лихо сработано. Прямо среди боя отработать снайпера, забрать хабар и смыться, да так, чтоб никто ничего не заметил...

Между тем Шрам кивнул на аляповатое сооружение, раскорячившееся посреди Свалки.

— Видал, что Боров наворотил? Как Йога исчез, так среди бандюков начался не воровской ход, а чисто армейская шкала. Новый главарь их к дисциплине стал приучать кнутом и пряником, стволы серьезные откуда-то появились, снаряга. Хотя понятно откуда. У Борова барыжные связи о-го-го, не хуже чем у Сидоровича. И вот эту хрень возвели за три месяца, не всякое орудие возьмет.

— А Йога куда делся? — спросил я.

— Без понятия, — пожал плечами Шрам. — Как в воду канул. Хотя, может, в нее и канул — Припать все стерпит, а Боров давно на Йогу клык точил. Ну ладно, пошли потихоньку. Сейчас ни бандюкам, ни воякам не до нас. Но, боюсь, продлится это недолго.

...Свалка осталась по левую руку. Мы бегом пересекли дорогу практически за спиной отчаянно обороняющихся бандитов и вломились в кусты, за которыми маячили крыши села Рассоха.

Замысел Шрама я понял сразу. Чем двигаться по открытой местности, лучше уж, прячась за стенами полуразрушенных нежилых хат, добраться до края села. А там и до леса недалеко.

Хаты Рассохи до самых крыш заросли какими-то вьющимися растениями, словно тысячи тонких щупалец по стенам расплзлись. Хотя нет, не «словно», а так и есть. В особенно крупном клубке темно-коричневых стеблей я разглядел оскаленную морду слепой собаки, из глазниц которой проросли тонкие молодые побеги.

— К стенке смотри не прислонись, — бросил Шрам через плечо.

«А то прям неясно», — фыркнул я про себя. Но, с другой стороны, сейчас он проводник, ему положено озвучивать такие моменты.

Мы бежали между хатами пустого села.

Я уже было порадовался, что мы с наемником легко отделались. Оказалось, радовался рано.

Не зря Шрам так превозносил потуги нового главаря наладить дисциплину среди бандитов. Несмотря на перестрелку возле блокпоста, охрана на краю села осталась нести службу. Это было ясно по возбужденным голосам, раздающимся за крайней хатой. И сейчас один габаритный боец из этой самой охраны стоял спиной к нам и, закинув автомат за спину, справлял малую нужду. Растревоженные теплой струей растения, сплошным ковром оплетающие старый деревенский дом, угрожающе шевелились. Я еще успел подумать на бегу, что не отважился бы вот так беспечно развлекаться с мутировавшими побегами — вдруг бросятся... И будешь потом всю жизнь вспоминать, как удобно было раньше облегчаться и общаться с противоположным полом на разные приятные темы.

Но бандит уже застегивал ширинку и поворачивал голову на топот. Еще мгновение — и поймет, что это далеко не свои пацаны развлекаются пробежками по подконтрольной территории, а совсем наоборот.

До него оставалось шагов десять. Если профи, то однозначно успеет уйти в сторону, одновременно сдергивая с плеча тупорыльную «Гадюку». И полоснуть очередь в упор тоже получится.

Но редко профессионалы идут в бандиты. А если и идут, то не мучаются дурью, поливая мочой мутантов. На то и был расчет, ибо стрелять сейчас никак нельзя — глушитель на стволе — это еще не значит, что выстрел абсолютно бесшумный. К тому же плечистый автоматчик был слишком уверен в собственных силах, что всегда плюс.

— Какого хрена вы тут носитесь, когда... — начал он грозно, наверняка приняв нас по одежде за своих. Судя по повелительным ноткам в голосе, бандит был кем-то вроде командира отделения в банде...

Был.

Щекастая морда продолжала разворачиваться в нашу сторону, а тело немного запаздывало — руки завершали процесс застегивания штанов. Потом я на бегу бросил:

— Да всё пучком, брателло, — после чего выбросил руки вверх и рванул голову бандита, продолжая ее движение.

Но прием не сработал.

Слишком толстой оказалась шея автоматчика, и слишком хорошо был у него отработан навык контрмер против желающих сломать ему шейные позвонки. Может, в военном деле и не профи, но, скорей всего, борец со стажем.

Следуя моему рывку, грузное тело неожиданно легко повернулось. Я понял, что еще доля секунды — и вместо того, чтобы просто и легко отправить на тот свет противника, я сам попаду на удушающий захват, который в боевой ситуации не доводится до конца, а дорабатывается ножом под лопатку. Потому мне ничего не оставалось делать, как просто со всей дури толкнуть борца на стену.

Не ожидавший такого финта с моей стороны, бандит со всей силы приложился мясистой спиной о шевелящийся ковер. Растения словно только того и ждали.

Я успел увидеть, как десятки тонких, но прочных жгутов в мгновение ока захлестнули лицо и шею автоматчика. Тот рванулся, одновременно ослабляя захват — сейчас ему было явно не до меня. Я тут же отпрыгнул назад, стряхивая с себя два или три скользких побега, успевших дотянуться и до меня заодно.

Бандит натужно хрипел, пытаясь вырваться из плена, но это было уже нереально. Стена хаты шевелилась, побеги стягивались к жертве со всей ее площади, обнажая черные провалы окон. И я увидел, что вся внутренность дома заполнена ими, как гадючник змеями.

«Почему ж бандиты до сих пор не сожгли эту пакость?» — мелькнула у меня мысль. И тут же сам собой пришел ответ. А зачем уничтожать естественное минное поле, о котором ты знаешь, а потенциальный противник вряд ли? В спокойном состоянии побеги

практически неподвижны, ждут жертву и никому не мешают, если соблюдать технику безопасности. Так что самоуверенный автоматчик сам виноват — ссать на мины всегда было вредно для здоровья.

— Слышь, Бешеный, ты че там кряхтишь, никак личинку не отложишь? — раздался из-за хаты насмешливый голос. — Как разродишься, назови ее Йогой в память прежнего пахана, упокой его Зона.

— Обязательно, — сказал я, передергивая затвор АК и выскакивая из-за угла. РМБ-93, конечно, оружие мощное, но, когда не знаешь, что тебя ждет за стеной, автомат как-то предпочтительнее, особенно когда патронов к ружью ощущается некоторый дефицит.

Сбоку от меня на той же скорости двигался Шрам, держа на изготовку «Альпийца». Что есть правильно — патроны к «Винторезу» в Зоне дефицит страшный, потому работать по близкостоящим целям надо тем, что подешевле.

Целей оказалось четыре. Пулеметчик, расположившийся за бруствером из мешков возле «Печенега» — пулемет был направлен в сторону дороги. Плюс трое бандитов, вооруженные скромно, — двое с обрезам двустолок БМ-16 и один с ружьем ТОЗ-34... как выяснилось, умевший обращаться со своим оружием достаточно ловко. Во всяком случае, пока сотоварищи смотрели на нас вылупив глаза и соображая, что делать дальше, владелец «тозовки» уже вскинул ствол, достаточно профессионально уходя при этом в сторону.

Им я и занялся во избежание получения заряда в брюхо — с критического расстояния в десятков метров выстрел из ружья двенадцатого калибра есть штука фатальная.

Очередь в три патрона я дал с упреждением, целя в то место, где бандит должен был оказаться через четверть секунды, и при этом тоже уходя с линии выстрела.

Но, прежде чем мои пули выбили пыль из бандитского балахона, его хозяин все-таки успел пальнуть из своего проверенного временем дедовского орудия. Хорошо, что мимо, а то б на этом, пожалуй, мог бы и кончиться мой поход в Зону — целил бандит четко мне под подбородок.

С остальными все было проще. Пулеметчик, вместо того чтобы воспользоваться ПМом, висящим на поясе в кобуре, зачем-то схватился за «Печенега» — и даже успел приподнять его на полметра, прежде чем рухнул обратно на свое место с пулей во лбу, выпущенной из «Альпийца» Шрама. Владельцев обреза я положил одной очередью, прежде чем они успели навести на нас свои БМы.

Все вместе заняло не больше трех секунд. А потом я еще целые полсекунды стоял столбом, осознавая, что очередная группа бандитов, спешащая от своей крепости к блокпосту на помощь товарищам, услышав пальбу, повернула в нашу сторону.

Плохо, с учетом того, что один из них притормозил и направил в нашу сторону ствол ГМ-94, магазинного гранатомета, смахивающего на помповое ружье. Правда, стреляла эта штукавина не пулями, а термобарическими гранатами.

И снова счет пошел на десятые доли мгновения. Я прыгнул вперед и в полете дал короткую очередь, очень надеясь, что мои прежние таланты остались при мне. При этом мое падение имело двойную цель — конечно, если граната ляжет точно, падай не падай, критическая температура термобарического взрыва в сочетании с ударной волной по-любому превратит тебя в запеканку. Но если я попал, то есть шанс на то, что граната пойдет выше. А еще лежа гораздо удобнее и эффективнее бороться с группой при помощи «Печенега», нежели тратить и без того скудный боезапас моего АК.

Я шлепнулся на землю, проехался на разгрузке, отшвырнул в сторону труп пулеметчика и услышал за спиной хлопок. Отлично, граната пошла выше. Значит, или я, или Шрам гранатометчика как минимум задела. Теперь оставалось надеяться, что бандит, которого я столь нелюбезно подвинул, при жизни хоть иногда чистил свое оружие.

Первой же очередью я словно в тире снял двоих бандитов, бегущих впереди. В точности «Печенегу» не откажешь — сошки, вынесенные вперед, надежно фиксируют ствол. Хотя есть тут и минус. В отличие от ПКМ при изменении направления огня приходится

ползать за пулеметом, иначе его не повернуть. Да и тяжелее он своего предка на семьсот граммов — при стрельбе лежа оно, может, и лучше, но на руках таскать ощутимо печальнее, особенно когда нагружен как индийский слон.

Короче, после того как группа противника потеряла еще пару энтузиастов, бандиты попадали на землю и принялись поливать нашу позицию неприцельным огнем. Тут уже пришлось нам со Шрамом хорониться за мешками с песком ввиду численного превосходства противника.

— Отходим, — бросил наемник.

Хорошо ему командовать, спиной к груде мешков прижавшись. Я б, глядишь, то же самое скомандовал, если бы не полз назад, извиваясь словно змей и при этом таща за собой далеко не легкий пулемет. Может, оно и не надо было при наличии автомата и ружья, но, когда у тебя дефицитной в Зоне «семерки» осталось полрожка, автомат потихоньку начинает превращаться в обузу. И потому, чем посреди боя вылуцивать патроны из пулеметной ленты, разумнее утащить ее вместе с пулеметом, рискуя при этом в один прекрасный миг просто упасть и больше не подняться, словно надорвавшаяся ломовая лошадь. В общем, кому «отходим», а кому и «отползаем».

При этом я внимательно прислушивался к стрельбе противника. Когда куча людей с автоматами начинают поливать огнем одну и ту же цель, магазины у них должны заканчиваться примерно в одно и то же время. Обладатели ружей и обрезов не в счет — вероятность попадания из них на таком расстоянии гораздо ниже. Понятно, что это все в теории. Но слишком часто теоретические выкладки такого рода спасали жизнь бойцам в критической ситуации, чтобы просто отмахнуться от них.

В общем, когда интенсивность огня резко упала, я подхватился со своего места вместе с пулеметом и следом за Шрамом рванул за угол избы. Оказалось, вовремя — видимо, кто-то из бандитов подобрал гранатомет убиенного товарища и использовал его по назначению. Я уже заворачивал за бревенчатую стену, когда позади меня с характерным звуком разорвалась граната — хорошо, что безосколочная и с небольшим радиусом поражения, а то б напоследок в бочину точно поймал бандитский подарочек. Но обошлось.

— А пулемет на хрена? — прохрипел Шрам, отплевываясь, — видать, ему тоже в дыхательные пути порядком набилось пылищи, земли и песка из пробитых пулями мешков.

— Надо, — коротко выплюнул я вместе с черной слюной. После чего отсчитал «двадцать два, двадцать три, двадцать четыре», представляя, как преследователи, осознав, что жертвы банально смываются, вскакивают на ноги и бросаются в погоню. Так, вот они выбежали из кустов на дорогу... Пора!

Я выдернул из-за пазухи подарок Японца, чиркнул головкой спички о ствол пулемета и швырнул зеленый брикет за угол. И вправду, грохнуло и полыхнуло неслабо. Даже из-за угла было понятно по тому, как осветился пасмурный день, что за домом на мгновение родилось небольшое солнце. После чего я вывернулся из-за угла, упал на одно колено и дал длинную очередь. Наверно, со стороны это смотрелось очень эффектно — в стандартной комплектации без пламегасителя «Печенег», словно дракон, выплевывает полуметровую струю пламени. Читал я в российских военных журналах, выписываемых к нам на остров за невероятные деньги, мол, вот-вот в войска попадет доработанная версия пулемета, где и пламегаситель имеется, и сошки по линии ствола двигаются как захочешь, и рукоятка для переноски модернизирована... Но, видать, блага цивилизации до Зоны пока не добрались, потому бандитов я расстреливал красиво, но опасно: начни кто-то из них стрелять, так даже целиться не надо — бей по вспышкам и не морочься.

Но стрелять никто не начал. Я рассчитал точно и прихватил оглушенный и ослепленный вспышкой отряд прямо на дороге — не убежать, ни спрятаться. Ну и Шрам тоже без дела не сидел, я видел, как справа от меня пару раз дернулся ствол «Винтореза». В общем, шесть трупов остались лежать на дороге, а мы со всех ног ломанулись к лесу, до которого было немногим меньше километра.

* * *

В гущу леса мы ввалились одновременно. В самом начале пробежки Шрам забрал мой автомат, за что я был ему весьма благодарен — нестись таким аллюром в полной выкладке с пулеметом и грузом дополнительного оружия было, мягко говоря, непросто. Но, спасибо Зоне, добежали.

— Теперь амба, — выдохнул Шрам, привалясь спиной к дереву. — Отбегались.

— Что так? — прохрипел я в ответ.

— Пешочком теперь, а лучше ползком да с болтами. За этим лесочком линия фронта.

— Не понял...

— А чего тут понимать? — хмыкнул наемник, — «Монолит» никуда не спешит. Отгрызёт кусок Зоны, достигнет рубежа, закрепится — и дальше попер как раковая опухоль. Здесь его — не поверишь! — бандюки Борова тормознули возле своей крепости! И что на выходе? Откатился «Монолит» за лесочек, закрепился, и теперь, сам видишь, бандосов вояки прессуют чуть не каждый день.

— Так что, военные заодно с «монолитовцами»? — удивился я.

Шрам усмехнулся.

— Военным что? Им дали задание сверху, они и поперли куда сказано защищать нас от Зоны. Думается мне, что все эти скользкие и дурнопахнущие моменты наверху решаются. Очень высоко наверху. И на выходе все-таки будет в Зоне очередная пиндосовская ракетная база.

Он сплюнул себе под ноги.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала, — усомнился я. — Зона не захочет — обломаются и пиндосы, и вояки. Но это все лирика, Шрам. Скоро темнеть начнет, так что давай определимся, куда дальше двигаем. Да и «Печенега» куда-то девать надо — если, конечно, нет у тебя острого желания потаскать его на руках.

— Спасибо, добрый человек, — фыркнул наемник. И огляделся. — Да вот хоть в то дупло определи. А чего, нормальный схрон. Надо будет — нырнешь и достанешь запросто.

И вправду — недалеко, подпираемое более мелкими соседями словно вождь приближенными, стояло громадное дерево. В его центре на высоте человеческого роста имелось дупло, в которое взрослому мужику пролезть — раз плюнуть.

— Что-то слишком все просто, — покачал я головой. Потом приблизился к дереву, одновременно доставая из кармана стреляющую гильзу — штук пять я сунул туда немногим ранее, предполагая использовать их вместо традиционных сталкерских болтов. И таскать легче, и пополнить запас не проблема.

Я потрогал шершавую кору лесного монстра — и мои подозрения усилились. Кора была теплой, словно плоть живого существа.

— Здравствуй, дерево, — проникновенно сказал Шрам. — Я Снайпер.

Отвечать на подколку я не стал, просто кинул гильзу в дупло. И... ничего не произошло, лишь внутри дерева на уровне земли послышалось приглушенное звяканье, словно гильза упала на кучу металла.

— Ого! — заинтересованно сказал наемник. — Похоже, не мы одни решили тут хабарок пристроить! Бандосы сюда не сунутся, так что ты как хочешь, а я слазаю — посмотрю, что там за сюрпризы для нас братья-сталкеры оставили!

Шрам уже положил мой автомат на землю и начал расстегивать пыльник, явно собираясь снять его, чтоб не мешался, пока хозяин будет нырять в дупло. Хозяйственный, блин. Мой АК на землю можно, а «Винторез» небось на пыльник положит... Но мне все равно было беспокойно. Поэтому я достал из рюкзака свой ужин и снял с него прозрачную пленку, в которую он был завернут. «Сталкерский гамбургер» — два ломтя хлеба с колбасой между ними — полетел в дупло вслед за гильзой.

— «Кушай, дерево», — сказал...

Договорить Шрам не успел, так как вместе со мной рефлекторно отпрыгнул от лесного гиганта, из дупла которого внезапно вырвался ревущий столб огня.

— Ох ты, итить твою налево! — выдохнул наемник, не отрываясь, глядя на пламя. — Это что ж получается? «Жарка» в дереве?

— Симбионит получается, — сказал я, подбирая с земли свой автомат. — Зона меняется, сам говорил. Все ученые стали, и лезть в «Жарку» дураков все меньше и меньше становится. Вот и ищут аномалии способы прокормиться. В данном случае, вишь, болты ей теперь по фигу, и реагирует она только на органику. Думаю, не столько хабар там внутри дерева звякает, сколько пряжки, сапожные гвозди да ножи тех, кто от жадности полез за чужим добром.

— Ну конечно, твоя взяла, — проворчал Шрам, поднимая пыльник с серой, жухлой травы. — Теперь и постебаться не грех. Кстати, благодарю. Блин, похоже, я опять перед тобой в долгу.

— Точно, — сказал я. — Так что отработывай, помогай пулемет прятать...

«Печенег» мы завернули в коврик-гамак, который нашелся у меня в рюкзаке, и закопали в кустах. В тот же сверток я определил и РМБ-93. Ружье, конечно, отличное, но АК-104, да еще с полным комплектом патронов из пулеметной ленты, по-любому лучше. Тем более что патронов двенадцатого калибра у меня осталось лишь немногим больше пачки.

— Все, погнажи, — сказал Шрам, отряхивая руки от земли и приставших к ладоням кусочков палой листвы.

— Погоди, — остановил я его. — У тебя плечо в крови. По ходу пулевое.

— А, пустяки, — отмахнулся наемник. — Царапина. На привале обработаю.

— Несколько минут у нас точно есть, — резонно заметил я. — Потом присохшую ткань от свежей раны отдираешь — не обрадуешься.

Шрам поколебался еще немного — и расстегнул дорогой защитный костюм, одетый под пыльник. Хорошая броня, потому и странно, что «Севу» прошило выстрелом из «тозовки».

Рана и вправду оказалась неопасной, хотя страшноватой с виду — пуля, пройдя по касательной, распахала кожу на плече так, что края раны разошлись в стороны. Понятно теперь, почему «Сева» подвел своего хозяина.

— «Зенитом» стрелял, — сказал я, стерилизуя рану. — Стабилизатором тебе шкуру перепахало.

— Чем стрелял? — удивился Шрам.

— Патрон так называется — «Зенит», с подкалиберной оперенной пулей. Редчайшая штука, наверняка из опытной партии. Такой пулей партийные бонзы при Союзе из гладкого ствола лосей и медведей с трехсот метров брали.

— Слышал про такое, — кивнул наемник. — Только видеть не довелось.

— Зато почувствовал, — хмыкнул я, продолжая мстить за «здравствуй, дерево». Окончив обработку, я вкатил в мышцу укол смеси из анестетика, антибиотика и противошоковой сыворотки, после чего вдел в кривую иглу кетгут и наложил первый шов.

— Ты шей давай, острослов, — прорычал Шрам. Что рычит — понятно, больно. А на то, чтоб нормально процесс обезболить, подождать, пока анестезия полностью сработает, времени нет — того и гляди бандиты очухаются и погоню организуют.

Управился я быстро, благо навык отточен. Плохо только, что аптечка научная практически одноразовая — все хорошее и дефицитное в одном экземпляре. Потому пришлось поверх раны наклеить обычный дезинфицирующий пластырь и на этом завершить операцию.

— Мастер, — проворчал Шрам, надевая обратно облегченный вариант «Севы» без защитного шлема. — Благодарю.

— «Благодарю» в карман не положишь, — вздохнул я.

— И почему нынче услуги фельдшера? — прищурился наемник.

— Вообще-то я на ветеринара учился, — сказал я. — Вишь как навыки пригодились. За шитье же с тебя примерно вот столько.

И обозначил большим и указательным пальцем толщину денежной пачки.

— Понятно, — кивнул Шрам. — Давай договоримся — больше друг друга не подкалываем. А то чувствую я, что за «Жарку» по гроб жизни твою ответку разгребать буду.

— Замётано, — улыбнулся я...

...Лесок кончился быстро. Мы лежали в кустах, изучая местность.

Впереди излучина небольшой речушки, за ней — заброшенное кладбище. Чуть дальше виднелось несколько полуразрушенных изб. В поле, заросшем бурьяном, сиротливо догнивал красный от ржавчины трактор... Типичная осенняя пастораль для этих мест, мрачная, мертвая... Но знакомая до боли — и в то же время чужая. Потому что этот давно ставший привычным пейзаж псевдолюди в экзоскелетах обнесли рядами колючей проволоки, из готовых бетонных блоков возвели вдоль берега реки несколько ДОТов, между которыми понатыкали сборно-разборные наблюдательные вышки, используемые на временных пунктах дислокации крупных воинских подразделений.

На площадках вышек, защищенных бронелистами, были смонтированы мощные прожекторы, рядом с которыми торчали стволы пулеметов. Сколько «монолитовцев» дежурит на вышке за броней, отсюда не разглядеть, но я предполагал, что двое, — ни для кого не проходят даром уроки Зоны, один из которых я однажды преподнес «монолитовским» наблюдателям самолично. Завершающей точкой в этой картине была до боли знакомая табличка, небрежно прибитая к знаку радиационной опасности, который торчал у самой воды: «Территория группировки „Монолит“. Проход воспрещен. Ведется огонь на поражение».

— Сильно, — прошептал Шрам, за неимением бинокля рассматривая диспозицию противника через прицел «Винтореза». — Совсем недавно позиции «Монолита» располагались на два км севернее, по линии Глинка — Замошье. Оперативно действуют.

— А то, — протянул я.

Понятное дело, что пробраться через такое можно только при условии, если территорию хорошенько пропашут «Градами», а лучше «Торнадами» и «Буратинами» — чисто для надежности. Уж больно глубоко в землю умеют зарывать «монолитовцы» свои бункеры, и выкурить их оттуда бывает довольно сложно.

— Хотя... можно попробовать, — протянул Шрам. — Глянь, на два часа пройти можно. Там реально промежуток есть между бункерами и вышками. Ночью переплывем реку и проползем под проволокой как пить дать — один ножом приподнимает колючку снизу, второй ползет.

Я присмотрелся к тому месту, о котором говорил наемник, — и ровным счетом не увидел никаких отличий от общей картины «монолитовских» укреплений. О чем ему и сказал.

— По-моему, Шрам, глухо там, как в Т-90.

— Да внимательнее смотри, — с раздражением в голосе бросил наемник. — Вон там, правее вышки с ободранной крышей. Видишь?

Я ровным счетом ничего особенного не видел — идеальный ряд защитных сооружений, ни больше ни меньше. И не слышал ничего, кроме сопения Шрама над ухом, тщетно пытающегося донести до меня свою безумную идею. В конце концов я решил, что заниматься явно бесполезным делом больше не стоит и сказал:

— Слушай, там явно ни черта...

Договорить я не успел, ощутив болезненный укол в шею. Вслед за которым мозг пронзила очевидная мысль — наемник просто отвлекал меня своими бреднями, чтобы без хлопот вырубить меня и сдать... кому? Бандитам? Военным? «Монолитовцам»?

Моя рука метнулась к «Бритве», висящей на поясе... и безвольно упала на полпути.

Мир стремительно начал распадаться на фрагменты, словно картинка в калейдоскопе. И последнее, что я видел и слышал, были стальные глаза Шрама, оторванные от лица словно кусок мозаики. И слова, глухо прозвучавшие из-под балахона, глубокого и бесконечного, словно сама Вселенная:

— Не обессудь, Снайпер. Контракт для наемника — это закон.

* * *

Холод... Страшный холод... И тошнота, выворачивающая наружу желудок... Но блевать больше нечем, оттого лишь спазмы сотрясают тело и во рту омерзительный вкус желчи...

Я попытался открыть глаза, но веки были тяжелыми, словно свинцовые заслонки в ядерном бункере. Я попытался снова...

Черт, лучше бы я этого не делал! Голова закружилась, новый приступ тошноты сотряс безвольно висящее тело.

Стоп! Несмотря на общее состояние, вызывающее лишь одно желание — сдохнуть поскорее, мысли в голове начали неуверенно выстраиваться в логические цепочки. Тело, висящее на чем?

Судя по ощущениям, руки и ноги разведены в стороны и плотно зафиксированы, причем тело находится под наклоном. Чтоб блевалось удобнее, что ли, не на себя, а в окружающую среду?

Веки я все-таки разлепил и заодно попытался восстановить в памяти прошлые события, пока зрение фокусировалось, медленно превращая размытые пятна в стройную картинку.

Так. Дело было вечером, когда я попался на элементарную «разводку» наемника и, судя по глюкам, скорости отключки и отходняку, получил в сонную артерию лошадиную дозу какого-то диссоциатива типа кетамина. Дьявол, как же хреново! Слово неделю подряд хлебал литрами паленую «катанку» не просыхая.

Ладно, об этом потом попереживаешь. Для начала неплохо бы определиться где я...

— Вот молодец, живой, — произнес рядом со мной хриплый голос. — А я уж грешным делом подумал, что вот-вот сдохнешь.

— Не дождетесь, — прохрипел я, после чего смачно выплюнул в атмосферу концентрированную желчь, смешанную с вязкой слюной. Подо мной булькнуло, и я наконец понял, что бело-желтый круг перед глазами — это старый эмалированный таз, полный блевотины.

— Ну почему же, — усомнился голос. — Будешь молчать — и сто процентов склеишь лапы. Причем очень больно и хреново. Подними башку, приглядишься.

Я послушался.

Прямо передо мной была серая бетонная стена, освещенная стоваттной лампочкой, болтающейся на шнуре под потолком. На стене не было ничего примечательного, за исключением большого бурого пятна с вкраплениями белой кашицеобразной массы.

— К сожалению, от пентотала натрия или скополамина в твоём теперешнем состоянии ты скорее сдохнешь, чем начнешь говорить правду. Или вырубись. Или глюки свои озвучивать начнешь, что мне абсолютно неинтересно. Понимаешь, Снайпер, я больше верю в дыбу, чем в сыворотку правды. Или вот в это.

Хреновина, на которой я был зафиксирован, дернулась, и ее верхний край опустился. Теперь я висел параллельно полу, ощущая, как путы, стягивающие мои запястья и лодыжки, врезаются в мясо. Хреновина легонько качнулась взад-вперед.

— Понимаешь, о чем я? — поинтересовался голос. — С увеличением амплитуды ты через некоторое время начнешь дозированно биться башкой об стену. Раз, другой, третий. Десятый. Пока не почувствуешь, как плющатся твои шейные межпозвонковые диски и вдоль

швов начинает разваливаться череп.

Голос хохотнул.

— Ты же не хочешь убить себя об стену, сталкер?

— Убейся сам, урод, — посоветовал я.

— Попозже, с твоего позволения, — сказал голос. — Все-таки я задам тебе один вопрос чисто на пробу, перед тем как начать испытания стены на прочность твоей макушкой. Подумай хорошо, прежде чем ответить, череп-то у тебя один как-никак.

Я молчал, прикидывая, с какой это радости «Монолиту» понадобилась какая-то информация от меня. То, что Шрам сдал меня именно фанатикам, сомнений не было, хотя бы по той причине, что вряд ли где-то кроме их базы поблизости мог быть бетонированный бункер. А переть меня куда-то еще было проблематично даже для наемника — по сравнению со своим последним пребыванием в Зоне на Большой земле я благополучно накушал десятков кило, не меньше. Правда, думаю, за последние сутки успел столь же благополучно сбросить как минимум половину вышеназванного лишнего веса.

— Где «Дочкино ожерелье»?

Вот это да! Я ожидал чего угодно, но не подобного вопроса.

Про артефакт, созданный Исполнителем желаний из «Маминых бус», достаточно часто встречающихся в Зоне, знали лишь Болотный Доктор и члены группы Меченого, не имеющие привычки трепаться в барах о своих подвигах. Сомневаюсь, что эти волки вообще каким-то образом контактировали с другими сталкерами — Легенды на то и Легенды, что их мало кто видел. Тех же, кто имел несчастье с ними познакомиться, давно упокоила Зона. А тут такая осведомленность. Откуда интересно?

О чем я и спросил, добавив, что мне не очень-то удобно говорить, висая мордой вниз над тазом собственной блевотины.

— Логично. Как первое, так и второе, — сказал голос.

Зажужжал невидимый электромотор, и крестовина приняла вертикальное положение.

— Ты хочешь узнать, откуда мне известно про артефакт? — спросил голос. — Что ж, ты имеешь на это право. После того как вы бросили меня под мостом подышать, а сами поперлись к Саркофагу, я, представь себе, не умер. Я выполз из воды, таща за собой по берегу обрывки собственного кишечника, и ждал, что вы вернетесь за мной... Знаешь, я очень на это надеялся тогда. Ты даже представить себе не можешь, Снайпер, как ждет своих боевых товарищей смертельно раненный человек. И не для того, чтобы поплакаться им в разгрузки перед смертью. Надежда на спасение? Нет. Когда твоя требуха превратилась в лохмотья, ждать чудес просто глупо. Ты можешь не поверить, но тогда мне хотелось просто напоследок увидеть несколько знакомых рож, вместе с которыми я шатался по Зоне, ел из одного котла и считал своими братьями. Понимаешь, всегда легче подышать, когда ты знаешь, что жил не зря, и тебе говорят об этом другие, прежде чем подарить последнюю пулю, а после похоронить как положено, по-сталкерски, — с крестом, противогазом и табличкой, на которой написано: «Такой-то жил, умер, и товарищи помнят о нем». Все, сталкер. Понимаешь, больше мне ничего не нужно было. Но вы лишили меня этого.

А потом пришли «монолитовцы» и подарили мне не пулю с могильным крестом, а новую жизнь. Но когда я вспоминаю, как с меня заживо сдирали кожу, а потом без наркоза разжижали плоть, чтобы слепить из нее новое тело, мне очень хочется, чтобы каждый из вашей грёбаной команды испытал то же самое...

...Я смотрел на этого человека — да человека ли? — и вспоминал мост через Припять, по которому мы год назад бежали к Саркофагу, отстреливаясь от «монолитовцев». Вот он стоит такой же, как и в тот день, — светловолосый, стриженный под ежик, прямая линия бровей, тяжелая нижняя челюсть, внимательные серые глаза профессионального убийцы... Интересно, зачем «монолитовцы» оставили ему старую внешность? Может, он сам попросил об этом, когда понял, что они собираются из него сделать, и палачи удовлетворили последнюю просьбу жертвы. А потом он озвучил еще одну просьбу — оставить ему

воспоминания... Хотя, может, это было частью программы? Не зря же фанатики «Монолита» столь увлеченно уничтожают сталкеров. Наверно, у каждого из них есть свои воспоминания, благодаря технологиям многократно усиленные и искусственно превращенные в ненависть...

Он говорил еще что-то — но это было уже неважно. То, что стояло сейчас передо мной, уже не было Выдрой, хотя очень походило на моего боевого товарища. Это был просто «монолитовец». Судя по его рассказу и моему опыту, полученному во время путешествия в иномирье, просто биологическая боевая машина, состоящая из искусственных костей и полусинтетических мышц. Неутомимая, практически неубиваемая, если, конечно, не поразить пульей мозг или сердце. Думаю, другие травмы причиняют «монолитовцам» лишь временное неудобство и элементарно лечатся в автоклавах секретных лабораторий, расположенных под Припятью или в ее окрестностях.

А теперь им понадобилось для опытов «Дочкино ожерелье» — лекарство от комы и, как я подозреваю, еще от множества других проблем человечества. Которое, невостребованное и ненужное, растеряло свою целебную силу вдали от Зоны.

— И ради одного-единственного артефакта вы разнесли целый остров и убили семью Японца? — перебил я монолог Выдры.

— Я впервые слышу об этих акциях, — произнес «монолитовец» после небольшой паузы. — Но если они и были проведены, то, думаю, цель оправдывала средства. Наверняка аналитический отдел Хозяев просчитал, что специалисты вашего уровня останутся в живых и рванут в Зону выяснять, кому это понадобились их жизни. Это проще, чем брать вас в плен и тащить сюда через несколько границ. Без понятия, зачем Хозяевам понадобился Японец, но ты, скорее всего, был нужен в качестве ходячего контейнера для «ожерелья», запрограммированного на доставку к месту назначения. Думаю, никто лучше тебя не справился бы с этим заданием. Итак, повторяю вопрос — где «Дочкино ожерелье»?

Я рассмеялся. Сказать ему, что оно осталось на острове, который разнесли боевые вертолеты? Но обновлять собственными мозгами темное пятно на стене как-то не хотелось, да и не терял я ничего. Поэтому я сказал правду:

— Обломились вы вместе с вашими пиндосскими хозяевами. Вдали от Зоны «Дочкино ожерелье» превратилось в обычные стеклянные бусы. Думаю, что их унес Шрам вместе с хабаром, который причитался ему за доставку меня непосредственно к заказчику. Или припрятал где-нибудь на том берегу. Это ведь и было его контрактом — встретить меня и проводить на базу «Монолита», не так ли? Вы хоть обыскали его после выполнения акции?

— Черт, — еле слышно пробормотал Выдра, дотрагиваясь до тангенты наплечной рации. — Третий, я первый, как слышите? Наемник уже покинул территорию базы? Так, немедленно перехватить и доставить сюда. Ни в коем случае, он нужен мне живым. Ты лично отвечаешь за сохранность его головы и того барахла, что будет при нем. Особенно тех стеклянных чёток, которые он крутил в руке. И еще. Подготовьте «грузовик смерти», нужно отправить объект в Икс-восьмую. Всё, конец связи.

Проговорив все это, Выдра отключил связь и направился к выходу.

— Благодарю, — сказал я.

«Монолитовец» остановился.

— Не стоит, — сказал он не оборачиваясь. — Ты даже не представляешь, что тебя ждет в лаборатории.

— Представляю лучше, чем ты думаешь, — усмехнулся я. — А благодарю за то, что ты сделал тогда. Если б не ты, мы бы просто не дошли до Саркофага.

Выдра ничего не ответил. Он лишь отпер бронированную дверь картой-ключом и пропустил внутрь камеры пару каких-то грязных уродов, здорово смахивающих на зомби. Следом за ходячими полутрусами вошел бронированный экзоскелет, сжимающий в стальных лапах американский карабин LR-300 ML.

— Поосторожнее, не попортите материал, — отрывисто бросил Выдра и вышел из

камеры.

Экзоскелет что-то прогудел ему в спину, то ли «так точно», то ли «есть, сэр», — разобрать что именно мешала блямба, торчащая в бронированном шлеме на уровне рта, да и говорил он в спину удаляющегося начальства.

Кто были те существа, что отвязывали меня от крестовины, я так и не понял — то ли и вправду довольно проворные зомби, то ли снарки без защиты полуразложившегося лица, то ли просто рабы, поймавшие неслабую дозу радиации во время добычи ценных артефактов для своих. Но ясно одно — своих нынешних хозяев они боялись до трясушки. А мысль о том, что их может постигнуть та же участь, что и меня, даже пробудила в их облученных мозгах что-то вроде сострадания...

— Язык сее откуси, — негромко прошамкал один из них мне в ухо. Из его беззубого и безгубого рта жутко воняло разложением. — Умвешь быстро.

Совет был неплох. Если проглотить откусанный язык и потом сглатывать кровь, то тюремщики ничего не заметят до тех пор, пока самоубийца не отойдет в лучший мир. Но, на мой взгляд, проще расслабить шею, а после коротким рывком головы посмотреть себе за спину в последний раз — перелом шейных позвонков в результате чрезмерной ротации, как мне кажется, и быстрее, и эстетичнее. Кстати, интересно, почему автор совета не воспользовался им сам, предпочтя гнить заживо?

— Рррразговоррррики! — проревел экзоскелет, что, в отличие от его раболепных излияний в адрес Выдры, было понятно и через блямбу. — Быстррррреее!

Полутрупы засуетились, один из них влез ногой в таз, расплескав по полу его содержимое. Правда, ничуть этим фактом не огорчился, продолжая свое дело, — воняло от него, пожалуй, еще хуже, чем из таза.

Наконец я сполз на пол — команд, поступающих от мозга, тело слушаться не желало. Прислужники подхватили меня под руки и поволокли к выходу. По пути я попробовал пошевелить пальцами рук. Надо же, почти получилось. Так-так, еще немного, и, пожалуй, по пути наверх я смогу придушить этих уродов, а после вырвать оружие из рук «монолитовца». Минут десять только дайте мне, родимые, а я уж постараюсь в это время изображать безвольный мешок с костями, одновременно «прокачивая» организм перед активными действиями. Десять минут — а дальше как вывезет кривая моей личной удачи, которая вдруг ни с того ни с сего повернула куда-то не туда...

Но кривая продолжала заворачивать не в ту сторону. Возле самого порога неповоротливый с виду экзоскелет перебросил карабин за спину и быстро наклонился надо мной. Я успел заметить в его руке пневмопистолет для инъекций, но сделать ничего не смог — полутрупы держали меня с неожиданной силой, а тело все еще отказывалось полностью мне повиноваться.

Короткий «пшик», шею слегка обожгло, причем в том же месте, куда Шрам ранее вогнал дозу диссоциатива. Вот сволочи! Такой хороший план загубили.

Серый бетонный пол перед моими глазами вновь стал распадаться на плитки. И перед тем, как длинные стены коридора превратились в безграничную черноту вечности, я успел слышать слова, произнесенные с явной ноткой сочувствия:

— Зья язык не откусил, сталкев... упокой тя Зона...

* * *

Я висел на стальной вертикальной стойке, сваренной из двух стальных полос в форме буквы «X». Нижняя часть крестовины была намертво вцементирована в пол, и возле ее подножия успела натечь приличная бурая лужа. Прямо перед моим носом, сосредоточенно сопя, двигалась чья-то мохнатая макушка и две волосатые лапы. В одной из них был зажат охотничий шкуросьемный нож с крюком на обухе, в другой — окровавленный кусок кожи, который владелец ножа сосредоточенно срезал с моего туловища.

Кожу явно не собирались выделывать, для того чтобы сшить из нее что-то путное. Палач просто отделял ее от тела широкими неровными лохмотьями, стараясь лишь не задеть лезвием мышцы. Впрочем, это было несложно. Стальной зуб на обухе просто цеплялся за край разреза, легкое движение сверху вниз — и кожа распадалась надвое, словно на ней расстегнули молнию.

Отделив очередной шмат от моего тела, палач поднял голову, воровато осмотрелся и затолкал его в пасть. Полузвериные-получеловечьи челюсти принялись быстро перемалывать добытый трофей, с края пасти по волосатому подбородку потекла струйка розовой слюны.

...Боли не было — лишь удивление. Голова «монолитовца» сильно напоминала собачью. Где-то я уже видел такие морды... Но вот где?

Вспомнить никак не получалось, и почему-то это было важнее того, что добрая половина моего кожного покрова валялась у ног мутанта словно смятая окровавленная простыня. Плюс к этому добавилось еще пищи для размышлений.

За спиной «монолитовца» раздвинулись тяжелые створки высоченных ворот, и в помещение шагнули два человека. Один — здоровый двухметровый верзила в камуфляже со спутанной русой гривой до плеч и с крупнокалиберным пулеметом «Корд» наперевес, который он держал легко и непринужденно, словно обычный автомат. Второй был в выдавшем виды пыльнике. Из-за спины у него выглядывал ствол снайперского комплекса ВСК-94, а в руках у него лежал навороченный АК-200, осложненный планками Пикатинни и магазином на шестьдесят патронов. Но самое интересное — его лицо мне было очень знакомо. Определенно я где-то видел эту незапоминающуюся физиономию с пустыми глазами, выразительностью смахивающими на пулевые отверстия...

Но вспомнить мне помешала длинная очередь, выпущенная из «Корда». Крупнокалиберные свинцовые цилиндры разорвали на части тело моего палача, а следом начали вырывать из меня куски плоти и разбивать кости в кровавую крошку. Я чувствовал спиной, как от ударов пуль, прошедших сквозь меня, сотрясается стальная стойка, на которой я был зафиксирован. Но боль по-прежнему отсутствовала. Присутствовал лишь дискомфорт от того, что мои позвоночник и лопатки молотятся о твердую поверхность. Странное ощущение во время расстрела... Потому я не особо удивился, когда картинка перед глазами смазалась, словно смытая ведром чернил, и на ее месте оказалась просто непроглядная тьма с блеклыми дырами звезд над головой.

А дискомфорт остался. Моя спина по-прежнему колотилась о твердое. Что за черт?

Подхлестнутое удивлением, мое сознание прояснилось довольно быстро — наверно, еще и довольно сильный сквозняк сказался, освежающий одурманенные мозги. Постепенно я осознал, что сцена расстрела не что иное, как наркотические глюки. На самом деле я лежал в грузовике, бешено несущемся по раздолбанной дороге, а любопытные звезды над моей головой заглядывали в дыры брезентового тента, растянутого над кузовом.

Моя рука билась обо что-то мягкое. С усилием приподняв ее, я ощупал посторонний предмет.

Чье-то лицо... То ли разбитое в кровь, то ли полусгнившее, в темноте не разобрать, тент был застегнут наглухо. Но пока я приходил в себя, снаружи бледное солнце Зоны понемногу начало затмевать своими лучами звезды. Правда, все равно света было пока недостаточно для того, чтобы подробно рассмотреть окружающую обстановку. Хотя чего ее рассматривать, и так ясно, Выдра все озвучил. Я в «грузовике смерти», везущем меня в лабораторию, где из людей делают «монолитовцев» — биологические машины уничтожения с минимальным набором мыслительных функций. Хотя случаются исключения вроде Выдры... Интересно, по какому принципу его нынешнее руководство решает из кого сделать пушечное мясо, а кому оставить внешность и мозги, убив лишь человеческие чувства и эмоции. Хммм, а что тогда есть я? И чем, собственно, я отличаюсь от того же Выдры, прошедшего переработку в автоклавах «Монолита»?..

Додумать мудрую постнаркотическую мысль я не успел.

Внезапно дырок в тенте стало больше. Ровная линия новых звезд пересекла тент, грузовик вильнул вправо... и темный мир перевернулся с ног на голову.

Я упал на тент и больно ударился головой о что-то твердое. Вдобавок на меня навалилось чье-то вонючее тело, что придало мне сил. Я рванулся, оттолкнул безвольный источник зловония и пополз по направлению к небольшой дыре, образовавшейся в тенте. Если поднапрячься, может, удастся разодрать ее побольше и вывалиться наружу.

Мне оставалось проползти не больше метра, когда дыра вдруг расширилась без моей помощи — ее с характерным треском распорол лезвие ножа. После чего снаружи раздался голос:

— Снайпер, ты здесь?

Я с трудом разлепил ссохшиеся губы.

— З... здесь...

— Ползешь?

— С...сука, пош...шел ты, — прошептал я. Громче не получилось — от обезвоживания голосовые связки стали словно пергаментными.

— Ну вот, всегда так, — проворчал Шрам, ныряя вглубь грузовика и подхватывая меня под микитки, — сделаешь доброе дело, а тебя же и поминают потом незлым тихим словом. Нет в мире справедливости.

Заехать ему в морду сил у меня пока не было — все потратил на рывок, когда выбирался из-под ароматного соседа по «грузовику смерти». Но это было первое из действий, запланированных на ближайшее будущее. Потом желательно отобрать нож и прирезать гада, не тратя больше понапрасну незлые тихие слова.

— Небось прикидываешь, как бы меня половчее замочить, — предположил Шрам, вытащив меня наружу. После чего без лишних церемоний достал из кармана одноразовый иньектор, вкатил мне дозу какой-то гадости прямо через рукав рваного камуфляжа и продолжил мысль: — Попробовать совершить эту акцию, конечно, можно, но давай пока ее отложим. И вот почему. Примерно через десять минут обратно проедет несолоно хлебавши группа «монолитовцев», которые усиленно ищут меня. А теперь, получается, и тебя. Во всяком случае, когда они не найдут твой труп в «грузовике смерти», они всю Зону на километр вокруг рылами перекопают не хуже Припять-кабанов. Потому дай слово, что дергаться не будешь, пока не решим эту маленькую проблему.

Силы помаленьку возвращались, а вместе с ними и способность соображать. Так, Шрам зачем-то спас меня. Зачем — выясним позже. Вопрос второй: а не брешет ли собачий сын? Хотя, судя по тому, что я слышал в бункере Выдры, не брешет. «Монолитовцы» сильно опростоволосились, приняв «Дочкино ожерелье» за стекляшки, хотя тоже непонятно на кой им сдался этот артефакт, бесполезный, словно куски старого асфальта, рассыпанные вдоль разбитой дороги. Но это вопрос второстепенный, а есть еще и третий, поважнее.

— Откуда инфа? — спросил я. Снадобье, которое вколол мне Шрам, словно цунами, разливалось по организму, оживляя полумертвые мышцы и экстренно прочищая мозги.

— От Выдры, — коротко бросил наемник. — Не знаю с какой стати, но четверть часа назад он связался со мной. Не веришь? Слушай.

В его руке появился КПК. Шрам нажал на кнопку «Play», и из динамика наладонника раздался хриплый голос:

— Шрам, это Выдра. За тобой выслан автобус с отрядом «Монолита», их интерес — артефакт Снайпера. При малейшем твоём сопротивлении отдан приказ на ликвидацию. Снайпер будет отправлен на «грузовике смерти» по шоссе Лубянка — Припять. Пока «грузовик» будет тащиться по проселку до шоссе, у тебя есть немного времени. Конец связи.

«Во дела! — подумал я. — Выдра связался со Шрамом и слил ему информацию! Неужто совесть заговорила в промытых мозгах? Не думал, что такое возможно... Ну ладно, факты вещь упрямая. Остается последний вопрос».

— Что дальше?

— Вот это разговор, — кивнул наемник. — Оклемаля? Сам идти сможешь?

— Попробую, — сказал я. После чего, держась за борт лежащего на боку «грузовика», поднялся на ноги. — Что дальше?

— Дальше уходим в лес, — просто сказал Шрам. И не удержался от бахвальства: — А лихо я их на выезде прихватил, а?

Я осмотрелся.

Невдалеке стояли несколько полуразвалившихся изб, когда-то бывших деревней, — рядом с дорогой стоял дорожный знак, побитый ржавчиной и пулями, на котором еще можно было различить надпись «Старая Красница». Когда-то давно прямо через деревню проходила широкая проселочная дорога, пересекавшаяся с шоссе. Наверно, оно и служило для деревенских основным источником дохода — моё воображение живо нарисовало десяток местных жителей на обочине, торгующих домашним салом, солеными огурцами, маринованными грибами и горилкой из-под полы. Сегодня же проселок превратился в сплошную грязевую ленту, через которую, переваливаясь словно беременный таракан, совсем недавно тяжело полз «грузовик смерти». Наконец увидев возделенное шоссе, водила, наверное, воодушевился, забыв об опасности, и на выезде опасно подставил боковую часть своего ЗИЛ-130. Чем и воспользовался наемник, из засады грамотно перечеркнув очередь дверцу грузовика, дабы исключить попытку водителя нырнуть под «торпеду». Второй «монолитовец», сидящий рядом, попытался перехватить руль, машина вильнула, и вторая очередь Шрама ушла немного в сторону, пропоров тент. Впрочем, цели своей она достигла — шустрый «монолитовец» сейчас валялся рядом с грузовиком, а из его расколотого шлема медленно выползала красно-белая каша.

— Хорошая работа, — похвалил я. — Взял бы немного ниже, и не перед кем было бы хвастаться.

— Пошли уже, — буркнул наемник. — А то я, пожалуй, пожалею о том, что сегодня вытащил из дерьма чье-то не в меру говорливое тело.

— Скажите, пожалуйста, какие мы впечатлительные, — проворчал я, ковыляя вслед за Шрамом. — Остается вспомнить, кто меня туда засунул.

— Контракт для наемника — закон, — сказал Шрам не оборачиваясь. — К тому же ты сам признал, что через оборонительные линии «Монолита» нам не пройти. Вот я и убил двух зайцев — и контракт выполнил, и боевую задачу заодно. Причем, заметь, твою — мне оно как-то не особо надо.

— А зачем спасал? — поинтересовался я.

— Затем, — буркнул Шрам, — что кроме закона наемников есть еще и закон Зоны, который жестче всех других будет. В Зоне конченые уроды долго не живут, а я еще не накопил на свой трехэтажный домик у речки Гудзон, чтобы ни за хвост псевдособакий загнуться в какой-нибудь аномалии... — Внезапно он остановился и произнес слегка растерянно: — Твою мать, накаркал...

Лес был рядом, три десятка шагов — и ты под защитой толстенных стволов, похожих на гигантских змей, застывших в предсмертной агонии. Но картинка была слегка нечеткой, словно между нами и стеной из изуродованных радиацией деревьев находилась сплошная студенистая масса — прозрачная, и в то же время живая, словно тело гигантской хищной медузы, всплывшей поохотиться из глубин океана. Правда, эта сухопутная «Медуза» напоминала свою океанскую товарку лишь консистенцией — на деле это был огромный «карман», состоящий из множества Воронок.

...На самом деле в Зоне отдельные аномалии попадаются достаточно редко. Эти крайне опасные образования чаще встречаются в виде «полей», покрывающих площадь размером от нескольких квадратных метров до... скажем, до того, что сейчас лежало перед нами. Такие «поля» сталкеры часто называют «карманами». Хитрые аномалии порой позволяют человеку войти внутрь «поля», ничем не проявляя себя. И вдруг одновременно вспыхивают сполохами

молний или взрываются в высоту трехметровыми пыльными воронками — и тогда понимает несчастный, что попал он крепко. Словно в бездонный карман провалился, из которого ему уже никогда не выбраться...

— Ох ты, Зона-матушка, — прошептал Шрам. — И ведь КПК даже не пискнул, когда я здесь в темноте схрон оборудовал...

— Ты его почаще «монолитовцам» при шмоне одалживай, — посоветовал я.

— Точно, — простонал наемник. — Они небось детектор аномалий закоротили. Конечно, на кой им лишний свидетель...

— Потом причитать будешь, — проворчал я. — Барахло мое где?

— Да вон, все туда определил...

Схрон Шрам оборудовал просто — свалил мое добро в старое дупло огромного поваленного дерева и сверху пару пучков травы бросил. Хотя к чему париться лишний раз с маскировкой, когда нычка временная и находится в пределах видимости?

Все оказалось на месте — автомат, снаряжение... и «Дочкино ожерелье», по-прежнему неживое. И все-таки любопытно, на кой «Монолиту» мертвый артефакт? Для меня он просто память, потому и таскаю с собой, а им зачем?

— Хорош на стекляшки свои любоваться, — проговорил Шрам, пристраиваясь поудобнее за поваленным деревом. — Гости у нас.

И точно. Из-за валяющегося на боку «сто тридцатого» «ЗИЛа» тяжело выехал тентованный грузовик «Урал».

— Приехали, — сказал Шрам. — Судя по тому, как оно переваливается, это «4320-30 Звезда-В», модификация для спецподразделений, и под тентом у него бронекapsула с бойницами.

— Оно самое, — произнес я, пристраивая меж сухих веток ствол своего АК-104. — Экипаж девятнадцать рыл.

— В экзоскелетах, думаю, не больше четырнадцати влезет, — отозвался наемник. — Но нам за глаза хватит. Как там оно в песне поется? «Последний бой, он трудный самый»?

— А сдать не хочешь? — поинтересовался я — чисто на всякий случай.

— Да что я, больной, что ли? — удивился Шрам. — Снова в автоклав ложиться? Или, как вариант, в ванну для биотрансформации в «монолитовца»? Нет уж, спасибо. Да и запахло как-то сдаваться, не люблю я такие движения.

«Все-таки неплохой парень этот наемник, — подумал я. — Сволочь, конечно, редкостная, но с понятием».

Между тем задние двери «Урала» распахнулись, демаскировав бронекapsулу, о которой говорил Шрам, и из машины на разбитое шоссе посыпались «монолитовцы». Та четверка, что прыгнула на асфальт раньше остальных, сжимала в стальных перчатках цепи со строгими ошейниками, в которые были запакованы...

— Вот это номер... — пробормотал Шрам. — Хреново дело.

Я был с ним полностью согласен. Две прирученные псевдособаки и пара снарков, подчиняющихся командам наверняка лучше любых овчарок, обученных охоте на человека. И так это или нет, нам сейчас предстояло испытать на себе.

«Монолитовцы», не мешкая, одновременно спустили мутантов с цепей.

Чернобыльские псы, словно черные торпеды, ринулись к цели по прямой. Оба снарка же прыгнули вперед и вбок, словно пытались уйти в сторону и тривиально смыться.

Впечатление было обманчиво. Эти твари, гротескно похожие на людей, всегда двигались к цели по немислимым траекториям — можно весь магазин выпустить в белый свет как в копеечку и даже не задеть полуразложившихся, но на удивление живучих человекообразных мутантов. Кстати, те экземпляры, что спустили с цепей фанатики, отличались от своих шарящихся по Зоне диких собратьев некоторым подобием экипировки. Противогазы, плотно облегающие остатки их лиц, были усилены выпуклыми бронепластинами на лбу, скулах и челюстях. На лапах имелись перчатки со стальными

когтями, а тела мутантов заботливые «монолитовцы» упаковали в бронежилеты, что, на мой взгляд, оказалось излишеством — под весом защиты снарки несколько потеряли в скорости передвижения. Хотя это нам было только на руку.

— Снарки мои! — крикнул я, выпуская короткую очередь по ближайшей твари.

— Принято, — коротко бросил Шрам, пронзая одного из псевдопсов двумя прицельными выстрелами из «Винтореза», что, впрочем, нисколько не помешало мутанту продолжить нестись вперед, разве что немного помедленнее.

В целом замысел «монолитовцев» был понятен. Мутанты отвлекают нас на себя и по-возможности блокируют на месте засады словно обученные полицейские овчарки. Сами же фанатики тем временем, достав из грузовика толстые щиты из бронепластика, выстроились в линию и неторопливой трусцой побежали в нашу сторону. В руках у них были электродубинки метровой длины. Стало быть, брать нас приказано только живыми. Ладно...

Снарка я добил при приземлении. Первая очередь не особо впечатлила мутанта, хоть и прошла выше бронежилета, задев шею. Черная кровь из перебитой артерии хлынула было на плечо и грудь, но фонтан иссяк почти мгновенно, словно внутри уродливого тела кто-то экстренно перекрыл аварийный кран. Снарк, сбитый очередью с намеченной траектории, приземлился на четыре точки в нескольких шагах от моей позиции. Но второго шанса я ему не дал, выпустив остаток магазина прямо по лицевой части противогаза.

Бронеовые накладкИ никоим образом не помогли мутанту, скорее наоборот. Круглые смотровые стекла брызнули осколками, а стальные пластины легко вошли внутрь черепа, усугубляя разрушительное действие пуль калибра 7,62. Череп мутанта просто развалился на части словно гнилой арбуз, однако тело все еще продолжало жить. Конечности сократились, обезглавленная тварь взвилась в прыжке... и кулем повалилась в кусты — все-таки мозг нелишняя деталь организма даже для чернoбыльскогo мутанта.

Перезаряжать автомат времени не было — на меня сверху падал второй снарк, растопырив когтистые лапы словно белка-лeтяга. Я бросил автомат, рванулcя было в сторону, одновременно выхватывая из ножен «Бритву»... и, уже понимая, что не успеваю уйти от удара, просто упал на спину, выбрасывая вперед руку с зажатым в ней ножом.

Удар... Скрежет клинка, скользящего по кевларовым пластинам... Отвратительная, удушливая вонь, шибанувшая в нос из разорванного шланга противогаза, мотающегося словно обрывок хобота слона-инвалида... Скрюченные пальцы со сверкающими когтями, тянущиеся к моему горлу, — все это растянулось в одно бесконечное мгновение...

И я прекрасно осознавал, что второго мгновения не будет. Что еще доля секунды, и даже если снарк не дотянется до меня передними лапами, то его мощнейшие задние буквально за несколько ударов превратят мою нижнюю часть тела в кровавые лохмотья. Но при этом я был на удивление спокоен. Моей целью было сейчас одно — достать клинком до сердца твари, которая могла сдохнуть, как легендарный вампир, лишь если ей фатально повредить жизненно важные органы.

В общем, вместо того чтобы попытаться сбросить с себя снарка, я просто провернул нож в его теле, словно рисовал «Бритвой» большую запятуЮ на черной поверхности бронежилета.

На этот раз аварийный кран отказал вместе с центральной магистралью — на меня хлынул вязкий, вонючий поток кровищи. И при этом одновременно я почувствовал, что неведомая сила вдруг сорвала тело мутанта с клинка моего ножа.

Я недоуменно проследил, как тело снарка летит по воздуху, в полете разваливаясь на две половинки, после чего перевел взгляд на Шрама, который вновь вскинул свой «Винторез».

Ага, понятно. Наемник просто вовремя отвесил твари мощный пинок кованым сапогом, сохранив, таким образом, в целости мои ноги и детородные органы, за что ему большое человеческое спасибо. Хотя для многих сталкеров, пренебрегающих радиопротекторами,

последнее в условиях радиоактивной Зоны стало не более чем бесполезным украшением. Но мне оно пока еще дорого не только как память.

Я бросился к своему автомату, одной рукой засовывая «Бритву» обратно в ножны, а другой утирая с лица вонючую мутантову кровь и заодно обозревая поле битвы... и понимая, что все равно попали мы с наемником несмотря на наши подвиги в борьбе с уродливыми поражениями Зоны.

Два псевдопса валялись рядом с нашим укрытием. Один изрешеченный пулями словно дуршлаг. Второй, недобитый, все еще сучил лапами и жутко выл, издыхая и скалясь, — видимо, мерещилось ему в агонии, что он вот-вот вонзит жуткие изогнутые клыки в горло своей жертвы. Но свою задачу мутанты выполнили.

Линия «монолитовцев» стремительно набегала на нас, заноса дубинки над верхним краем щитов. Им оставалось пробежать с десятков метров. А у нас со Шрамом было две секунды на то, чтобы попытаться сменить пустые магазины на полные... либо выдернуть ножи и вступить в рукопашную с нападающими, с ног до головы запакованными в бронированные экзоскелеты. Впрочем, и то и другое априори было занятием бессмысленным. Одного, может быть, пристрелишь или зарежешь, просунув нож в сочленение между бронепластинами. А остальные просто прижмут к земле толстыми прозрачными щитами, которые даже «Бритвой» расковырять будет непросто, да и забьют дубинками до беспомощности...

— Ложись! — проревело за моей спиной.

«Медверог, что ль, заговорил человечьим голосом...» — пронеслось у меня в голове, пока я послушно летел носом в изорванную берцами, окровавленную траву. Когда в безвыходной ситуации тебе командуют «Ложись!», то разумнее подчиниться, чем выяснять кто, да что, да зачем, — может быть только хуже. Тем более что через несколько секунд все равно пришлось бы так или иначе валяться на земле...

Впереди грохнуло, и сильно. После чего сразу раздались крики ярости и боли, с близкого расстояния слышные отменно даже из-под бронированных шлемов. В следующее мгновение я уже был в положении стрельбы с колена и, меняя магазин своего АК, быстренько оценивал боевую обстановку.

Обстановка явно поменялась к лучшему. Двое «монолитовцев» валялись на земле словно большие куклы, на которых малолетний хозяин решил испытать действие перфоратора и при этом вошел во вкус процесса. Остальные нападающие, побросав щиты и дубинки, экстренно перебрасывали со спины в руки российские «Валы» и немецкие автоматические винтовки Heckler & Koch Gewehr 36 — в ближнем бою, что первое, что второе, оружие фатальное.

Но у нас со Шрамом было преимущество примерно в секунду. Как раз для того, чтобы выпустить фактически в упор по короткой очереди... и вновь рухнуть на живот под прикрытие толстенного бревна, подчиняясь громовому «Ложись, мля!», вновь прозвучавшему за спиной.

Впереди грохнуло вторично. Я не стал дожидаться повторных эпитетов в свой адрес и остался лежать на месте, при этом даже ухитрившись обернуться — интересно же даже в минуту смертельной опасности, кто это тебе помогает столь своевременно, одновременно по-отечески обкладывая матом.

Вот уж чего не ожидал увидеть...

На фоне слабо переливающейся стены аномалий стояли две фигуры. Меченый с гранатометом ГМ-94 в руках и незнакомый седобородый мужик, словно сошедший с партизанского плаката времен Второй мировой, — в кирзачах, советском офицерском тулупе, из-под ворота которого выглядывала выпцветшая десантная тельняшка, и аккуратной ушанке, лихо сдвинутой на затылок. Дополняла образ винтовка, при виде которой я автоматически почувствовал уважение к ее хозяину.

В руках колоритный «партизан» держал знаменитую «мосинку» — оружие с более чем

столетней историей, до сих пор применяющееся в спецподразделениях снайперами высокого класса для ювелирной работы. На винтовке был установлен прицел ПУ, старый и надежный как сама винтовка, к которой скорее для лучшего баланса, нежели для боевого применения, был прикреплен полуметровый игольчатый штык.

С «мосинкой» бородач обращался весьма ловко. Я глазом не успел моргнуть, как он, произведя три выстрела подряд, ушел в кувырок — не иначе кто-то из «монолитовцев» взял его на прицел. Меченый тоже распластался на земле, выпустив последнюю гранату, пролетевшую над нашими головами. Так, теперь моя очередь — во всех смыслах.

Я вывернулся из-за бревна и выпустил остаток магазина в бронированный шлем, нависший уже практически над нашим укрытием, — «монолитовец», вскинув «Вал», готовился одним росчерком своей смертоносной машинки решить все проблемы...

Не получилась у него задумка. Никакая современная тактическая защита пехотинца не спасет от выстрела из АК с расстояния в полтора метра. Шлем экзоскелета вместе с черепом раскололись словно скорлупа одного ореха, выплеснув наружу коктейль из крови и мозгов...

Последний ходячий экзоскелет Шрам расстрелял в затылок. «Монолитовец», спасаясь, со всех ног бежал обратно к грузовику, но пуля, как всегда, оказалась быстрее.

— Вовремя вы, — сказал наемник, опуская «Винторез» и поворачиваясь лицом к спасителям. — Еще б совсем чуть-чуть — и было бы у «Монолита» не на десять бойцов меньше, а на два больше.

— Эх, молодо-зелено, — покачал головой «партизан», забрасывая за плечо «мосинку». — Так и норовят сами себя на ноль помножить. Чего ты в аномальный «карман»-то полез?

— Так не увидел в темноте, — пробормотал Шрам, явно пристыженный. — И детектор аномалий...

— Совсем про осторожность забыли с вашими детекторами, — проворчал седобородый. — Хорошо, что у меня в сторожке аж четыре приемника на разные волны настроены. Поймал сообщение от этой «монолитовской» погани, что у Старой Красницы их грузовик расстреляли и теперь к деревне отряд карателей выдвигается. А то было б вам небо в алмазах.

— Это точно, — кивнул я, отмечая про себя: Шрам разговаривал с хозяином антикварного оружия как со старым знакомым, но в то же время настороженно посматривал на Меченого. Так глядят на опасную бойцовую собаку — не провоцируя, но в то же время готовясь отразить нападение. Меченый же наемника явно не узнавал, бинтуя руку, которую слегка зацепила вражья пуля. Затянув зубами марлевый узелок, он кивнул мне, перепрыгнув через бревно, подобрал «Вал» убитого «монолитовца» и принялся рассматривать автомат на предмет повреждений.

— Кому что надо — оружие там или патроны — собирайте по-быстрому и ходу, — скомандовал седобородый. — А то чуёт мое сердце, скоро здесь не грузовик с карателями будет, а кое-что похуже.

— Думаешь, накроют сектор чем-нибудь типа «Града»? — предположил Шрам.

— У них и поновее кое-что есть, — ответил «партизан». — Потому лучше поторопиться...

Натовские патроны к винтовке Heckler & Koch Gewehr 36, как и дефицитные СП-6 к «Валу», мне пока были без надобности, потому, пока Меченый со Шрамом пополняли боезапас, я успел перекинуться с колоритным местным жителем парой словечек.

— Звать-то тебя как, отец? — поинтересовался я.

— Лесником все зовут, — степенно отозвался мой собеседник, доставая из серебряного портсигара сигарету без фильтра и прикуривая от самодельной зажигалки, сработанной из гильзы. Вопреки моему ожиданию в воздухе запахло не самосадом, а термоядерными верблужьими сигаретами, которыми дядя Сэм снабжает своих военных.

— Слушай, а как вы через «карман»-то прошли? — озвучил я мучивший меня вопрос.

Сам я некоторые аномалии и без детектора чуял, что есть нормальный сталкерский навык, в той или иной степени присутствовавший у многих обитателей Зоны. Но в данном случае мое чутье подсказывало лишь одно — перед нами смерть стопроцентная, без вариантов.

— Он провел, — сказал Лесник, показывая на тройной контейнер, висящий у него на поясе. — Он многое может.

Словно отзываясь на прикосновение морщинистой руки, освинцованный бокс вдруг озарился изнутри легким золотистым свечением, что было в принципе невозможно — никакое известное излучение не в силах проникнуть сквозь тройную защиту специальных контейнеров, разработанных для переноски наиболее опасных радиоактивных артефактов.

Но факты — вещь упрямая. В Зоне возможно всякое, на то она и Зона. И если я не знаю, что за артефакт умеет мерцать сквозь контейнер, словно это не увесистая бронированная штукавина, а бумажный китайский фонарик, то это только мои проблемы. Потому я перевел разговор на другую тему:

— А почему «мосинка»? ОЦ-48К, по идее, то же самое, но и легче, и удобнее.

Лесник ухмыльнулся в бороду.

— Привычка, сынок. Да и потом стрелять пулями с мельхиоровой оболочкой из твоей ОЦ все равно, что столетний коньяк из граненого стакана хлебать.

Понятно. Лесник оказался не просто лесником, а снайпером-эстетом. Редкая разновидность нашего брата — и, пожалуй, самая опасная. У такого и винтовка не винтовка, а скрипка Страдивари, до долей миллиметра подогнанная под себя, и любая ликвидация не просто отстрел вражьей силы, а симфония, в которой каждая нота прописана заранее...

— Все, время, — сказал Лесник, вдавливая в землю «бычок» подошвой кирзача. И, повернувшись спиной к месту недавнего боя, направился в сторону стены аномалий. Я, Меченый и Шрам пошли следом, выстроившись в цепочку. Понятное дело, если Лесник знает тропку, то идти за ним надо след в след и особо конечностями не размахивать, если не горишь желанием влезть пятерней в «Воронку» или «Карусель». Аномалия шутить не любит. Нютокок захватит — всему сталкеру кранты...

Забавное это, наверно, зрелище со стороны — сталкер, идущий через поле аномалий. С виду нормальный на голову и к тому же вооруженный до зубов мужик сосредоточенно и неторопливо выписывает ногами кренделя посреди казалось бы пустого места.

Казалось бы...

Ибо аномалия лишь на первый взгляд пустое место. Подумаешь, листочки вертит на одном месте легкий воздушный смерчик. Или же пятно на земле, напоминающее недавно высохшую лужу... Но упаси тебя Зона, сталкер, на четверть стопы отклониться он невидимой тропы, по которой осторожно идет Лесник. Мигом безобидный ветерок превратится в вихрь, который размечет твою плоть на фарш и костяное крошево, с ужасающей силой швырнув его в глаза твоим спутникам. Потому не отвлекайся по сторонам, коли ступил на эту тропу. Даже если тебя позовет контролер или кровосос будет стоять в конце пути, ухмыляясь в красную бороду, — иди все равно. Ибо нет обратной дороги в Зоне, и особенно — посреди поля аномалий...

Такое поле я видел впервые. Мы шли словно по дну реки, а справа и слева от нас вырвали, рождались, жили и умирали странные образования, которые люди не мудрствуя лукаво назвали одним общим словом — артефакты. Именно так, словно плоды на дереве, словно живые существа, населяющие землю. Вон в центре толстой «Воронки» будто младенец в люльке качается крошечный «Ломоть мяса», гротескно похожий на человеческий зародыш. Впрочем, все зародыши похожи друг на друга, в том числе, оказывается, и зародыши артефактов. Кстати, аномалии оберегали свое потомство так же истово, как и любая другая мать, дрожащая над своим детенышем. Мгновенно уплотнившаяся «Воронка» угрожающе качнулась в нашу сторону — и отшатнулась, словно обжегшись о невидимую стену...

Из контейнера Лесника разлилось мягкое сияние, окутавшее нашу группу, и мне

показалось, что окружающие нас аномалии немного расступились, освобождая дорогу. Не знаю, что такое нес у себя на поясе наш проводник, но оно явно внушало уважение аномальным образованиям Зоны, словно сообщая им на своем неведомом языке: «Это свои, не трогать!» И те проникались... на минуту или две. После чего потихоньку вновь начинали подбираться к кускам теплой плоти, нагло прущимся через их владения.

Их можно было понять — все живые существа на земле хотят прежде всего есть и размножаться. И что бы там ни говорили яйцеголовые в НИИЧАЗ, я по-прежнему уверен — аномалиям Зоны нужна горячая кровь, чтобы жить, а также теплая плоть и свежие кости, чтобы размножаться. Ведь аномалия, которая в течение жизненного цикла не поймает теплокровное существо, умирает, не оставив потомства.

Их потомство — артефакты, в основе которых лежит плоть живых существ. Через некоторое время после рождения они распадаются, а на месте умершего артефакта появляется аномалия. Но что интересно! Если человек подберет артефакт, то этот кусочек иного мира не превращается в аномалию, а начинает каким-то образом взаимодействовать с хозяином даже через стенки контейнера, экранирующего радиоактивное излучение, причем чаще всего с пользой для хозяина. Может, считает его чем-то вроде мамки-аномалии, как принимает человека за родителя выпавший из гнезда птенец или осиротевший звереныш? Кто его знает... Законы Зоны пока что непостижимы для человека, несмотря на усилия ученых всего мира проникнуть в ее тайны...

Поле аномалий наконец кончилось, и мы вздохнули немного свободнее. Нас окружал густой лес, через который вела едва заметная тропка.

— Тут недалеко, — сообщил Лесник. И не обманул.

Не прошло и десяти минут, как мы вышли на поляну, в центре которой стоял деревенский дом. И не полуразвалившийся от времени, как большинство строений Зоны, а вполне ухоженный и опрятный. Узкие окна дома напоминали бойницы, массивная дверь, клепанная из стальных листов, наверняка запросто выдержала бы как автоматную очередь, так и взрыв гранаты. Двускатная крыша, покрытая толстым кровельным железом, защищала и от радиоактивных дождей, и от гранаты, брошенной навесом. Ясно было, что не только для мирного жителя строилось это сложенное из толстенных бревен убежище, в котором вполне можно было пересидеть длительную осаду.

Лесник отпер дверь большим ключом с хитрыми бороздками и пропустил нас внутрь. Но в сенях он меня тормознул, сунув в руки большое цинковое ведро с загадочной надписью на боку, выведенной красной краской: «КТП-228».

— Ополоснись сначала, а то в кровнице весь по уши, — сказал он. — Если кровь снарка сразу не смыть, считай, рак кожи обеспечен. Удобства у нас во дворе. В смысле, за домом бочка с водой. Не бойсь, не зараженная.

Я спорить не стал и, помахивая ведром, отправился куда велели, по пути прикидывая, откуда это Лесник бочками таскает незараженную воду? Ее в барах-то по червонцу литр продают — хочешь пей, а хочешь мойся, если хабар позволяет...

Вопрос решился просто. И вправду, за домом стояла бочка внушительных размеров — при желании с головой нырнуть можно. Над бочкой нависал водосток с крыши, и я усмехнулся про себя: угу, чистая вода из туч над Зоной как раз верный способ лишиться кожи, волос, а если сильно не повезет, то и глаз в придачу. Но в бочку все-таки заглянул... и глубокомысленно почесал в затылке.

На дне архаичной деревянной емкости мягко переливался «Выверт», артефакт причудливой формы, возникающий в местах повышенной гравитационной активности. Эта своеобразная «губка», нейтрализующая радиоактивное излучение, встречается достаточно редко и стоит немало. Признаться, «Выверт» таких размеров я видел впервые, и чистить им воду — это все равно, что поддерживать огонь в печке сто долларовыми купюрами. Но, с другой стороны, хозяин-барин, а помыться-постираться и вправду надо.

С гигиеническими процедурами я закончил довольно быстро — слабо искрящаяся вода

из волшебной бочки Лесника смывала все лишнее с тела и одежды не хуже ацетона. Надо взять на заметку. Если разбогатею когда-нибудь до полного презрения к материальному, тоже буду воду с самогоном чистить «Вывертами», в кальян заправлять «Пузыри», а похмелье лечить не рассолом, а «Батарейками».

Развлекая себя такими мыслями, я отжал разгрузку и камуфляж, повесил на плечо сумку с магазинами, взял в свободную руку автомат и в форме одежды номер два — штаны плюс футболка — прошествовал в дом.

Миновав сени, заставленные всяким барахлом, я вошел в горницу — если не ошибаюсь, кажется, так называется большая и единственная комната в деревенском доме.

Жил Лесник по-спартански. В центре жилища стоял добротный дубовый стол без изысков и стулья той же породы. У стены возле русской печки раскорячилась продавленная кровать с металлической спинкой. Рядом шкаф с вечно полукрытой дверцей и книжные полки, на которых вместо книг стояли разнообразные радиоприемники всевозможных форм, размеров и возрастов. Из динамиков тех приемников одновременно раздавалось шипение, шорохи и выкрики то ли «монолитовцев», гоняющих сталкеров по Зоне, то ли сталкеров, готовящихся отстрелить некоторое количество «монолитовцев», — в общей какофонии разобрать что почём было нереально.

— Коллекция, — кратко пояснил хозяин, перехватив мой удивленный взгляд. — Сейчас потише сделаю.

«Потише» Лесник организовал при помощи единого пульта, лежащего на отдельной тумбочке, над которой, уныло свесив щупальца вниз, висела голова кровососа — на этот раз, похоже, настоящая.

Меченый со Шрамом сидели по разные стороны стола. Первый сосредоточенно нарезал сало тонкими ломтиками, второй, откупорив флакон подозрительно мутной жидкости, разливал его содержимое по граненым стаканам. При этом наемник был задумчив как никогда, таким я его еще ни разу не видел. Интересно, какие мысли варятся сейчас в угловатом черепе, словно вырубленном из камня? Интуиция мне подсказывала, что причина тяжких дум Шрама сидела как раз напротив него. При этом Меченый был спокоен как Т-90: покончив с салом, он как ни в чем не бывало принялся за хлеб, работая быстро и четко с бесстрастностью шинковальной машины.

— Ты вещички-то на веревку повесь, которая над печкой, быстрее просохнут, — посоветовал Лесник. — А после за стол садись. Выпьем, поедим, а потом разговор у нас будет сурьезный, господа сталкеры — Легенды Зоны.

— Да уж, Легенды хоть куда, — невесело хмыкнул Шрам. — Еще б немного — и кранты нам как пить дать.

— На все воля Зоны, — наставительно сказал Лесник, открывая банку соленых огурцов. — Была б вам судьба сегодня сгинуть — сгинули бы. Но, видать, не зря я еще в прошлый раз подметил, что Зона метку на тебе оставила. И до сих пор ты ей нужен. Как и все, кто здесь собрался сегодня по ее воле.

— Угу, — кивнул Меченый. — Все массовые убийцы здесь, только Дегтярева не хватает.

— Это майор из СБУ, которого «монолитовцы» до сих пор врагом номер один считают? — уточнил Лесник. — Да здесь он, неподалеку. Его подразделение четвертый день шайку Борова со Свалки выбить не может. Небось опять под его руку «черпаков»-срочников прислали, а его обученными волчарами другие дырки залатали. Не пересекались с ним часом?

— Так, краем прошлись, — уклончиво ответил Шрам. И пробормотал про себя: — Не дай Зона с тем майором пересечься.

— Это точно, — хмыкнул Меченый. — Когда паровоз на паровоз летит, обоюдное крушение получается, однако. Так что лучше заранее стрелки перевести и по жизни разными путями бегать. Кстати, не после вашего ли со Снайпером прохождения я гранатометный

комплекс на дороге нашел? — хмыкнул Меченый. — Иду себе, гляжу — лежит дефицит в пыли, меня дожидается, ибо хозяину он уже явно без надобности.

— Не, это не мы, — улыбнулся Шрам краем рта, немного оттаивая. — Это бандюк небось автоматически помер от разрыва сердца, когда самого Меченого увидел.

— А как ты через заграждение «Монолита» прошел? — поинтересовался я, подходя к столу. Мои шмотки, сушащиеся над печкой, придали жилищу Лесника некий доперестроечный колорит, когда все важные вопросы решались на кухне, завешанной стираным бельем.

— Так там справа от излучины промежутки есть подходящий между бункерами и вышками. Я ночью в темноте и прополз.

— О! — Наемник поднял вверх указательный палец. — Я ж Снайперу говорю — смотри внимательнее, проход там. А он мне: «Не, глухо там, Шрам, нету ни черта». Так и не убедил, прикинь?

— Дать бы тебе в глаз, агитатор, — проворчал я, садясь за стол.

— Нельзя, — авторитетно сказал наемник. — Долг Жизни и все такое...

— Ладно, молодо-зелено, — хлопнул по столу ладонью Лесник. — Потрепались — и будет. Давайте, что ли, за знакомство с теми, кого знал лишь понаслышке.

Мы подняли стаканы, и Меченый тихонько пояснил:

— Я только на поляну вышел, смотрю — Лесник мимо меня бежит с винтовкой наперевес и кричит: «Сталкер, давай за мной!»

— Так и было, — кивнул хозяин дома. — А дальше вы знаете. Ну, стало быть, как и говорил — за знакомство.

Самогон пошел легко, как вода, от которой в желудке вспыхнула небольшая «Жарка», выбившая из глаз недетские слезы. Интересно, на каких артефактах настаивает Лесник свою огненную воду?

— Ты как в Зоне-то оказался, сотрудник НИИЧАЗ? — спросил я у Меченого. — Поговаривали, что ты теперь в белом халате морских звезд считаешь и в амбарную книгу записываешь.

— Ага, — кивнул Меченый. — Думаешь, в НИИ только яйцеголовые работают? Например, я точно знаю, что один его сотрудник остров в море охранял. Только, зараза, больно часто отпуск за свой счет брал, миллионер наверно. А я его замещал, пока он на Багамах тащился. Хотя чем ему остров хуже Багам — не пойму. Те же яйца, только в профиль и без громкого названия.

Опаньки... Интересно, знает или нет, кого замещал? Хотя какая теперь-то разница...

— А все-таки, в Зоне ты как нарисовался?

— Поганая история, — скривился Меченый. — Без второго стакана не расскажешь.

Вторая под закуску пошла «за тех, кто в Зоне», — сугубо местный гост, произносимый членами всех группировок и подразумевающий лишь соратников, потому как враги, само собой, явление в этих местах временное.

Наконец все традиции гостеприимства были соблюдены, в желудках обозначилась приятная сытость в сочетании с не менее приятным ощущением от выпитого, ибо употребляли не до пьяного угара, а лишь для расслабления натянутых нервов после пережитого.

— Ладно, сталкеры, поели-попили, теперь к делу, — сказал Лесник. — Убираем со стола — и приступим.

Смысла этого спича я не понял, при этом мне показалось, что в недоумении пребывали и остальные участники банкета. Однако, ликвидировав последствия застольного знакомства, мы уселись на свои места — гость даже у сталкерского костра обязан уважать того, кто его разжег. Это закон Зоны, с которым не спорят.

— Вот что я вам скажу, сынки, — степенно начал Лесник. — Неладное нынче в Зоне творится, об этом вы и без меня хорошо знаете. И я разобраться хочу, откуда у этой погани

корни растут.

— Ясно дело откуда, — фыркнул Меченый, — «Монолит» по указке своих хозяев занимает плацдарм. Сами хозяева после известных событий соваться в Зону не желают, вот и делают свои дела чужими руками.

— Так-то оно так, — вздохнул Лесник, прикуривая от своей антуражной зажигалки. — Но у всякой змеи голова имеется, а у всякого бедствия — первопричина. Скажу сразу — неспроста вас Зона здесь собрала. Нужны вы ей, и, как и говорил раньше, метка ее на каждом из вас имеется...

Мы с Меченым невольно переглянулись. «Может, дед слегка крышей тронулся? В Зоне такое случается сплошь и рядом», — проскочила мысль у меня в голове. Но Шрам сидел молча, с серьезным видом слушая Лесника, и я решил отложить на время свои сомнения — дослушаем человека до конца, а выводы сделаем после.

— Потому сейчас услышать хочу, как так случилось, что вы все здесь в одно время оказались? Давай-ка, старый знакомец, с тебя начнем.

— Все просто, дед, — отозвался Шрам, а я сделал себе зарубку: «Ага, наемник хорошо знает Лесника. Откуда? Непонятно. Что это нам дает? Пока ничего. Ладно, посмотрим, что будет дальше». — Все просто, — повторил Шрам. — Другому бы не сказал, но тебе скажу. Бехрам, главарь наш, прекрасно понимает, что заказы выгодные, которые сейчас сыплются на него от «Монолита», до поры до времени. Вычистит «Монолит» Зону для своих хозяев, и настанет время избавиться от нашей базы на Диких Территориях. Потому при получении контракта доставить Снайпера «монолитовцам» дал мне Бехрам второе задание, поглавнее первого. И это задание ты сейчас озвучил — разузнать, как так получилось, что фанатики снюхались с пиндосами, и кто за всем этим стоит. Ну я и решил, что проще будет мне то второе задание выполнить, если Снайпер не в автоклаве «монолитовском» загорать станет, а вторым номером у меня побудет.

И, перехватив мой взгляд, добавил:

— Ну или я у него вторым номером. Главное ведь не это. Главное — задание выполнить.

— Контракт превыше всего, — хмыкнул Меченый. — Закон наемника. Как же, как же, наслышаны.

— Ну а ты как сюда попал, парень? — спросил Лесник, игнорируя наши пикировки.

— Элементарно, — проговорил Меченый. — Как в голливудском боевике. Выхожу из НИИЧАЗ — и меня отбрасывает взрывной волной от собственного автомобиля, который, понятное дело, разносит на атомы. Недолго думая ловлю такси, мчусь домой. Меня там подруга ждала, месяц как познакомилась. Приезжаю на место, а от коттеджа одни головешки остались, и в «скорую» носилки заносят, с которых половина обожженной руки свешивается. А вторая половина вместе с остатками ног сверху на простыне лежит — санитары наши, сами понимаете, люди простые, немудрящие, им, как и Шраму, главное, задание выполнить, а остальное — до фонаря. Ну я человек не впечатлительный, но злопамятный. Развернулся — и пешочком до ближайшего схрона, где у меня заныкано было все необходимое для того, чтобы перебраться через Периметр и выяснить, кого это так сильно интересует скромная персона главного научного консультанта НИИ Чернобыльской аномальной зоны.

«Почерк знакомый», — отметил я мысленно, припоминая, что по похожему сценарию в Зону вернулся Японец.

— Ясно, — кивнул Лесник. — Ну а ты, мил-человек, как тут оказался?

— В общем-то, почти так же, как и остальные присутствующие, — произнес я. И рассказал всё.

— Так же — да не так, — задумчиво протянул Лесник, гася в пепельнице уже третий окурок. — Если у товарищей твоих по одной причине для того, чтобы здесь оказаться, то у тебя их целых две — и с теми, кто тебе жизнь привычную поломал, разобраться, и девочку свою найти. Хотя скажу тебе как мужик мужику — обычно пытаются склеить то, что

разбилось, дело неблагодарное. Если только разбитое не было цены запредельной и даже склеенное дорогого стоить будет. Настоящего мало на Большой земле. Здесь его в разы больше, оттого люди в Зону и стремятся. Так что, может, не столько за мстью и девочкой своей ты сюда вернулся, а за этим самым Настоящим... Но это все лирика, парень, Зона сама все на свои места расставит. Важно, что вы живы, руки-ноги целы, на свободе — и ладно, остальное приложится и со временем разрешится. Ну а теперь о главном.

Лесник потер морщинистый лоб желтыми от никотина пальцами, словно подгоняя неторопливые мысли.

— Стало быть, не только Зоне вы нужны, но и кому-то в Зоне, — проговорил он. — Тому, я думаю, кто сильно хочет занять послушную команду сталкеров, Зоной отмеченных. Кому после того, как «Монолит» завладеет Зоной, не нужны будут ни наемники, ни американцы. Тому, кто, имея ракеты своих бывших хозяев и неприступную базу, которую невозможно уничтожить ядерными зарядами, станет диктовать свою волю всему миру.

Меченый невольно присвистнул, а я пожалел о своих мыслях насчет того, что Лесник выжил из ума. Дед мыслил на много ходов вперед, видя за привычной в общем-то войной группировок чьи-то далеко идущие планы.

— Но для того, чтобы понять, где у этой змеи голова, мне нужно разобраться, с чего все это началось, — продолжил Лесник. — И для начала я хочу спросить вот что. Шрам, откуда ты знаешь Меченого? И почему он при этом не знает тебя?

Мне показалось, что наемник немного смутился от неожиданного вопроса. Но надо отдать ему должное, быстро взял себя в руки.

— Ничего-то от тебя не скроешь, борода, — криво усмехнулся он. — Что ж, я скажу. В сентябре две тыщи одиннадцатого года я стрелял в него с площадки Саркофага из электромагнитного ружья. И очень удивляюсь, почему его мозги тогда не превратились в кашу...

— Надо же, — обескураженно проговорил Меченый. — А я и не помню ни черта. Да и не хочется, если честно. Но твои слова я запомню, наемник, и при случае постараюсь рассчитаться той же монетой.

— Так я это, искренне раскаиваюсь, — криво усмехнулся Шрам, хотя искренности в его голосе я не услышал ни капли.

— Долги я привык отдавать, — отзеркалил Меченый ухмылку наемника.

— Даже и не думай, парень, — одернул его Лесник. — Еще не хватало, чтобы Легенды Зоны друг друга на ноль множить начали. Если ты жив до сих пор, значит, так угодно Зоне. Как и то, что Шрам не помер под Выбросом, а дошел тогда до Саркофага. Но для того, чтобы понять, что тогда случилось, тебе все же придется вспомнить, какого дьявола ты тогда оказался в центре Зоны.

С этими словами Лесник открыл контейнер, висящий на его поясе, и осторожно извлек оттуда артефакт, смахивающий одновременно на подводную мину и на свернувшегося в клубок ежа-мутанта с затупленными колючками. На мину — характерными отростками, похожими на контактные датчики цели, а на ежа — тем, что артефакт напоминал учащенно дышащего рассерженного зверька, которого, впрочем, Лесник держал на ладони абсолютно спокойно.

— Это «Компас», — пояснил он. — За историю Зоны всего два раза его находили. Разрывы в аномальных полях то ли показывает, то ли сам их прокладывает — я так и не понял. Но помимо этого «Компас» не только меж аномалий нужную тропку укажет, но и в памяти человеческой необходимые воспоминания отыскать поможет, ежели возникнет такая надобность.

— А она точно возникла? — с явной опаской поинтересовался Меченый.

— Бери, — вместо ответа коротко произнес Лесник. — И смотри на него внимательно.

— Понятно, — безрадостно отозвался Меченый, принимая артефакт, излучающий слабое золотое сияние. — Эксперименты проводим на наименее ценных членах экипажа.

Как только сталкер поднес артефакт к лицу, свет, исходящий от маленького «ежа», усилился. Мне показалось, что его колючки стали хаотично двигаться, а сам «Компас» стремительно увеличился в размерах. Теперь на ладонях Меченого лежало нечто размером с футбольный мяч, заливая золотым сиянием всю фигуру сталкера. По идее, человек должен был отшатнуться от эдакого явления... но Меченый сидел неподвижно, словно статуя, и пульсирующий артефакт отражался в его немигающих, широко открытых глазах...

Внезапно мне показалось, что я вижу, как из «рогов» ожившей «мины» протянулись тончайшие нити, которые вонзились в расширенные черные зрачки и принялись деловито ковыряться в них, вибрируя, словно сверла адской бормашины.

Первым моим порывом было рвануться вперед и сбросить с ладоней Меченого жуткое порождение Зоны, но тут я почувствовал, как на мое плечо легла тяжелая ладонь.

— Спокойно, парень, — произнес у меня над ухом тихий голос Лесника. — Твой друг сейчас в своем прошлом. Не мешай ему. Так хочет Зона.

И я остался сидеть, наблюдая за жутким процессом... который постепенно угасал сам собой. Золотые нити стали тусклыми, а потом и вовсе пропали. И артефакт тоже как-то незаметно сдулся до прежних размеров, из золотого превратившись в серо-желтый. Неистовая пульсация стала медленнее, и сейчас «Компас» чем-то напоминал сердце умирающего, отдавшее в борьбе за последние мгновения жизни последние силы.

— Теперь неделю подзаряжаться будет, — сказал Лесник. — Снятие ментального блока много энергии требует.

— От чего подзаряжаться? — машинально спросил я.

— Ясно от чего, — усмехнулся седобородый ветеран Зоны. — Но точнее — от кого. От хозяина, то есть от меня. Как еще артефакты подзаряжаются? Не знал, что ли? Сильные больше энергии берут, слабые меньше. Правда, и дают много, если умеешь с ними ладить. Те, кто умеет, и не замечают потерь. Да у хорошего хозяина артефакт вообще может не брать ничего, скорее у других возьмет.

Я невольно вспомнил страшную смерть Халка и то, как долго потом довольно блестел клинок «Бритвы» и искрилось веселыми молниями «Чистое небо». Получается, не самым плохим я был хозяином для обоих артефактов, если они столько времени сидели на диете, не беря с меня ничего, и потом при случае разом оторвались по полной...

Меченый пошевелился, моргнул раз-другой и уставился непонимающим взглядом на «Компас». Лесник подошел, забрал артефакт, сунул его в контейнер, а в руки сталкера вложил кувшин — надеюсь, что с водой.

— Пей давай, — сказал он. — И умойся, а то до вечера в себя не придешь.

Меченый послушно, словно сомнамбула, выдул полкувшина, а остатки вылил себе на затылок. Я вспомнил, как меня крутило, когда Монстр неудачно попытался снять мой ментальный блок, и от души посочувствовал сталкеру — похоже, сейчас ему было так же погано, как и мне тогда.

— Ну, как оно? — поинтересовался Шрам.

— Хреновенько, но выживу, — сказал Меченый, утерев лицо рукавом. И добавил, посмотрев в глаза Шрама: — Кстати, почему ты меня тогда не добил?

— Зачем? — пожал плечами наемник. — Клиент заказал лишь вывести из строя твою пси-защиту, а контракт...

— Вспомнил, значит, — удовлетворенно потер ладони Лесник, прервав Шрама. — Ну тогда расскажи, мил-человек, что ты делал в центре Зоны и откуда защиту взял.

— Тогда уж надо все сначала рассказывать, — усмехнулся Меченый, потирая лоб. Понятное дело — голова у него наверняка сейчас гудела словно колокол, в который душевно долбанули кувалдой. Но это все же не помешало ему выдать довольно занимательную историю. — Ладно, слушайте, коли интересно, — сказал он. — Весной одиннадцатого года я, Призрак и Клык решили попытать счастья в центре Зоны. В барах много говорили об Исполнителе желаний, который раздает счастье всем, кто сумеет до него добраться, вот мы и

рискнули. Правда, не подумали о том, что ни одного ошастливленного никто никогда не видел. Ну да ладно, легенды на то и легенды, чтобы в них верить не думая — тем более если они очень красивые.

Пиндосы тогда только-только начали строить свою Стену, вот мы и решили, что, чем тащиться через всю Зону, проще будет пройти к ЧАЭС с севера. Опуская подробности, скажу, что нам это удалось... но дошли мы лишь до двери, за которой, по идее, должен был находиться Исполнитель желаний. Дверь была толстенной, и, сколько Призрак ни возился, вскрыть ее не смог. Правда, сумел считать данные для того, чтоб собрать ключ-дешифратор, которым ту дверь открыть можно.

Как мы ушли оттуда, рассказывать не буду. Пиндосы вместе с «Монолитом» гнались за нами до самого Агропрома, где нам удалось уйти по подземным катакомбам и отсидеться в моем старом тайнике, оборудованном в вентиляционной шахте. Правда, мне было совсем хреново — две пули в спине не способствуют хорошему самочувствию. Когда «монолитовцы» вместе со своими хозяевами наконец получили свинцовое внушение от вояк и убрались подобру-поздорову, ребята вытащили меня и отнесли на Болота к Доктору, а сами пошли разыскивать по Зоне детали от старых армейских шифровальных машин, из которых Призрак собирался собрать дешифратор.

Меченый усмехнулся.

— Доктор быстро поставил меня на ноги и, узнав о моих планах, посоветовал обратиться к Сахарову — тот как раз закончил работу над какой-то штукой, которая могла защитить мозги от излучения Выжигателя, и ему требовался камикадзе, готовый испытать ее на себе. Я направился на Янтарь и получил у Сахарова забавную сеточку для волос вместе с предупреждением, что она ни хрена не настроена и толку от нее ноль. Я вышел от него в раздумьях на кой мне сдался такой эксклюзивный косметический прибор, но тут ко мне подходит один из его сотрудников по фамилии Васильев и предлагает сделку. Он додумался, как настроить прибор Сахарова, но делиться информацией с начальством не собирался, предпочитая ее выгодно продать. Васильев готов был помочь мне с доводкой сеточки до ума, но взамен я должен был проводить его к Исполнителю желаний, обеспечивая в пути комфорт и безопасность. Понятное дело, что я согласился, но на заметку предателя взял.

Тем временем Призрак с Клыком успели неплохо поработать. Собранных ими деталей оказалось достаточно для того, чтобы собрать два ключа-дешифратора, — хороший взломщик всегда должен иметь запасной комплект на случай, если первый откажет. Я должен был встретиться с ними в схроне недалеко от Выжигателя мозгов, но мне на хвост сел какой-то чокнутый наемник. Я много слышал о нем и не рискнул с ним связываться — все-таки я тогда был не совсем в форме после ранений и держался на ногах лишь благодаря паре артефактов, подаренных Доктором.

— Но сваливал ты как китайский джейран, хрен утонишься, — проворчал Шрам, слегка уязвленный «чокнутым наемником», но явно довольный фразой «много слышал о нем и не рискнул связываться».

— Что делать, — усмехнулся Меченый, не обращая внимания на «джейрана», — было видно, что ему самому не терпится распутать сложный детективный клубок в истории Зоны. — Не мне тебе рассказывать, что «Снежинка» добавляет выносливости, но не гарантирует защиту от пуль. В общем, мне удалось уйти и добраться до лаборатории, где Васильев сумел настроить прототип Сахарова.

Мы должны были встретиться с Призраком и Клыком в схроне возле Выжигателя, но им на хвост сели «наемники». До сих пор теряюсь в догадках, кто мог дать им контракт на моих ребят.

— Это дело рук Лебедева, — спокойно сказал Шрам. — Он дал мне наводку на твой подземный схрон, где ты оставил сообщение для своей шайки. Прослушав его, Лебедев сказал, мол, «о Клыке и Призраке мы позаботимся сами». Вот и позаботился.

— Понятно, — сжал кулаки Меченый. — Жаль, что этот старый хрыч откинул копыта

во время Выброса в центре Зоны. Я бы с удовольствием придушил его лично.

— Ты уверен, что Лебедев умер? — прищурился Шрам.

— Если помнишь, после того как ты закончил упражняться в стрельбе по мне из своей недоделанной гауссовки, Зону тряхнуло не по-детски, — сказал Меченый. — В ту минуту какой-то старикан, вращая безумными глазами, шлепнулся с теплотрассы на землю прямо передо мной. Он держался за свою лысину и катался по земле, вопя: «Это совсем не то, что я ожидал! Голова, голова раскалывается!» На его плече был шеврон с гусьями и надписью «Чистое небо». А потом меня накрыл Выброс. Сомневаюсь, что я бы выжил, если б у меня на голове не было прототипа Сахарова с жалкими остатками энергии.

— Понятно, — кивнул наемник. — Я тоже слышал эти вопли — наверно, это больно, когда твой мозг жарится в черепе словно в микроволновке. Кстати, мне тогда повезло как и тебе, как-никак, к Выбросам я устойчив. Честно говоря, я тоже хотел задать старику пару вопросов — но, видать, это будет уже в аду.

— Так что случилось с Призраком, Клыкком и дешифраторами? — спросил Лесник, который до этого лишь внимательно слушал, крутя в пальцах незажженную сигарету.

— Призрак и Клык, преследуемые «наемниками», были вынуждены бросить дешифраторы и умело инсценировать собственную смерть, — отозвался Меченый. — Наша встреча не состоялась. У меня на хвосте сидели бойцы «Чистого неба», Васильев струсил и смылся при первой же возможности, а я рванул к центру Зоны — иной возможности оторваться от преследования у меня просто не было. Псы Лебедева отстали, почувствовав извилинами, что такое Выжигатель мозгов, а вот насчет дальнейшей судьбы дешифраторов я без понятия...

— Думаю, это я знаю лучше тебя, — подал голос наемник, и все взгляды присутствующих обратились к нему. — В подземельях Агропрома я нашел твою нычку, а в ней информацию о том, что оба дешифратора находятся в схроне недалеко от Выжигателя мозгов. Естественно, доложил Лебедеву, который немедленно послал ту самую группу, которая дышала тебе в спину до самого Выжигателя. Не догнав тебя, они просто забрали дешифраторы из схрона и в обход добрались до Припяти, собираясь передать добычу Лебедеву. Однако в Припяти они нарвались на «монолитовцев» и полегли все до одного. Их трупы нашли двое сталкеров, Проводник и Странник, которые и забрали дешифраторы. Проводник спрятал свой где-то в тайнике на Припяти.

— Точно, — кивнул Меченый. — Я его забрал оттуда в мае двенадцатого года.

— А Странник таскал свой в ботинке, — продолжил Шрам. — До тех пор, пока его не грохнули охотники за головами из группировки «Свобода». Если мне память не изменяет, перед смертью он передал дешифратор одному сталкеру с выжженными мозгами по имени Снайпер.

— Откуда такая подробная информация? — поинтересовался я слегка дрогнувшим голосом. Слова наемника всколыхнули в моей памяти воспоминания годовой давности, и не сказать, что они были приятными.

— Проводник рассказал как-то в баре, — безразлично пожал плечами Шрам. — Честно говоря, тогда я счел это все очередной сталкерской байкой о приключениях Легенд Зоны, а вот пойдя ж ты, оказалось, что все правда.

Так... Значит, я тогда пронес от Кордона до Саркофага ключ, собранный Призраком и Клыкком, вскрыл дверь и... фактически уничтожил Исполнителя желаний. Теперь у меня отпали последние сомнения — убийство Странника не было случайностью. «Свобода», официальное подразделение вооруженных сил Украины, получила задание — и выполнила его блестяще ценой жизни трех своих бойцов. Не только Шрам был пешкой в чужих руках. Мною так же манипулировали, надеясь моими руками уничтожить Сердце Зоны. И им это почти удалось. Оставалось выяснить, кто же этот неведомый гений, столь ловко умеющий манипулировать людьми, словно послушными куклами?

— Давайте подведем итоги, — сказал я. — Лебедев пытался использовать Шрама в

своих целях, но погиб в сентябре одиннадцатого года, причем, я полагаю, не случайно. Наверняка он мешал кому-то своей излишней активностью, и этот «кто-то» не счел нужным вытащить его из того болота, куда он завел и себя, и свою группировку. Потом, в мае двенадцатого, к Саркофагу был послан Меченый. В июне — я. Понятно, что приказы шли с Большой земли, но без поддержки внутри Зоны они оставались бы листками бумаги, годными лишь для использования по известной надобности. Здесь, внутри Периметра, есть кто-то, работающий на стратегов с Большой земли. И сейчас, когда Зона вот-вот станет базой НАТО, ему понадобились мы, объекты провалившегося проекта «S.T.A.L.K.E.R.». Боевые машины, сохраняющие существующую реальность.

— Остается выяснить, на чьей стороне работает этот кукловод, — задумчиво произнес Меченый. — И если на стороне «Монолита», то...

— Погоди, погоди, — прервал его Шрам. — Только что вспомнил — когда я вылез из катакомб под госпиталем, меня встретил Лебедев. И после дружеских похлопываний по плечу отдал команду по рации: «Петренко, проверь по сканеру частоту КПК Стрелка».

— Петренко? — переспросил я.

И вновь на меня нахлынуло... Прокуренный кабинет на базе «Долга», лысый безногий полковник, сам когда-то чуть не ставший мутантом... И короткий приказ «Расстрелять!», вызвавший недоумение даже у его подчиненных. Что, впрочем, несколько не помешало им поставить меня к стенке.

Что ж, все сходится. Получается, Петренко уже тогда втайне работал на «Монолит», а значит, и на его хозяев, пресекая попытки военных уничтожить центр Зоны. При этом полковник не забывал имитировать бурную деятельность, отстреливая редких мутантов в окрестностях завода «Росток» и получая за усиленные труды по уничтожению Зоны оружие, боеприпасы и снаряжение с Большой земли. Выходит, что и Лебедев, и группировка «Чистое небо» были лишь марионетками в его руках...

— Интересно, где сейчас может быть этот недобитый снарок? — мрачно поинтересовался Шрам.

— Перехватил я вчера переговоры двух «монолитовцев», — спокойно произнес Лесник. — Так вот, они судачили о том, что недавно видели в Припяти «долговца» на протезах с приводами от экзоскелета. Правда, никто из них не смог толком объяснить, что этот «долговец» там делал.

— Так... Значит, Петренко сейчас сидит в «монолитовской» крепости, — задумчиво сказал Меченый, почесывая переносицу. — Сложновато будет его оттуда выковырять.

— В крепости? — переспросил я.

— Ну да, ты ж не в курсах, — кивнул Меченый, — «Монолитовцы» превратили город в укрепрайон, обнесенный стеной и отгороженный от остального мира искусственными полями аномалий. Так что пройти туда практически нереально. Как и, собственно, добраться до Припяти — почти вся Зона — это уже территория фанатиков.

— Почти, да не вся, — усмехнулся в бороду Лесник. — Например, в сотне шагов отсюда точно не их территория.

Наша троица уставилась на Лесника одинаковыми взглядами, полными недоумения. Как это так — внутри обнесенного колючкой и заставленного пулеметными вышками значительного куска Зоны — и вдруг «не их территория»?

— Лиманск там, — кивнул головой на стену Лесник. Запросто, словно объяснял как найти дорогу к деревенскому нужнику. Шрам аж поперхнулся слюной от неожиданности.

— К-как Лиманск? — спросил он, прокашлявшись. — Он же западнее, между Корогодом и Копачами...

— Блуждает он, — пояснил Лесник, прикуривая от «бычка» новую сигарету. — И я вместе с ним... блуждаю. Сегодня вот здесь мы с ним оказались.

— Последнее не понял, — отметил Меченый. — Впрочем, как и первое.

Лесник пожал плечами.

— Ладно, расскажу, — сказал он. — Слушайте, коли интересно, время пока имеется. Ты, Шрам, когда в Лиманске был, антенну такую здоровую видел?

— Ну видел, — кивнул наемник.

— А подойти к ней пытался?

— Пробовал. Бесполезно. Подходов к ней не смог найти. Вроде вот и дырка в заборе, можно, по идее, просочиться, а словно мешает что-то. В себя прихожу — вот оно, иди, путь свободен, а второй раз лезть как-то не хочется.

— Правильно, — кивнул Лесник. — Потому как это сам «Русский Дятел», огромная стопятидесятиметровая антенна, которую в семьдесят шестом году недалеко от ЧАЭС возвели. По сути, атомную электростанцию для того и возвели, чтобы ту антенну энергией питать. Официально она типа строилась, чтобы ракеты натовские отслеживать, да только на то другой техники уже тогда было немерено. В реальности же эта антенна излучала сигнал, в эфире похожий на долбежку дятлом древесного ствола. Долбежка эта была всему миру слышна, и защиты от нее не существовало. Пиндосские эксперты писали, мол, сигнал «Русского Дятла» есть самый мощный источник электромагнитных импульсов в мире, которые непосредственно влияют на сознание людей.

— Выжигатель мозгов, — сказал Меченый. — Но он же в районе Чистоголовки находится...

— Ты про те антенны, что Снайпер взорвал? — хмыкнул Лесник. — Так то обычные ретрансляторы, дублирующие сигнал «Русского Дятла», которые «монолитовцы» настроили под свои нужды и назвали весело: «Подавитель агрессии, „Радуга“». Я это название в ихних переговорах не раз слышал. И то правда — когда мозги кипят, агрессия вместе с ними испаряется. «Монолитовцы» и до загоризонтной радиолокационной станции бы добрались, которую Шрам видел, чтоб на полную мощь ее использовать, но не пускает их Зона к антенне.

— А откуда она вообще взялась та антенна? — поинтересовался Меченый. — И на кой сдалась?

— Эх, молодо-зелено, «на кой сдалась», — вновь хмыкнул Лесник. — Миром управлять. Разработка-то старая, еще фашистами придуманная. Что заставляло фрицев под Берлином, когда уже, казалось бы, все потеряно, так отчаянно сопротивляться? Одной пропагандой такое не объяснить. Оказалось, что у немцев имелся специальный Институт физики сознания, во как! Работал он под крылом «Аненэрбе», ученые которого в рамках проекта «Тор» и создали психофизическое оружие. Не большой я знаток, что там да как работало, но помню объяснение одного знакомого ученого из Лиманска. Особые торсионные поля действовали на гипофиз людей и находящиеся в нем нервные центры, которые волю человека контролируют. В результате получались послушные зомби.

К сорок четвертому году вся Германия была покрыта сетью таких ретрансляторов, которые напрямую на сознание людей влияли. Но было уже поздно, и переломить ход войны фрицам не удалось. Психотронное оружие попало в руки союзников, и на выходе мы имеем то, что имеем.

Например, точно известно, что сегодня у ЦРУ имеется отдельная сверхсекретная эскадра кораблей. На них психотронные излучатели установлены, и несколько эскадрилий самолетов играют роль летающих ретрансляторов. Эти излучатели непоследнюю роль сыграли во время конфликтов в Персидском заливе, Афганистане и Ираке. Это их ответ на советские ЗГРЛС, проект «Американская циркулярная пила» называется. И в отличие от нашего он до сих пор работает. Так-то...

Лесник дымил как паровоз, хоть топор вешай, но мы слушали почти не дыша. Никто даже не попытался отмахнуться от клубов сизого дыма, витающих над столом. Такое не каждый день услышишь, можно и потерпеть.

— Кстати, Советский Союз еще в семьдесят пятом предлагал США заключить конвенцию о запрете психофизического оружия, — продолжил Лесник. — Однако пиндосы

отказались наотрез,⁸ после чего и получили по мозгам от «Русского Дятла», когда четвертого июля семьдесят шестого года вступили в действие военные объекты «Чернобыль-2» и «Любеч-1». Мощные были устройства. Помню, если в арбуз проволоку воткнуть, то он как приемник работать начинал. Даже стальные замки на воротах передачи радиостанции «Маяк» вещали.

В общем, сильно пиндосы тогда испугались. Журнал ихний «Спекьюла» даже статейку тиснул насчет того, что «Русский Дятел» не только мозгами управлять может, но и в толще земли стоячие волны генерировать. Посредством этих волн, мол, можно землетрясения и атмосферные бури устраивать на любой территории земного шара. Так что, думается мне, не случайно рванула ЧАЭС, ох, не случайно. Потому как на второй загоризонтной РЛС, что в Комсомольске-на-Амуре построена была, в девяносто первом вдруг ни с того ни с сего пожар случился.

— Атомных станций, видать, поблизости не было, — тихо сказал Меченый.

— Да уж, — произнес Лесник. — А до третьей же, что под Николаевом была, только в девяносто пятом добрались. В Казахстане, кстати, РЛС, предназначенная для надгоризонтного обнаружения баллистических ракет, тоже сгорела. Такие вот дела...

— Да, Лесник, жути ты нагнал порядочно, — произнес Меченый. — Думается мне, что и еще одна причина имеется у пиндосов в Зону рваться — антенна в Лиманске. Неспроста они так сюда рвутся.

— Причем давно уже, — заметил Шрам. — Я как-то возле Янова их беспилотник разведывательный нашел марки RQ-4 Global. То ли украинские ПВО сбили, то ли сам грохнулся. Неслабая такая машинка, под сто лимонов баксов тянет. И ведь не жалеют пиндосы такие бабки, лишь бы о Зоне знать побольше.

— Да уж, на Зону они «зелени» не жалеют, — кивнул Меченый и вновь повернулся к Леснику. — Ну а дальше что было, после Первого Взрыва?

— Ну а что дальше? — пожал плечами Лесник. — Вокруг радара город был, где жили военные с семьями. В общем, город и город, пятиэтажки панельные, школа, детсад, магазины, стадион, даже гостиница имелась. Научники институт возвели с названием соответствующим — «Радиоволна». Изучали, значит, успешно ли ихний «Дятел» пиндосам мозги долбит. А как рванула ЧАЭС в восемьдесят шестом, и город, и ЗГРЛС словно внутри гигантской аномалии оказались. Сам город только изменился сильно. Дома в нем появились двухэтажные, словно антенна кусок старого Киева скопировала и отстроила, перемешав его с пятиэтажками Лиманска. Теперь же блуждает та аномалия по Зоне, а у тех, кто в нее попадает, мозги набекрень становятся, и палят они во все живое как немцы в сорок пятом...

Лесник хрустнул пальцами.

— И я при той аномалии словно сторож при антенне. «Компас» вон мне Зона подарила, на здоровье уж сколько лет не жалею, да только подарки эти мне совсем не в радость. Не зря я боялся, ничего ж за просто так не дается. Спросила Зона с меня свою плату...

Он сидел в углу, прислонясь спиной к стене. Тень падала на его лицо, подчеркивая морщины на лбу, и мне показалось, что Лесник вовсе не крепкий мужик лет пятидесяти от роду, а глубокий старик, сломленный жизнью и Зоной.

— Это что ж, типа проклятия, что ли, на тебе такое? — спросил Шрам. — Куда Лиманск, туда и ты?

— Типа того, — невесело хмыкнул в бороду Лесник. — Но то мои проблемы. А ваши, ребятки, впереди. Думается мне, через часок-другой «монолитовцы» тропку через аномальное поле найдут. Детекторы-то у них о-го-го, штатовские, не «Отклик» какой-нибудь. И путь у вас только один из этого леса — через Лиманск.

— Ну так чего мы тогда сидим? — спросил Меченый, обеда взглядом

⁸ По материалам книги Ганса-Ульриха фон Кранца «Тайное оружие Третьего рейха».

присутствующих. — Кого искать и с кого долги спрашивать, теперь понятно, значит, пора нам. Спасибо тебе, отец, за информацию да за хлеб-соль...

— Не пройдете вы через Лиманск, — спокойно сказал Лесник.

Меченый, поднявшийся было с места, медленно опустился обратно.

— Что-то не пойму я тебя, — произнес он. — И зачем мы тогда битый час тут разборки устраивали, если, из одной ловушки выбравшись, один хрен в другой оказались? Может, вместо этого лучше было идти засаду «монолитовцам» устраивать?

— Город-призрак меняется от Выброса к Выбросу, — продолжал Лесник, словно не слыша слов Меченого. — Больно много крови в нем пролилось, и жители его на нее теперь особый нюх имеют. Если удастся кому *правильно* пройти через него, то до следующего Выброса город для людей безопасным станет — ходи кто хочешь, улицы пустыми будут. Да только с открытыми ранами лучше туда не соваться. Запах крови для жителей Лиманска словно красная тряпка для быка.

Меченый со Шрамом переглянулись.

— Так это разве раны? — сказал Меченый, проведя пальцами по свежей повязке на руке. — Так, царапины...

Но Лесник снова не удостоил его ответом, лишь посмотрел на меня и сказал:

— Ну что, Снайпер, рана на ноге затянулась, не беспокоит? Попробуешь через Лиманск пройти?

Я в который раз за сегодня удивился — откуда ему известно про ранение? Штаны почти новые Жила подогнал, без прорех, да и про хромоту я забыл давно — недаром желтые аптечки в Зоне на вес желтого металла девятьсот девяносто девятой пробы. Но вслух сказал:

— Чего ж не попробовать. Тем более что, похоже, другого выхода у нас нет.

— Ну и добро, — кивнул Лесник, поднимаясь с лавки. — Пошли, что ли, провожу до границы Лиманска. А вы, ребята, здесь пока посидите. Вернусь — еще побеседуем, благо есть о чем.

Я встал со своего места и закинул на плечо автомат.

Все было ясно. Зона в лице Лесника сказала свое слово, и идти наперекор ее воле значило умереть самому и погубить спутников. Сомнений не было — такое чувствуется где-то внутри, возле сердца. Необъяснимое ощущение для того, кто не был внутри Периметра. Просто знаешь, как надо поступить, — и всё тут. Старые сталкеры называют это голосом Зоны и не советуют ему противиться. Да и стоит ли сопротивляться, если и сам знаешь — надо. Причем только так, а не иначе.

— Ну, бывайте, — сказал я, повернулся и пошел к выходу вслед за Лесником.

— Удачи, сталкер, — раздался у меня за спиной голос Меченого.

— Удачи, — эхом ему прозвучало пожелание наемника — и мне показалось, что в этот раз его голос прозвучал искренне.

* * *

Я стоял перед ржавым дорожным знаком. На нем еще остались следы белой краски и черные буквы, по которым можно было разобрать единственное слово, начертанное на жестяном параллелепипеде.

«Лиманск».

Засекреченный город, которого нет на старых картах генштаба.

Город, созданный людьми и превращенный Зоной в гигантскую блуждающую аномалию.

Почему именно «Лиманск»? Да кто ж его знает? Словарь, встроенный в мой наладонник, поясняет просто: «Лиманск». Поиск не дал результатов. «Лиман (от греч. λιμναζ, — гавань, бухта) — мелководный залив при впадении реки в море».

Может, Зона и вправду живая? И, как всякое живое существо, не лишена своеобразного чувства юмора. Судя по тому, сколько сталкеров пытались пройти через город-призрак и не вернулись обратно, не является ли Лиманск своеобразным рубежом, где река твоей жизни обрывается навсегда, чтобы раствориться в необъятном море, название которого никогда не узнают живые?..

Хотя это всё, конечно, лишь мои домыслы.

Звук шагов Лесника давно уже затих за моей спиной, но его слова все еще звучали в моей голове.

«Запомни, парень, — сказал он напоследок. — Не все в жизни решает хороший ствол и меткий выстрел. И личная удача тоже иногда заканчивается. Мне ли не знать...»

Шрам вернул мне все снаряжение до последнего патрона. Станный он, конечно, со своими принципами — контракт превыше всего, а между контрактами можно и человеком побыть немного. Ровно до следующего контракта. Впрочем, если задуматься, многие живут так же, «первым делом самолеты, а все остальное — потом».

Я стоял, сжимая в руках автомат, и все не решался перешагнуть невидимую черту, за которой медленно и неторопливо клубился утренний туман — слишком плотный, чтобы быть просто туманом. Сплошное облачное молоко, очень похожее на однородную взвесь, в которую шагаешь, покидая борт самолета по команде инструктора «Пошел!».

Но здесь команду можешь отдать себе только ты сам. По пути сюда Лесник рассказал, что Лиманск «каждый раз другой, и часто случается в этих местах — вошел человек в туман, и как слизало его. Можешь в двух шагах за ним идти, а все равно не поймешь, не увидишь как человека смерть лютая настигла. Это потому, что законы Зоны блюсти надо, коль ты ее топчешь. И в Лиманске сегодняшнем ни малейшего следа от тебя не должно остаться, иначе вряд ли ты оттуда вернешься». В общем, ободрял старик как мог.

Ладно, с другой стороны, все равно выбора нет, а возвращаться назад — в Зоне примета хуже не придумаешь... И я просто шагнул вперед, искренне надеясь, что Лесник оказался не во всем прав и что остатки личной удачи в который раз помогут мне остаться в живых.

Я сделал несколько шагов — и понял, что иду не по ковру из прелой осенней листвы, а по твердой, скорее всего, асфальтовой дороге. Туман неохотно расступился — и я увидел город. Город, которого не может быть на этом месте... и который, тем не менее, существует. Город, созданный людьми... и Зоной.

Под моими ногами и вправду была дорога, которая в принципе не могла находиться внутри Периметра. Ровный, абсолютно ровный асфальт, без малейшей выбоины. Говорят, до перестройки такие дороги делали в закрытых городках, порой посещаемых иностранными делегациями и партийными бонзами. Но пули, копыта мутантов и кислотные дожди разрушили даже эти дороги...

Но только не здесь.

Этот город стоял нетронутым, словно его не коснулись ни Нулевой, ни Первый, ни Второй Взрывы. Обвитые плющом одно- и двухэтажные домики не имели ни малейших следов разрушений, словно были отстроены пару недель назад. Уютные скверы, небольшие фонтанчики, свежавыкрашенные скамейки, не знавшие что такое ножи вандалов, способных на самовыражение лишь тремя словами «Здесь был Васян». Или же тремя буквами, что проще и понятнее, как струя шавки, метящей не свою территорию...

А еще здесь были люди, также не тронутые ни временем, ни Зоной. Возможно, она сохранила для себя этот город вместе с жителями как память о прошлом, которое уже никогда не вернется... Но как же хочется верить, что неправы оказались Лесник и Шрам, что не об этом Лиманске говорил первый и не в нем побывал второй. Ведь ты можешь многое, Зона, и я правда хочу, чтобы этот Лиманск был настоящим. Больше, чем что-либо другое в жизни...

Потому что по той же дороге, на которой стоял я — грязный, с автоматом в руке и фильтрующей маской на груди, — шли люди из моего далекого детства. Такие же, как я, из

плоти и крови, но... другие. Другие потому, что на их лицах было написано счастье. Простое счастье людей, знающих, что страна, в которой они живут, самая великая и могучая. Что их соотечественники сорок лет назад победили самое страшное зло на планете. Что такой же, как они, обыкновенный русский человек, каких в Союзе миллионы, четверть века назад первым в мире отправился в космос... И что здесь и сейчас они тоже делают одно большое и нужное дело...

Видимо, сегодня был выходной, и они просто гуляли по главному проспекту Лиманска, накрытому зеленым плащом самого настоящего лета. Люди неторопливо прогуливались мимо деревьев, покачивающих тяжелыми изумрудными кронами, и никто из них не обращал внимания на легкий ветерок, кружащий листья возле резной каменной урны. И почему-то я точно знал, что могу спокойно пройти сквозь этот веселый смерчок, и ничто не разорвет меня на тысячи кусков и не спрессует в окровавленный артефакт...

Навстречу мне шли двое парней. Один в крутой вареной джинсе и синих кроссовках с тремя белыми полосками, второй в простой фланелевой рубаше, серых брюках и не очень новых ботинках — из тех, в которых и на работу каждый день, и на праздник в самый раз, если сапожным кремом немного подмазать и отполировать. «Вареный» достал из кармана пачку сигарет и протянул товарищу:

— Угощайся.

— Спасибо, Коль, — поблагодарил обладатель универсальных ботинок, вытаскивая сразу две сигареты и отправляя вторую за ухо. — Кучеряво живешь в последнее время. Джинсы, «Адидас», «столбы». А у нас в магазине, кроме «Казбека» и «Беломора», уже неделю ничего нет.

— Мы люди приличные, курум «Столичные», — подмигнул «вареный» и хлопнул товарища по плечу. — Не горюй, Санек. Сам же знаешь, не «фарца» это всё, а научная командировка в Штаты с вылетом из Москвы. Хотя ты прав. Лучше, конечно, барахло это забугорное в комиссионку сдать, а то ребята косятся. Нехорошо.

Я посторонился, и они прошли мимо меня, словно я был пустым местом. Хотя, наверно, так оно и было. Они не видели меня, это было очевидно. Человек с автоматом был чуждым в мире, где граница всегда на замке и страна плотно отгорожена от остального мира железным ракетным занавесом и пуленепробиваемой идеологией...

Лучик слишком приветливого солнца отразился от чисто вымытого окна напротив и ослепил меня на мгновение. Я с силой зажмурился и тряхнул головой, словно отгоняя наваждение.

Что со мной? Ощущение словно мне на глаза насильно надели розовые очки, а мозг обложили сладкой ватой. И легкий звон в ушах. И удаляющиеся голоса двух парней, одному из которых немного повезло в жизни. Правда, похоже, он уже об этом жалеет.

Я открыл глаза. И так, в этом мире крылатых качелей и трех белых коней я был человеком-невидимкой. Что ж, может, оно и к лучшему. Я здесь явно лишний, и, чем скорее этот город останется за моей спиной, тем лучше.

Я медленно двинулся по улице, огибая редких прохожих. Люди недоуменно оглядывались, скользя взглядом по моей фигуре... и не видя меня. Они, несомненно, чувствовали присутствие инородного тела, но мимолетное беспокойство на их лицах вновь сменялось улыбкой, как только я удалялся от них на несколько шагов. Счастье было везде. Город казался наполненным им снизу доверху — от нереально ровного асфальта до чистого лазурного неба — и ничто не могло омрачить его, даже грязный стalker с автоматом в руках. Город просто не замечал его, живя своей жизнью — прекрасной и далекой, как песня моего детства...

— Не все так радужно, коллега, как вам хотелось бы думать.

Голос, долетевший до моих ушей, имел легкий акцент и этим настолько не вписывался в картину окружающего мира, что я невольно замедлил шаг.

Говоривший сидел на скамейке, закинув ногу на ногу. В его отполированные ботинки

можно было смотреться как в зеркало. Серый костюм настолько точно сидел на сухощавой фигуре, что сразу становилось ясно — его хозяин предпочитает переплатить личному портному, чем перешагнуть порог магазина готовой одежды. Аккуратно подстриженная борода, очки в дорогой оправе и седая шевелюра лишь подчеркивали портрет «не нашего» человека, невесть как оказавшегося в этом городе.

Его сосед был одет намного проще. Разнокалиберные разноцветные пятна на брюках и ботинках выдавали в нем научного сотрудника, ненадолго вырвавшегося из лаборатории на свежий воздух, а ранняя лысина и нездоровый цвет лица позволяли предположить, что ученый работает в среде весьма неблагоприятной для здоровья.

— Все далеко не так радужно, — повторил иностранец, выделив голосом второе слово. — И пока нас никто не слышит, я могу сказать вам все прямо в глаза. Ваши загоризонтные радиолокационные станции не только забивают эфир и воздействуют на гипофиз населения планеты, что в общем-то можно объяснить и понять — холодную войну никто пока не отменял. Но их излучение разрушает озоновый слой и провоцирует неконтролируемые изменения в земной коре. Я уж не говорю о погодных...

— Погодите, коллега, — прервал сухощавого джентльмена его собеседник. — Я понимаю возмущение тех, кто послал сюда вашу делегацию. Между нами, согласитесь — ведь возмущаются больше всего те, кто проигрывает, не правда ли? Или не способен повторить то, что смогли создать другие. Тот, кто гадит, всегда воображает, что он выше того, на кого гадит, ибо дерьмо, согласно закону тяготения, имеет свойство падать вниз, а поливать грязью намного проще, чем творить и побеждать. При этом надо признать, что моське, забравшейся на фонарь, трудно промахнуться по слону. Другое дело, заметит ли слон эту жалкую каплю фекалий? С появлением проекта «Дуга» СССР получил полный контроль над армиями вероятного противника, потому вы и здесь с вашими гипотетическими выкладками об озоновом слое и сейсмологической опасности. Ведь даже отдаленно похожего оружия у вас нет, и вряд ли оно появится в ближайшем будущем.

— Вы плохо осведомлены о наших возможностях, профессор, — самодовольно усмехнулся светский лев, хотя я явственно слышал, как еле слышно скрипнули его искусственные зубы. — И, думаю, именно в ближайшем будущем вы узнаете, на что мы способны...

Я не стал дослушивать чужой разговор, произошедший более четверти века назад, и пошел дальше. До сих пор никто не знает истинных причин ни Первого, ни Второго Взрыва, но то, что проект «Дуга» сильно кому-то мешал, лично для меня было очевидно. Но у меня не имелось ни времени, ни желания распутывать этот старый клубок. Мне нужно сейчас просто пройти через город, заполненный искусственным счастьем, излучаемым все еще работающей гигантской антенной Лиманска.

И это казалось не таким уж сложным заданием.

Я ловко огибал одиноких прохожих, влюбленные парочки и группы людей, оживленно о чем-то спорящих с кружками в руках возле больших бочек на колесах с надписью «Квас» на желтом боку. Такие бочки стояли чуть ли не на каждом углу, и я с трудом подавил желание достать из кармана желтую купюру образца шестьдесят первого года и прикупить раритетную кружечку из толстого стекла вместе с прохладным содержимым. Автоматы с надписью «Газированная вода» и гранеными стаканами, которые — вот диво-то! — никто не пытался стащить, я тоже проигнорировал, хотя солнце нестерпимо палило в затылок, и в горло словно насыпали горячего песка.

Но я помнил наставление Лесника: «...в Лиманске сегодняшнем ни малейшего следа от тебя не должно остаться, иначе вряд ли ты оттуда вернешься». Потому я шел дальше, мучаясь жаждой и сглатывая вязкую слюну. «Ни малейшего следа» — это значит ничего. Ни плевка на обочине, ни автоматной гильзы, ни капли воды, случайно оброненной из фляжки на горячий асфальт. Я был уверен — Лесник, привязанный Зоной к самой огромной ее аномалии, знал что говорит. И потому я двигался вперед, все ускоряя шаг между

одинаковыми живописными домами, похожими друг на друга словно игрушечные кубики из одной коробки.

Люди, мимо которых я проходил, оборачивались все чаще. Некоторые даже пытались поймать руками невидимый призрак, вызывавший у них мимолетную тревогу. Но им это не удавалось — их реакция была слегка заторможенной. Счастье расслабляет, а для того, чтобы поймать невидимого врага, нужны отточенные и злые рефлексy.

Я уже видел небольшой мостик, переброшенный через мелкую речушку, пересекавшую город. Лесник говорил, что за мостиком все будет проще, правда, я не совсем понял, что он имел в виду. Но розовая вата снова ощутимо давила мне на мозги. Я невольно ловил себя на мысли, что еще немного — и я с улыбкой до ушей брошу на газон ненужный автомат и радостно присоединюсь к ближайшей группе любителей местного кваса. И так ли уж это плохо? Может, и вправду, бросить все к чертям? Может, вот оно, твое счастье, сталкер, за которым ты уже так долго гоняешься по свету?..

Занятый чужими мыслями, все настойчивее копошащимися в моих извилинах, я не сразу заметил старушку, вышедшую из приземистого одноэтажного здания с бесхитростной надписью «Продукты» над входом, и чуть не сбил ее с ног.

— Осторожнее, сынок, — сказала она, подняв на меня неожиданно живые и внимательные глаза. — Не спеши, а то покалечишь бабушку.

Годы изрядно согнули старую женщину. Ее когда-то зеленое платье было под стать хозяйке — ветхое, выцветшее, местами искусно залатанное... Она опиралась на клюку странной расцветки — ярко-желтую с синей рукоятью, а в левой руке крепко держала плетеную авоську, из которой выглядывали треугольный пакет молока, бутылка кефира с зеленой крышечкой из фольги и батон хлеба за восемнадцать копеек.

Удивительно... Я точно помнил сколько тогда стоил батон с вкусной хрустящей корочкой, но никак не мог вспомнить, где я мог видеть эту женщину со взглядом, проникающим прямо в душу...

— Странно, — сказал я. — Мне казалось, что тебе должно быть не больше двадцати пяти.

— Да побольше будет, — ответила она, не отрывая от меня немигающего взгляда. — Как в марте сорок четвертого немцы рванули свой объект «Локи», так я и родилась. В один день с трещиной между мирами.

Боковым зрением я видел, как вокруг нас начали собираться гуляющие. Мужчины, женщины, подростки, дети. Медленно, неуверенно, словно не веря своим глазам, они всматривались в меня, и их руки невольно сжимались в кулаки. На мгновение я оторвал взгляд от лица своей собеседницы и посмотрел на тех, чьи фигуры медленно замыкали кольцо вокруг меня и согнутой годами старухи.

Странно, что они не бросились сразу, а словно ждали чего-то. На их лицах больше не было улыбок. Более того, мне показалось, что у них и лиц-то нет — так, неживые резиновые маски, натянутые на старые черепа.

Круг замкнулся. Если б они захотели, то могли достать до меня кончиками пальцев. Но они просто стояли и смотрели на меня немигающими глазами — такими же, как у старухи...

Страха не было. Я знал, что не успею поднять автомат, если они бросятся на меня, но меня это ничуть не беспокоило. Лишь где-то в уголке сознания промелькнула нормальная мысль сталкера, загнанного в ловушку, — о том, что уж «Бритву»-то я из ножен точно выдерну, а там будь что будет.

Промелькнула... и пропала. Потому что нечто внутри меня, гораздо более могущественное, чем разум и воля, было твердо уверено — сейчас мне потребуется другое оружие, более действенное, чем нож или автомат.

— Зачем я тебе нужен? — спросил я. — Почему ты зовешь меня снова и снова?

— Я? — усмехнулась старуха бескровными губами. — Это твое прошлое зовет тебя, сталкер, потому что оно ближе тебе, чем самое замечательное будущее на Большой земле.

Твое прошлое и твоя судьба. И ты это знаешь лучше, чем кто-либо. Но сейчас мне и вправду кое-что нужно от тебя.

Ее глаза блеснули жутким, каким-то потусторонним светом.

— Я слишком давно не пробовала человеческой крови, — сказала она, и ее рот растянулся в неестественной резиновой гримасе.

Моя ладонь легла на рукоять «Бритвы» и, если бы не острота момента, я бы, наверное, отдернул ее. Нож был нестерпимо ледяным и дрожал, словно смертельно напуганное живое существо. Но это было уже неважно.

Я вырвал «Бритву» из ножен как можно быстрее, чтобы не передумать... и точным движением рассек кожу на своей руке чуть выше запястья.

Пальцы, сжимавшие рукоять, уже ничего не чувствовали, превратившись в ледышки, но я и на это не обращал внимания. Потому что твердо знал — именно сейчас решается что-то очень важное, причем, возможно, я никогда не узнаю, что именно. А еще я знал, что поступаю правильно. И мне было абсолютно наплевать, что произойдет со мной дальше.

Кровь стекала по моим пальцам и тяжелыми каплями падала на землю. Люди, стоявшие вокруг нас, заворчали, некоторые протянули вперед скрюченные пальцы — и тут же отдернули их назад, словно обжегшись о невидимое пламя.

Признаться, я ожидал, что старуха бросится вперед и вопьется губами в свежую рану, но произошло иное. Она лишь протянула вперед иссохшую руку, обмакнула в кровь кончик мизинца, лизнула его с видом гурмана, пробующего незнакомое блюдо, после чего удовлетворенно кивнула.

— Это действительно *человеческая* кровь, — сказала она. — Я рада, что не ошиблась в тебе, сталкер. Ведь здесь, внутри Периметра, осталось слишком мало людей, способных совершить действительно большое дело...

Потом тем же пальцем она легонько коснулась лезвия «Бритвы» — и слегка улыбнулась. Я был уверен: то, что сейчас промелькнуло в ее глазах, было смазанной картиной будущего. Хотя потом я непременно докажу себе, что все это мне только показалось...

Словно повинувшись неслышной команде, плотная толпа народа вокруг нас зашевелилась и стала распадаться. Люди поворачивались и уходили, мгновенно потеряв интерес ко мне. Нож в моей руке перестал трястись и потеплел, нагретый ладонью, которая словно и не была куском льда всего лишь мгновение назад...

А еще в моей голове исчезло ощущение, будто мои мозги тихонько качаются в уютной колыбели, слепленной из леденцов. Сказочный город-мечта из далекого прошлого исчез словно сон. Сейчас на меня смотрели слепыми проемами выбитых окон серые, унылые здания, побитые пулями и жестоко ободранные слабокислотными дождями.

Исчезла и старуха, наверняка привидевшаяся мне, лишь смутная сгорбленная тень качнулась — и пропала где-то между зданиями, а порыв промозглого ветра донес то ли шепот, то ли эхо вряд ли сказанных кем-то слов:

— Иди в Припять... Там ты найдешь ответы на все вопросы...

* * *

Я шел по Лиманску, размышляя о странном видении, посетившем меня там, за мостом, который давно уже остался далеко за стенами уцелевших зданий. Их оказалось на удивление много в этом городе-призраке — одинаковых, вплоть до повторяющихся номеров домов, табличек с названиями улиц и мемориальных досок на фасадах, словно их множили под копирку.

А может, и множили. Может, так и растет Зона, дублируя свои клетки — одинаковые здания, идентичных друг другу мутантов и сталкеров с одними и теми же мыслями: выжить, раздобыть побольше хабара, продать его повыгоднее, накопить побольше баб, заокеанского

бухла, домиков за океаном, островков в океане, а после, когда все опостылеет, бросить эти надоевшие игрушки и вернуться в одинаковую Зону. Где можно просто сдохнуть. А если не получится, то застрелиться от безысходности...

Угу, понятно. Отходняки после искусственного счастья обычно по силе прямо пропорциональны его интенсивности. Спасибо хоть голову отпустило после видения, которое казалось все менее правдоподобным. Ибо не верилось, что вот этот самый город я видел час назад утопающим в цветах и улыбках. Покосившиеся балконы, обвалившиеся внутрь сгнившие крыши зданий, безлюдные, разбитые улицы...

Так, не совсем безлюдные.

Тусклый солнечный лучик, пробившийся сквозь тяжелые, беременные ливнем тучи, отразился от чего-то хорошо полированного и умело замаскированного в окне пятиэтажки. Выбитое стекло, рваная штора, и вот такой интересный отблеск в ее прорехе.

Я шагнул за угол здания и извлек из-за пазухи зеленую загогулину, именуемую знающими людьми ТР-8, то есть труба разведчика, а проще говоря, перископ, позволяющий рассматривать подозрительные шторы из-за укрытия.

На созерцание объекта я потратил минуты три. Прицел снайпера продолжал сверкать, оставаясь без движения. Интересная тема. Винтовка явно не лежит на подоконнике. Стрелок либо закрепил ее на каком-то штативе, либо держит на весу, что просто нереально — даже экзоскелет не позволит удерживать оружие столько времени неподвижно.

Очень странно. А со странностями надо бороться, пока они не побороли тебя.

Просчитав маршрут, я рванул зигзагом, чередуя укрытия: дерево — фонтан — дерево — пережат — мусорный бак — подъезд. Честно говоря, я ждал выстрела. Хороший снайпер, поняв, что его просчитали и направляются убивать, не будет переигрывать с маскировкой и, скорее всего, выстрелит на опережение, а потом рванет по заранее просчитанному пути отхода — тем более что с такого расстояния у него есть все шансы поразить даже очень шустрюю мишень.

Но выстрела не было. И, нырнув в подъезд, я понял почему.

Прямо передо мной замер в неестественной позе военный. Он бежал по лестнице, когда его настигла мгновенная кататония, превратившая его в памятник образцовому солдату. Одна рука опирается на перила, вторая, сжимающая автомат, отведена немного в сторону. Под занесенным, но так и не опустившимся каблуком последняя ступенька. На лице, наполовину скрытом фильтрующей маской, угрюмо-решительное выражение.

Я не стал подниматься по лестнице чтобы выяснить, что случилось со снайпером. И так ясно. Зона остановила тех, кто должен был перекрыть незваному гостю дорогу из Лиманска. Надолго ли? Неизвестно, потому надо было поторопиться. Помнится, Шрам говорил, что в свое время прошел через этот город. Надо будет, если еще встретимся, поинтересоваться, каким образом. Вон еще на крыше один снайпер сгорбился, а из-за угла какой-то деятель в противогазе занес руку с зажатой в ней РГДэшкой. Главное, чтобы, когда его отпустит, не забыл что у него в руке, — скоба-то вон в луже валяется...

По идее, конечно, можно было подождать Меченого со Шрамом. Но, с другой стороны, имелись сомнения. Возможно, Зона открыла Лиманск лишь для одного меня, и ждать товарищей я буду вечно. И к тому же именно мне было сказано: «Иди в Припять». Значит, как в песне пелось, нам туда дорога...

Город кончился внезапно, словно кто-то гигантским ножом провел невидимую границу. Даже крайняя пятиэтажка оказалась рассеченной надвое. Одна половина целая-невредимая, а второй нет — лишь четвертушка холодильника вывалилась на асфальт из вспоротой кухни первого этажа, да кость высохшая валяется рядом, обутая в полуистлевший ботинок. И срез на ней ниже отсутствующего колена ровный-ровный. Да уж, волей-неволей все еще притягивают взгляд подобные феномены, хотя пора б уже привыкнуть. Тем более что слева вздымалась ввысь, подпирая небо, более достойная для обозрения достопримечательность.

В «Энциклопедии Зоны» говорилось, что антенна загоризонтной РЛС высотой достигала ста пятидесяти метров, в длину же это гигантское сооружение протянулось на полкилометра. Сухие цифры не впечатляли до тех пор, пока я не увидел *это*.

Антенна действительно поражала воображение. Снизу казалось, что тяжелые тучи, словно живые и осторожные существа, стараются обогнуть этот решетчатый параллелепипед, возвышающийся над Зоной как крышка гигантской мышеловки. Впрочем, если отбросить мистику, вполне можно было предположить, что тучи по вполне естественным причинам отклонялись от своего курса, оставив над антенной разрыв в серой пелене. Но этот разрыв слишком сильно смахивал на свежую рану, из которой, словно поток крови, лились солнечные лучи. Не тучи огибали антенну. Это антенна разодрала сплошной темный покров над Зоной, сквозь который не мог пробиться солнечный свет.

Она работала!!!

По переплетениям ее гигантских стальных кружев пробегали молнии, порой сталкиваясь на головокружительной высоте и стекая вниз рассерженными огненными змеями. Вибрация почвы ощущалась даже здесь. Я чувствовал, как давно растрескавшийся асфальт вибрирует под моими ногами, будто я стою у подножия действующего вулкана.

Вдруг я невольно зажмурился. Одновременно из нескольких грозовых туч в антенну ударили ослепительные зигзаги. Мне показалось, что небеса пытаются разрушить жуткое творение рук человеческих...

Но когда я открыл глаза, то понял, что ошибался. Молнии растеклись по всему периметру антенны подобно северному сиянию, и над землей пронесся довольный вздох огромного зверя, только что окончившего пиршество. Само небо питало Зону и ее порождения. Меченый однажды говорил что-то о ноосфере, но мне кажется, что все гораздо прозаичнее. Зона сама брала у этого мира то, что ей нужно для существования, — электричество, человеческие эмоции или жизни сталкеров, и сейчас я видел наглядное тому подтверждение. Правда, я не понял, почему она взяла у меня только каплю крови... Но это как раз загадка из той серии, когда лучше не пытаться разобраться что да зачем, а намного полезнее для психики поскорее забыть о произошедшем...

И я пошел вперед.

Слева от меня возвышался холм с какой-то заброшенной стройкой на вершине, и я даже разглядел удобную лесенку, ведущую к ней. Возможно, это был более простой путь... но я перелез через кирпичный забор и шел к антенне, продираясь сквозь кусты как насекомое, которое притягивает к себе огонек свечи. Нет, я не был безвольным зомби, повинующимся неслышному зову. Просто мне хотелось поближе рассмотреть это восьмое чудо света, тайное оружие рухнувшей империи, уничтоженное противником, но так и не попавшее ему в руки.

Но мне это не удалось.

Внезапно я понял, что стою практически на том же месте, откуда начал свой путь, — вон обрезок дома и нога его хозяина, не ошибешься. И мутит, словно на суперскоростном лифте проехался. Понятно. Влетел я по недосмотру в пространственную аномалию, о которой много слышал, но до сих пор не имел чести познакомиться лично. Зона бережно хранила свою тайну.

Ведь и Шрам о ней говорил... И на том спасибо аномалии, что не размазала по асфальту, а лишь мягко поставила на место. Как говорится, не хрен лезть куда не просят. Хотя оно, наверно, и к лучшему. По крайней мере остается надежда, что «монолитовцам» не достанется загоризонтная РЛС, и их хозяевам не удастся превратить в послушных зомби все население земного шара. Достаточно того, что вырывающийся из-под кокона пространственной аномалии остаточный сигнал РЛС принимают несколько слабеньких, чудом сохранившихся советских ретрансляторов. Но ведь именно благодаря ему они превратились в легендарный Выжигатель мозгов и до сих пор успешно поджаривают содержимое черепов тем, кто пытается прорваться к Саркофагу наиболее простым путем.

Как-то даже думать не хочется, что произойдет, если Зона снимет свою защиту с этого оружия массового поражения извилин и оно достанется... да какая разница, кому оно достанется? По-любому ничего хорошего из этого не выйдет, если у РЛС появится хозяин менее мудрый и дальновидный, чем Зона...

Тем не менее выбираться из Лиманска как-то надо. Тащиться через стройку не хотелось. Не нравились мне ее высокие открытые пролеты с кучами строительного мусора, из-за которых так удобно контролировать окружающую территорию. Потому я прикинул ствол к носу и направился по самой кромке слегка примятой серой травы. Показалось мне, что это и есть граница той самой огромной аномалии, которая, накрыв антенну словно колпаком, бережет ее от окружающего мира. Или мир от антенны — это уж кому как думать удобнее.

Я не ошибся. Во всяком случае обратно на исходную меня больше не отправляли. И рад я тому безмерно, ибо ощущение премерзейшее, только-только желудок на место вернулся, выбравшись из переплетения кишков. Так что на холм я взобрался без приключений и осторожненько пошел меж двумя бетонными заборами, отгораживающими стройку и РЛС от остального мира. При этом далеко не стерильную поверхность забора стройки я практически утюжил спиной. Потому как полшага вперед — и я снова познаю все прелести надежной защиты антенны, и не факт, что во второй раз мне повезет так же, как в первый. Не исключено, что назойливых гостей здесь просто размазывают об один из заборов. Как, например, вот этот полуистлевший труп.

Я остановился. Не сказать чтобы я раньше высохших мертвецов не видел, скорее наоборот, насмотрелся по самое «не хочу». Но этот привлек мое внимание.

Судя по характерному довольно качественному комбинезону, передо мной лежал «монолитовец». Правда, легкий комбез не помог воину — его череп был раскурочен выстрелом, и ошметки резинового противогаса перемешались с осколками лицевых костей. К тому же при падении с высоты незадачливый универсальный солдат грохнулся об землю затылком.

Я проследил взглядом откуда он мог упасть. Понятно. Поймал пулю фильтрующей блямбой на вершине стройки, получил ускорение и шмякнулся за забором. А товарищи, облизывающиеся со стройки на антенну, не рискнули тащиться за телом — они, конечно, отморозки, но РЛС наверняка небезосновательно побаивались. Ясное дело: проникли в Лиманск, окружили антенну кордоном, никого не подпускают, но сами держатся на почтительном расстоянии.

Обычно «монолитовцы» в обязательном порядке утаскивали трупы своих товарищей с поля боя. Но вовсе не удивительный факт наличия неубранного мертвеца, принадлежащего к данной группировке, заставил меня остановиться. Просто в осколках его черепа я увидел тускло блеснувшую нить, на которую упал солнечный лучик из разрыва над антенной.

Я аккуратно отлепился от забора, присел на корточки и осторожно вытащил из костяного крошева тонкую, но крепкую металлическую паутинку, в которой застряли кусочки высохшей кожи. Слышал я сталкерские байки насчет того, что у «монолитовцев» под скальп вживлены устройства, которые экранируют любые аномальные излучения и защищают мозги от прожарки, но не думал, что у фанатиков действительно все настолько сурово. Получается, так оно и есть.

Двумя щелчками указательного пальца я очистил паутинку от остатков кожи мертвеца, которые тут же рассыпались в пыль. И про себя отметил — сеточка была практически копией прототипа Сахарова, благодаря которому мне однажды удалось взорвать Выжигатель мозгов. Правда, копией гораздо более легкой и изящной, без малейших повреждений и следов коррозии.

«Интересно, что это за металл, которому в отличие от костей черепа не страшны падения с больших высот и кислотные дожди», — подумал я, засовывая находку в нарукавный карман куртки. При встрече с Сахаровым предложу ему сувенир на продажу —

судя по прошлому опыту, старик порой за всякие забавные технические хреновинки отваливает очень нехилые деньги.

До конца забора оставалось совсем немного. Я оставил труп «монолитовца» в покое, разогнул колени, аккуратно передернул затвор автомата и двинулся дальше.

Вот и последняя бетонная панель, поверху которой натянута колючая проволока. Судя по тому, что колючка нигде не провисла и не порвана, за оградой следят и, следовательно, наверняка охраняют. Так это или нет, я проверил с помощью все той же трубы разведчика, высунув перископ за угол.

Ага. За углом стояли навтыжку двое «монолитовцев» — не иначе ворота охраняют, которые отсюда не рассмотреть. И, судя по тому, что не шевелятся, все еще действует на них странный ступор, миновавший меня грешного.

Я вытащил «Бритву» и шагнул из-за угла. Если ближайший дернется, перережу горло и, прикрываясь трупом, пристрелю второго. Шумно, конечно, будет. Коллеги охранников могут очнуться от кататонии и прибежать посмотреть, что это у ворот такое творится. Но выбора нет, не век же тут за забором сидеть.

Я вывернулся из-за угла, в два прыжка преодолел расстояние до ближайшего «монолитовца», занес нож... и опустил руку.

Нет, я не был пацифистом из тех, кто не стреляет в спину зазевавшемуся врагу и не режет спящего супостата при удобном случае. Такие в Зоне просто не выживают. Просто здесь был несколько иной случай.

«Монолитовец» не спал. Его глаза за стеклами противогаза были широко открыты, и в них плескалось холодное пламя... такое же, как на моем ноже, до лезвия которого дотронулась старуха.

Я увидел это только сейчас, когда достал «Бритву» из ножен. Внутри ее клинка, изменившего цвет на кристально-лазурный, сверкали и сталкивались между собой молнии — точно такие же, как на поверхности РЛС, только крохотные. Ослепительные ниточки ломаных росчерков на фоне полосы идеально чистого неба, которую я сейчас сжимал в своей руке...

Все это — замершие воины Зоны, «Бритва», сверкающая так же, как в тот день, когда она выпила жизнь из Халка — охотника за головами, и разрыв между тучами над гигантской антенной были элементами одного и того же явления, причин которого мне, похоже, не понять никогда. Ясно лишь одно. Я тоже каким-то образом являюсь частью этого процесса и вырезать из него что-либо сейчас просто не имею права.

Тогда я сунул «Бритву» обратно в ножны и побежал вниз с холма. Там, у его подножия, начиналась короткая улица, лежащая между приземистыми трехэтажными домиками, за которыми возвышался громадный комплекс. Даже отсюда можно было различить внушительные, но слегка покосившиеся буквы над его входом: «НИИ „Рад...оволна“». Хотя забор стройки оплетался колючей проволокой, институт, в котором четверть века назад ученые в поношенных ботинках строили оружие, способное поставить на колени весь мир, никак не охранялся...

Я уже бежал по улице, когда за моей спиной послышались выстрелы. Пока не точные — «монолитовцы», наверно, еще не совсем оклемались после «наркоза». Пули цвиркнули по столбам автобусной остановки, мимо которой я пробегал. Еще немного — и достанут, расстояние-то не особенно большое.

Я обернулся, оценил обстановку. Так, охрана стройки пустилась в погоню. Ворота открыты, из них словно тараканы из норы лезут одинаковые серо-бело-зеленые фигуры. Плохо дело.

Я уже совсем было решил свернуть за ближайший угол трехэтажки, чтобы из-за укрытия при помощи моего АК слегка притормозить наиболее шустрых фанатиков... но внезапно осознал, что бегу в стремительно сгущающемся тумане, который в мгновение ока скрыл от меня и «монолитовцев», и стройку, смахивающую на пчелиные соты, и огромную, в

полнеба антенну загоризонтной радиолокационной станции.

* * *

Я сделал буквально несколько шагов в мутной взвеси, слишком плотной для обычного тумана, — и осознал, что уже иду не по разбитому асфальту, а по мягкой поверхности, слегка шуршащей под ногами. Опавшие листья? Откуда?

Загадка разрешилась быстро. Туман исчез внезапно, так же как и появился. Молочная пелена перед глазами распалась на белесые нити и растворилась в воздухе... а передо мной вырос ствол исполинского дерева — еще немного, и я приложился бы физиономией о его кору, больше напоминающую толстенную чешую гигантской рыбы.

Вот это номер! Я осмотрелся — и присвистнул.

Итак, туман забросил меня прямо в чащу мутировавшего леса, где каждое дерево было обхвата в три-четыре, не меньше. Если б на ветвях этих растительных чудовищ росли листья, то в чаще было бы темно словно в склепе. Но листья опали то ли при Первом, то ли при Втором взрыве, а может, при последнем Выбросе... и почему-то не сгнили, а слежались в единую массу, превратившись в пружинящий золотой ковер.

Пейзаж вокруг меня был абсолютно однообразным — деревья, деревья и еще раз деревья. Прямо за толстым дендромутантом, в который я чуть не впился носом, торчал потемневший от времени столб с жестяной табличкой на нем. Но табличке можно было разобрать надпись: «Говстий ліс. Заповідне урочище місцевого значення. Вікові дубові насадження».

А лес-то реально толстый, по-другому не скажешь. Насаждения, блин, местного значения! Думал ли тот, кто их в свое время насаживал, что со временем порядочному сталкеру по этой чаще плутать придется? И табличка-то ни разу не прострелена, видать, местные бродяги сроду в такую глушь не забредали.

Ладно, ворчи не ворчи, а выбираться отсюда надо. Вопрос только в какую сторону.

Я достал КПК, включил... и выключил. Бесплезно. GPRS не работал, и мое местонахождение на карте по-прежнему оставалось загадкой. Похоже, что я попал в так называемую неисследованную зону, которая отображается в наладоннике однородным коричневым фоном, по цвету смахивающим на дерьмо. Не иначе, чтоб если влип сталкер, то не сомневался, куда именно.

Я и не сомневался. Но на месте стоять тоже скучно и непродуктивно — или с голоду сдохнешь, раздумывая «и куда ж мне пойти?», или мутант какой унюхает и скушает за милую душу. Вот я и побрел куда глаза глядят, что безопасности от всякой нечисти, ясное дело, не гарантирует, но прибавляет шансы прийти хоть куда-нибудь. Как там в «Алисе», одной из любимых книжек моего детства:

«— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— Смотря куда ты хочешь попасть.

— Мне все равно, только бы попасть куда-нибудь.

— Тогда все равно, куда идти. Куда-нибудь обязательно попадешь, нужно только достаточно долго идти».

Я усмехнулся своим мыслям. Мне было не все равно, куда попасть, но выбора особого не было... до тех пор, пока я не услышал выстрелы.

Есть в Зоне такой универсальный компас — звук пальбы. Там, где стреляют, там люди, еда и патроны. Правда, еще и пули, одна из которых может прилететь в твой лоб. Но разве об этом думает человек, заблудившийся в лесу? Правильно, не об этом. Каждый уверен в своем бессмертии, потому и денег старается на десять жизней скопить, и других людей не жалеет, и сам под пули лезет и надо, и не надо. Правда, чем больше появляется дырок в собственной шкуре, тем чаще начинаешь задумываться о смысле бытия и о том, что тебе, собственно, от

него по-настоящему нужно...

Но сейчас мне было нужно, чтобы одна противоборствующая сторона не перемочила другую раньше, чем я прибуду на место их разборки. Ведь чужак на поле боя после боя зачастую расценивается как запоздавшая подмога поверженному врагу, мародер или просто урод, которого не грех пристрелить под горячую руку, пока адреналин в крови бушует и пальцы еще лежат на спусковых крючках. Потому я бежал, ловко лавируя меж древесных стволов и на ходу проверяя оставшееся количество патронов. Получалось негусто, два с половиной магазина. На один нормальный бой хватит. И еще, может быть, на один хреновенький.

Добежав до места, откуда выстрелы были слышны уже слишком хорошо, для того чтобы носиться по лесу в полный рост, я упал на ковер листвы и пополз к кустам, за которыми слышалась увлеченная трескотня очередей. Миновав заросли мутировавшего малинника с иглами длиной в палец, я пристроился за ближайшим деревом и осторожно высунулся.

Позиция моя оказалась что надо — с фланга развернувшейся военной кампании. На довольно обширной поляне развернувшиеся полукругом «монолитовцы» грамотно зажимали в угол кучку оборванцев. «В угол» потому, что левая часть поляны представляла собой скопление слабо мерцающих «Электр», видимое даже отсюда. Человек восемь-десять сталкеров умело рассредоточились за кучей бурелома и яростно отстреливались от наседающего противника. Правда, толку от этого было немного.

«Монолитовцы» числом превышали обороняющихся втрое, причем двое из них представляли собой ходячие танки в тяжелых экзоскелетах. Эти стреляли чаще и скрывались меньше остальных, облаченных в серые камуфляжи расцветки «Урбан» американского полицейского спецназа девяностых годов — не иначе «слив» со старых военных складов хозяев группировки, мол, на тебе, «Монолит», что мне негоже. В Припяти оно, может, и оправданно среди городских развалин, но в желтом осеннем лесу все равно, что мишени в тире, стреляй — не хочу.

Чем сталкеры и пользовались... пока что. Трое «серых» валялись словно простреленные ростовые мишени, уткнувшись масками-балаклавами в серую траву поляны, перемешанную с нанесенной ветром желтой листвой. У самого бурелома распластались на бревнах два разорванных пулями черныбыльских пса, которые, наверно, и вынюхали в лесу сталкерскую группу. Третий, прокомпостированный пулями чуть не до фарша, валялся рядом с природной баррикадой, сомкнув клыки на горле мертвого сталкера в поношенном черно-красном комбинезоне группировки «Долг». Еще один обугленный до черноты труп лежал головой в аномалии, которая эпизодически раздраженно разряжалась, протягивая ломаные молнии к остальным обороняющимся. Но пока что ей это не удавалось. Бурелом образовался метрах в пяти от поля «Электр» — не иначе аномалии сами отбрасывали от себя падающие стволы и оторванные ветви во время очередного Выброса. Вот и получилась сталкерам защита... и ловушка одновременно.

Еще один «монолитовец» упал навзничь, поймав грудью автоматную очередь. Я видел, как зеленая разгрузка, нелепо контрастировавшая с серым камуфляжем, окрасилась темной, почти черной кровью. Нападающие, увидев такое дело, слегка ослабили натиск и теперь, скрываясь за естественными укрытиями по краям поляны, просто постепенно замыкали кольцо вокруг обороняющихся, поливая баррикаду свинцом и не давая им высунуться. В чем в чем, а в хладнокровии и бесстрашии «монолитовцам» не откажешь. Интересно, насколько все-таки люди эти странные бойцы без страха и упрека, запросто расстающиеся с жизнью за довольно странные идеалы?

Мои размышления о смысле бытия, в последнее время ставшие чуть ли не нормой, прервал новый элемент картины, появившийся в правом конце поляны. Запакованное в демаскирующий «Урбан» пушечное мясо сосредоточенно пёрло на руках тридцатимиллиметровый автоматический гранатометный комплекс АГС-30, снаряженный

оптическим прицелом и патронной коробкой, рассчитанной на три десятка гранат. Ноша не из легких, по идее бы ходячему экзоскелету такую штуковину таскать. Но, видать, не положено. Элита, блин.

Но элита не элита, а с появлением АГСа сталкерам за их укрытием более ловить было нечего. Установка гранатометного пулемета на сошки дело трех секунд, и еще три раза по столько, чтобы разобрать на фрагменты очередь, состоящей из осколочных гранат ВОГ, и саму природную баррикаду, и тех, кто за ней скрывается.

Кто именно скрывался за буреломом, мне особенно видно не было, но, судя по трупам с псевдособакой на шее — «долговцы». Не сказать что самая дорогая для моего сердца группировка Зоны. Но в то же время «монолитовцы» вызывали во мне еще более сильные чувства. Смерть Метлы, расстрел Выдры и то, что фанатики потом из него сделали, подтолкнули меня к правильному решению. Хотя немалым фактором для его принятия был тот момент, что в случае победы «монолитовцев» мой путь к Припяти оборвется прямо здесь. Судя по их тактике, это не просто стычка противоборствующих групп, а планомерная облава на «партизан», скрывающихся в неисследованных лесах на западе Зоны. Облава, которая в случае победы «монолитовцев», несомненно продолжится. А сталкеры наверняка знают здесь все тропки, так что...

Так что я поднял автомат и выстрелил. Гранатометчик в конце поляны ткнулся лбом в патронную коробку, не донеся свое увесистое оружие до намеченной точки. После чего я перевел ствол левее и тремя одиночными вынес затылки троим «серым» — с ходячими экзоскелетами все сложнее, у них шлемы специальные. Малейшее отклонение от перпендикуляра при контакте — и остроконечная пуля соскальзывает с закругленной брони, даже если попадает в смотровой броневлок, выполненный из нескольких слоев силикатного стекла. Потому я предпочел бить наверняка, а после уйти в кувырок и откатиться подальше, небезосновательно полагая, что «монолитовцы» перенесут огонь на фланг, откуда обороняющимся пришла неожиданная помощь в лице моей скромной персоны.

Дерево-мутант, за которым я скрывался, конечно, было в обхвате о-го-го. Но, во-первых, с такого расстояния автоматная пуля, попавшая не в центр ствола, вполне может сорвать кору вместе с неслабым слоем древесины под ней и впиться в тело того, кто за ним скрывается. И во-вторых, гранаты никто не отменял. Это до баррикады их добросить сложновато, ибо далеко, да и опасно — можно запросто пулю поймать на замахе. А до меня — раз плюнуть.

В общем, заминусовав нападающих на четыре боевых единицы, я предусмотрительно свалил обратно в чащу. И не напрасно. Сзади меня с характерным хлопком рвануло несколько РГДэшек, но я уже был в относительной безопасности и вновь несясь меж стволами, словно слаломщик на трассе — только успевай от веток уворачиваться. При этом я в уме просчитывал местонахождение поляны. И не ошибся, вновь вынырнув из леса точно в тылу вражьей силы, которая, видимо несколько растерявшись, в лице начальства в экзоскелетах заслала еще двоих бойцов в лес искать мой труп, а одного — вернуть застрявший в середине пути АГС-30.

Лучше бы сами сходили...

Я выскочил из леса, столкнувшись лицом к лицу с «монолитовцем», отряженным в поход за гранатометом. Да, отстрелить засланца из-за дерева, оно, конечно, намного проще, но тогда моя великолепная задумка на том бы и закончилась.

Нападающих все еще было как минимум двое на одного, и не забываем про тех, бронированных. На мой выстрел как раз половина вражьей силы непременно развернулась на сто восемьдесят и если не подстрелила, то обязательно загнала меня обратно за деревья. И тогда уж наверняка господа ходячие танки сами соизволят сходить за осиротевшей вундервафлей, решившись наконец пожертвовать имиджем ради результата.

Вот потому я, бросив автомат на землю, и выскочил из-за дерева с «Бритвой» в руке, намереваясь тихо-мирно прирезать типа в балаклаве — и на фига ему она, спрашивается,

сдалась посреди леса? Чтоб мутанты за своего не признали, что ли?

Но тип оказался шустрым. Завидев меня, он весьма оперативно вскинул свой «Абакан», вполне успевая резануть очередью мне по ногам. Правда, его подвел свойственный фанатикам максимализм — решил он завалить наглого врага наверняка, в корпус, а может, и в голову. Я же, понятное дело, не стал ждать, когда он поднимет автомат на устраивающую его высоту, и просто со всей дури долбанул ногой по стволу.

Автомат Никонова хоть и полегче АК, но с подствольником и снайперским прицелом штука достаточно тяжелая и инертная. В общем, мне удалось выбить оружие из рук «монолитовца», но праздновать победу оказалось рановато.

Враг достаточно легко ушел от моего секущего удара ножом, отпрыгнул назад и выдернул из ножен штык-нож. И то, как он это сделал, мне очень не понравилось. Парень явно неслабо соображал в ножевом бою, что сейчас мне было совсем не с руки. Затевать схватку на клинках значило на третьей-четвертой секунде гарантированно словить не столько нож под ребра, сколько пулю от сотоварищей бойкого ножевика. Не зря он, гаденыш, влево забирает, уходя с линии выстрелов, которые вот-вот прогремят в мою сторону с противоположного конца поляны. Эх, была не была!

Возможно, кто-то скажет, что я поступил бесчестно. Но как это ни покажется странным диванным бойцам, рассуждающим о войне и Зоне с модной книжкой в руках, и там и там с моралью плохо. Что в горячей точке, что за Периметром, одна мораль — или ты, или тебя. И товарища прикрой, а то завтра тебя прикрыть некому будет. Остальное все туфта и мозгоклюйство.

В общем, благородной битвы на шпагах с поклонами не получилось. Я просто заметил подходящую кучу опавших листьев, перемешанную с землей, и пнул ее, словно мяч, целясь при этом в лицо противника. И когда тот рефлекторно отмахнулся от летящего мусора, коротко, без замаха метнул «Бритву».

Нож вылетел из ладони как стрела, клинком вперед, как и должно быть при безоборотном способе метания. Я даже не успел в очередной раз удивиться небесному сиянию поверхности клинка, как она тут же окрасилась черной кровью, хлынувшей из шеи «монолитовца». Лезвие перерубило трахею как раз в тот момент, когда шустрый противник пытался уйти с линии броска, отчего увлекаемый инерцией нож резанул еще и влево, рассекая сонную артерию.

Да уж, «Бритва» есть «Бритва», не зря откованному из редчайшего артефакта ножу дали такое прозвище. В общем, на землю грохнулся мертвец с головой, наполовину отделенной от тела. Из жуткой раны на шее толчками хлестала кровь, заливая нож по самое навершие рукояти. И, пожалуй, это была хоть и не основная, но одна из причин, почему я сразу не выдернул его из трупа, а бросился к гранатомету, на котором все еще лежал пристреленный мной «монолитовец».

Столкнуть с АГС мертвое тело — одна секунда. Спрятаться за ним — вторая, ибо один из ходячих танков заметил происходящее в тылу, среагировал правильно и дал очередь в мою сторону. Я подыграл супостату, прикинувшись трупом на пару секунд. После чего протянул руку, дернул на себя гранатомет, кое-как пристроил его за телом «монолитовца», используя того в качестве бруствера, и дал первую короткую очередь.

Скорострельность у автоматического гранатомета существенная, порядка четырехсот выстрелов в минуту, немногим ниже ПКМа. Все три гранаты пришлись в живой танк, который моментально превратился в черно-красную кляксу. Эффект меня вполне устроил, и я за несколько секунд перепахал поле боя, искренне надеясь, что сталкеры за баррикадой догадались попадать на землю в момент обстрела, — площадь поражения гранатой ВОГ от семидесяти до ста метров, и наверняка осколки неслабо прошли по их естественному укрытию. Но, как часто случается на войне, иначе было нельзя — или так, или всем кранты, уж слишком неравными были силы.

С противоположного конца поляны больше не стреляли. Я приподнялся, оценил

обстановку, потом встал, стряхнул со штанов окровавленные листья, подошел к специалисту по ножевому бою, вытащил из его шеи «Бритву» и тщательно вытер ее об одежду трупа. Впрочем, как всегда, в чистке нуждалась лишь рукоять, клинок был без малейшего пятнышка и продолжал светиться изнутри мягким лазурным светом.

Отчистив оружие, я определил его обратно в ножны и распрямился. Как и ожидалось, на другом конце поляны оставшиеся в живых сталкеры обыскивали трупы и то, что от них осталось, на предмет хабара. Что ж, пришла пора пообщаться с лесными жителями насчет взаимовыгодного сотрудничества.

Я на всякий случай сменил магазин с полупустого на полный и передернул затвор. В Зоне бывает и так, что спасителю рады не больше, чем агрессору. Тем более если у первого в руках хороший ствол, а на ногах крепкие берцы, которые еще носить не переносить и на глазок наверняка должны подойти спасенному. Прделав такую нехитрую процедуру подготовки к знакомству, я направился к группе сталкеров, которые при моем приближении прекратили свое занятие и уставились на меня в семь пар настороженных глаз.

— Что ж ты, сука, делаешь? — поприветствовал меня тот, что стоял ближе всех.

Я остановился, мысленно прикидывая, скольких смогу срезать одной очередью.

— А что, не надо было?

— Буржую, мля, осколком гранаты бедро распорол, вон лежит бинтуется...

— Глохни, Угол, — перебил говорившего чернобородый сталкер — и тот, кого назвали Углом, недовольно, но моментально заткнулся. — У меня в запасных контейнерах «Глаз» и «Пламя» лежат. Дай своему корешу «Глаз», а «Пламя» не трожь.

— Почему? — хмуро буркнул Угол. — Жалко, что ль?

— «Пламя» — это НЗ на крайний случай, — отрезал чернобородый. — «Глаз» к ноге примотаешь, так он и без «Пламени» через два часа прыгать будет что твой снарок. А до этого на себе друга потаскаешь, не переломишься.

Интересный дядька, который вот так запросто осадил плечистого и наглого молодца. А с виду не скажешь. Потрепанный сталкерский комбез поверх камуфлы расцветки «Березка», стоптанные кирзачи, АКМ без наворотов на плече... И глаза. Внимательные, изучающие, которые я уже когда-то где-то видел... Так, а если тот же персонаж, но без бороды, гладковыбритый и в комбезе почище и поновее...

— Здорово, Валерьян, — сказал я.

— Здорово, коли не шутишь, — отозвался сталкер после секундной паузы, сканируя меня своим гипнотическим взглядом. — Ага, припоминаю. Сходка на Диких Территориях прошлым летом. Снайпер из группы Стрелка?

— Вообще-то он предпочитает, чтобы его называли Меченым, — усмехнулся я.

— Пусть будет так, — кивнул Валерьян. — При встрече с ним учту. Ты отдохни пока, сейчас мы с делами управимся и потом поговорим предметно.

И, словно оправдываясь за то, что его люди ковыряются в кровавой грязи в поисках хабара, добавил:

— У нас тут каждый патрон на счету. Сам понимаешь, война.

Шесть стволов, направленных на мои колени, опустились либо задрались в небо, брошенные за плечо. Напряжение спало, лишь Угол в побитом комбинезоне «Долга» неприязненно сплюнул. Правда, плевок дипломатично лег в паре метров от моих ботинок. Ладно, запомним. Кстати, этот «долговец» тоже тип знакомый, пересекались в июне двенадцатого года. Дослужился-таки старшина до лейтенанта, судя по вышитым звездам на погонах. Правда, впрок ему это не пошло, как был характер дерьмо, так и остался. Хотя, надо признать, все мы здесь не ангелы, но чует мое сердце, еще придется пересечься с «долговцем» на узкой дорожке.

Кстати, надо отметить, что отряд Валерьяна составляли не только «долговцы». Воинов в красно-черных комбезах было трое, один из которых погиб в схватке с чернобыльским псом, а второй, сидя на земле и прислонясь спиной к баррикаде, накладывал бинт на

раненую ногу. Помимо двоих оставшихся в живых поборников мировой справедливости, один боец носил зеленый комбез «Свободы» а один был даже в черном пыльнике «Ренегатов». Оставшиеся двое предпочитали одежду простую, немудрящую, без понтов и нашивок, но надежную как автомат Калашникова — легкий комбинезон «Заря», можно сказать своеобразную форменную одежду свободных сталкеров.

В общем, по большому счету, перевес сил был на стороне бойцов Валерьяна, что, несомненно, служило дополнительным аргументом в возможном споре о том, кому командовать сводным отрядом. Да уж, круто потрепала война сталкеров, если «долговцы», «свободовцы», бандиты и бойцы Валерьяна оказались в одной группе. Но мне показалось, что за баррикадой скрывалось несколько большее количество народу.

И я не ошибся.

Из-за завала не спеша поднялась фигура в коричневом пыльнике. Хозяин пыльника не спешил за жалкой добычей и предпочел обед поискам хабара среди раскиданных по полю кусков изуродованного мяса, перемешанного с обломками брони. Он мерно двигал челюстями, перемалывая бутерброд, а в левой руке у него была зажата зеленая армейская фляга, раздутая холостым выстрелом. Но и без фляги, подаренной Японцем, можно было, даже не заглядывая под глубокий капюшон, догадаться кто это — хотя бы по тому, что очень немногие люди после эдакой мясорубки могут вот так спокойно точить хлеб с колбасой, флегматично глядя при этом на поле боя. Будто не кровавое месиво перед ним, а гладь озерная, способствующая пищеварению и философскому восприятию жизни.

— Приятного аппетита, — сказал я, подходя к природной баррикаде. — Какими судьбами?

— Такими же, как и ты, — ответил Шрам, прикладываясь к фляге. Подвигав кадыком, он оторвался от горлышка, утер рот рукавом и протянул мне источник сталкерского счастья. — Хочешь?

Из фляги отчетливо пахнуло спиртом. Я помотал головой.

— Нет, спасибо. И все-таки как тебя сюда занесло? И где Меченый?

— По твоим следам занесло, — пожал плечами наемник. — Лесник проводил тебя, вернулся, нацепил наушники и засел крутить ручки своих приемников. Ну я посидел, посмотрел на это дело и вышел подышать свежим воздухом, а заодно посмотреть, как там с полем аномалий и не прут ли через него обещанные дедом «монолитовцы». Все было тихо, я вернулся, смотрю — Лесник шушукается с Меченым. Увидели меня — замолчали, а Лесник и говорит, мол, шел бы ты, наемник, за Снайпером. По ходу я в нем уверен, и Лиманск он по-любому откроет. А вы, спрашиваю, как? «А о нас не беспокойся, — говорит дед. — Пока ты гулял, я тут новые дорожки нашел, так что Меченому будет чем заняться». «Так старый друг лучше новых двух, — говорю. — Может, вместе со мной по старой дороге пойдём? Тем более если Снайпер Лиманск по-любому откроет?» А он мне: «Не умничай, не профессор небось. Зоне виднее как нужно, а я ее голос всяко получше тебя слышу, молодо-зелено». Вот и весь разговор. А Меченый сидит-молчит. Ну я плюнул про себя, повернулся и пошел, благо тогда на траве еще отпечатки твоих берцев дождем не смыло.

— И как в Лиманске? — поинтересовался я.

— Никак, — сказал Шрам. — Ни единой живой души, одни развалины. А РЛС высоченной бетонной стеной обнесена с бронеколпаками по периметру. Из тех колпаков автоматические пушки торчат и по верху стены антенны понатыканы. Только неподвижное все, будто на стоп-кадре. Думается мне, что уже не через Лиманск я шел, а через его проекцию в будущее.

«Надеюсь, что через возможную проекцию, — подумал я. — Не хотелось бы, чтобы такое мощное оружие, как „Дуга“, досталось тем, кто умеет не только уничтожать стратегические объекты противника, но и строить высокие стены с антеннами и бронеколпаками».

— Короче, прогулялся я по городу и вышел к лесу, в котором хоть и вымерло все, но

ветерок к ветвям шевелился. Оборачиваюсь — нет Лиманска. Лес кругом и шайка сталкеров к обороне готовится. Давай с нами, говорят, облава на нашего брата в лесу. Ну я понял, что мне деваться некуда, а дальше ты знаешь.

— То есть тумана в начале и в конце не было? — уточнил я.

— Какого тумана?

Шрам собрал кожу на лбу в складки.

— Туман часто здесь случается, — пояснил подошедший молодой сталкер, вытирая тряпкой с ладоней чужую кровь. — Как-то я иду, смотрю — из него реально толпа кровососов на меня смотрит. Я, понятное дело, струхнул, очередь дал. А из тумана как стая ежей-мутантов ломанется! Они на холме сидели и глазами хлопали, колобки грёбаные.

— Ты потом поподробней расскажи, где такой туман берешь, — глубокомысленно заметил «свободовец», устроивший перекур неподалеку. — Очень, понимаешь, это будет для меня ценная информация.

Похоже, пока мы со Шрамом беседовали, группа Валерьяна окончила свою работу по просеиванию поля боя на предмет хабара. И результат этой работы меня несколько удивил.

Посреди поляны возвышалась куча фрагментов, совсем недавно бывших членами группировки «Монолит». И это меня заинтересовало больше, чем то, через туман попал Шрам в Толстый лес или как-то по другому.

— Можно поинтересоваться, и на фига ты эту дрянь тягаешь? — обратился я к подошедшему Валерьяну с характерными интонациями.

Тот хмыкнул, оценив шутку, но как-то невесело.

— Здесь недалеко за деревьями однополосная железная дорога пролегает, — сказал он. — Она еще до Первого Взрыва была проложена. «Монолитовцы» ее подремонтировали и использовали всю для связи с Большой землей. Станция Кливины, что на западной границе Зоны находится, сейчас есть не что иное, как элемент Стены, через который группировке поставляются продукты, медикаменты и боеприпасы. Хорошая такая артерия, транзит до станции Янов, откуда до Припяти рукой подать. Правда, поезд здесь не пустишь, поля «Электр» моментом провода жгут и на крупные движущиеся металлические объекты бросаются стаями, как слепые собаки на припят-кабана. Монолитовцы как-то попытались бронированный тепловоз пустить по ветке, так на следующий день от их бронепоезда одни головешки остались. Потому движение тут исключительно на дрезинах. Ну мы с ребятами вчера «монолитовскую» дрезину расстреляли и пути заблокировали.

— «Партизаните», значит, — кивнул я. — Понятно теперь с чего облава в лесу.

— Приходится, — сказал Валерьян, прикуривая от трофейной «Зиппо» политкорректную «Приму». — Война есть война. Они сталкеров по всей Зоне отстреливают, мы — их.

— А этот бешбармак зачем собрали? — кивнул я на кучу останков.

— Пропагандистский ход, — сказал Валерьян, слегка прищурив глаза от сигаретного дыма. — Акция, можно сказать. Чтоб знали. Сейчас загрузим мясо на их мотодрезину, заведем мотор и пошлем посылку с уведомлением на «монолитовские» КПК. Мол, кто с LR-300 к нам придет, от «калаша» и погибнет. До станции Красница она точно своим ходом доедет.

— Красница, — задумчиво протянул Шрам. — Это, по-моему, рядом с поселком Толстый лес?

— Точно, — кивнул Валерьян. — Там до этой войны «долговцы» обосноваться пытались, да фанатики их вышибли, как и нас с Агропрома, а на месте поселка свой форпост организовали. Вот туда мы им и отправим вместо реквизированных припасов кучу радиоактивного мяса.

— Злой ты, Валерьян, — сказал я, наблюдая, как его сталкеры, надрываясь, тащат из кустов практически целый экзоскелет достаточно пожилой модели «WEAR 2Z» с рукой, оторванной по локоть. Из разрыва брони свешивался кусок почерневшей плоти. — А это

тоже в дрезину? Починить же можно.

— Не получится, — сказал Шрам, — «Монолитовцы» раньше под скальп своим отморожкам какую-то хрень вживляли, оттого и трупы с поля боя утаскивали, чтоб она врагам не досталась. Из-за нее и пси-излучение их не брало, и к радиации они устойчивее становились — типа, обмен веществ ускорялся.

— А теперь? — спросил я.

— Теперь они, как ты уже знаешь, напрямую в автоклавах народ в биомассу разлагают и штампуют что хотят, особо не заморачиваясь. И если что у них в башку и вживлено, то в момент насильственной смерти оно автоматически разлагается.

«Интересно, — подумал я. — Может, потому Выдра и предупредил Шрама о „грузовике смерти“, что год назад у „Монолита“ еще не было таких технологий и в его голове осталось немного человеческого?»

— Потому активизировать «монолитовский» экзоскелет может только живой и здоровый член группировки, — добавил Валерьян. — Электроника распознает кто свой, а кто чужой. Конечно, автогеном броню вскрыть не проблема, но тогда толку от нее немного будет. Разве что на металлолом сдать...

— Электроника, говоришь, распознает, — пробормотал я про себя. Запыхавшиеся сталкеры как раз свалили груды металла в пяти шагах от нас. Один из них утер пот со лба и взмолился:

— Валерьян, может, ну ее на хрен эту твою психологическую войну? Они ж вроде как не люди, им небось все эти фокусы по фигу.

— Жить каждая тварь хочет, — наставительно произнес главарь смешанного «партизанского» отряда. — И когда видит, что ее ждет, то воюет хуже в разы...

Тут я бы с Валерьяном поспорил, но мне сейчас было не до этого. Просто в глубине бронированного шлема истекшего кровью «монолитовца» мерцала слабая красная точка, сигнализирующая о том, что хозяин экзоскелета мертв, но электроника бронекостюма все еще работает. И в такт мерцанию кровавого индикатора в моей голове возникала достаточно безумная идея.

— Слышь, Валерьян, а ведь нам со Шрамом в Припять надо, — сказал я.

— А на Луну тебе не надо? — поинтересовался сталкер. Его прищуренные глаза округлились. — Все выходы из Толстого леса перекрыты фанатиками. Напомню — уже почти вся Зона под ними, так что...

— Говоришь, у тебя «Пламя» есть в заначке? — перебил я его, доставая из нарукавного кармана сувенир, подобранный мной возле РЛС. — Шрам, ты как, еще не научился снимать скальпы?

* * *

Это было больно. Чертовски больно, несмотря на то что мне помимо двойной порции радиопротекторов вкололи нехилую дозу морфина. Двумя круговыми движениями ножа Шрам взрезал кожу на моей голове вдоль границы роста волос и не менее ловко отодрал кожу от черепа. В общем, эйфории от трофейной анестезии я не почувствовал, со всей силы сжимая зубами кусок деревяшки, а коленями — пень, на котором сидел. Еще хуже было то, что я ни черта не видел. — Валерьян, словно висельнику, предусмотрительно завязал мне глаза и нижнюю часть лица. Чисто для того, чтоб кровища не заливала глаза, — на коже головы слишком много кровеносных сосудов.

При этом я прекрасно осознавал, что происходит. Сейчас Шрам стоит рядом, ухмыляясь и рассматривая мой скальп, а Валерьян аккуратно размещает невесомую сеточку на моем окровавленном черепе.

Черт, и ведь нет никакой гарантии, что все задуманное получится! Вполне могло быть, что сетка потеряла свои свойства от удара о землю, от времени либо от слабокислотных

дождей Зоны, круглый год льющихся с неба. Но я просто не представлял как еще я смогу пробиться через вражьи позиции к цели, которую мне обозначила сама Зона.

Нет, я не был до конца уверен, что мое видение в Лиманске и есть Зона, персонифицировавшаяся в образе древней старухи. Но при этом я и сам понимал, что лишь в Припяти смогу решить обе проблемы, ради которых я, собственно, и проник за Периметр... на этот раз по собственной воле.

Наконец я почувствовал, как на мой череп легла мокрая плоть, остывшая на осеннем ветру. По оголенным нервам понеслись новые импульсы страшной, непереносимой боли. Я почувствовал, как под моими зубами, как под прессом, трещат древесные волокна. Один из зубов треснул и, похоже, развалился, не выдержав давления челюстей, — но боли я не почувствовал, лишь вкус крови во рту усилился. Она все-таки проникала между губ через насквозь промокшую повязку, а боль от осколков зуба, разодравших десну, просто растворилась в миллионе опоясавших мою голову терновых венцов, как растворяется капля воды в бушующем океане.

Но и это было еще не всё.

Я точно знал — это твердые, словно гвозди, пальцы Шрама сейчас совмещают края разреза на моей голове, а Валерьян, надев оранжевые перчатки от противорадиационного костюма «Эколог», прокатывает огненным шаром длинную открытую рану.

Порожденный «Жаркой» редчайший и баснословно дорогой артефакт с характерным названием «Пламя» сохранил многие свойства своей прародительницы. Во всяком случае сейчас мне казалось, что к моей голове приложили паяльную лампу и неторопливо прожаривают содержимое черепа. Но оно того стоило. «Пламя» заживляло неглубокие раны мгновенно. Я сам видел однажды как сталкеру, чью стопу смахнула своим мечеобразным костным наростом псевдоплоть, просто прижгли на пару секунд «Пламенем» кровоточащую рану. Когда же артефакт отлепили от мяса, то на месте обрубка была уже вполне сформировавшаяся культя, покрытая розовой кожей.

Видимо, нечто похожее сейчас происходило и с моей головой. Правда, было одно «но» — «Пламя» достаточно быстро разряжалось. Потому желания у меня было два: чтобы заряда артефакта хватило на всю операцию, и чтобы я по возможности не сдох от болевого шока до ее окончания.

— Все, — выдохнул Валерьян.

С моего лица упала повязка. Я вздохнул полной грудью, открыл глаза... и чуть не свалился с пенька на котором сидел. Напряжение отпустило, и слабость накатила на меня омерзительной, липкой волной. Но невероятным усилием воли и измученных мышц я заставил себя сидеть на месте, лишь выплюнул деревяшку с осколком зуба, застрявшего в ней.

— Как оно? — хрипло выдохнул я.

— Ничего, нормалек, — сказал Шрам, с видом профессионального парикмахера-садиста осматривая свою работу — только ожерелья из отстриженных ушей на шее не хватает. — Если не присматриваться, то с первого взгляда голова как голова. Такая же, как и у всех других людей, страдающих дефектами мозга.

Валерьян стоял рядом, с сожалением катая в ладони абсолютно черный шар величиной с большое яблоко. Заряженное «Пламя» напоминает маленькое солнце, разряженное — кусок каменного угля необычной правильной формы... чем, собственно, и является на самом деле. Видно было, что Валерьяну жаль выбрасывать даже разряженный артефакт, наверно, давно берег его на крайний случай. И кто ж знал, что «крайний случай» представится в виде заваривания шва на голове сталкера, решившегося на сумасшедшую операцию.

— А ты молоток, — заметил Шрам, протирая белой салфеткой окровавленный разделочный нож. — Я бы, наверно, отрубился. До тебя все отрубались, даже под наркотой. Бывало, что и коньки отбрасывали, — сердце не выдерживало.

Я не стал уточнять, кто такие «все». Догадывался, судя по тому, как ловко наемник

провел операцию. И не исключено, что именно его жутковатое искусство подарило ему прозвище, — шрамы после скальпирования и вправду остаются весьма запоминающиеся.

— Теперь проверить бы надо, что получилось, — сказал Валерьян. В его бесстрастном взгляде я рассмотрел искру сочувствия, хотя, скорее всего, переживал он не за меня, а за артефакт, потерявший свою силу. Это нормально. Я не красна девица, чтоб меня жалеть. Вот только бы с пенька встать и не грохнуться от слабости...

В плечо мне впиалась игла.

— Щас отпустит, — сказал наемник, выбрасывая в траву одноразовый иньектор. А я разлился не на шутку.

— Слушай, хирург, а ты не много на себя берешь? — процедил я сквозь зубы.

— Как хирург — не много, — спокойно ответил Шрам. — Я ж в прошлой жизни на Большой земле как раз им и был. И, в отличие от некоторых, помню о своем прошлом абсолютно все. И навыков не растерял, в чем ты только что убедился. Так что, пациент, коль решились на операцию, так и не выпендривайтесь.

Я больше и не выпендривался — не до того было. Только что я чисто машинально провел языком по зубам. Дырки меж ними не было. «Пламя» полностью восстановило не только кожу на голове, но и сломанный зуб, так что в исходе операции можно было не сомневаться. Сомневался я только в одном: сработает ли теперь экзоскелет, приняв меня за «своего»? А до этого разборки с наглым наемником можно отложить — дело прежде всего.

То ли злость на Шрама, то ли его препарат помог мне быстрее прийти в себя, но до валяющегося на траве «WEAR 2Z» я дошел без посторонней помощи.

Броня приняла в себя две гранаты — одна оторвала руку, вторая отбросила живой танк в кусты, не причинив экзоскелету заметных повреждений. Разве что его хозяина оглушила, который тихо-мирно, не приходя в сознание, истек кровью и отошел в «монолитовский» рай.

Я присел на корточки, соображая как бандит из старого фильма «где же у него кнопка». Последующая, третья модель после смерти хозяина открывалась согласно заложенной в нее программе — могла как гостеприимно раскрыться, так и самоуничтожиться. Эта же должна быть попроще, судя по схеме, виденной мной в лаборатории Сахарова.

Я одновременно нажал на два выступа по краям грудной бронеплиты, и она отъехала вверх, обнажив простейший датчик-присоску. Понятно. Хозяин при желании открывает сейф на ножках командой изнутри, а в случае чего вскрыть его броню могут только свои. Только вот куда датчик-то лепить?

— На лоб лепи, — подсказал подошедший Шрам, словно услышав мои мысли. И пояснил: — Я, когда с площадки Саркофага за Стрелком охотился, видел в прицел, как один «монолитовец» с трупа товарища снарягу снимал.

«Монолитовец, — подумал я, прилепляя на лоб присоску. — Интересно, на сколько процентов я теперь, монолитовец?»

Оказалось, что на все сто.

Внутри экзоскелета что-то щелкнуло, и его верхняя часть слегка приподнялась, словно крышка тяжелого старинного чемодана, у которого отбросили язычки замков.

— О! — сказал Шрам. — Надо же, первый раз снял скальп с пользой для его владельца.

— Интересно, зачем ты это делал раньше? — поинтересовался Валерьян.

— Да понимаешь, заказ как-то был принести шкуру с башки одного уroda. Ну я выполнил. Потом второй, аналогичный. А потом в привычку вошло...

Я не стал дослушивать обоснования странных привычек наемника. Вытащив труп из экзоскелета, я скинул с плеч рюкзак и влез в чужую броню, которая немедленно захлопнулась.

— Идентификация владельца окончена. Выбран язык: русский, — хриплым механическим голосом сообщил мне динамик над ухом, и я тут же пожалел, что «монолитовцы» не шатаются по Зоне в экзоскелетах продвинутой третьей модели. Всяко приятнее читать зеленые надписи на прозрачном бронестекле, чем слушать этот рев над

ухом. Но выбирать не приходилось.

Я поднялся на ноги и прошелся туда-сюда. Получилось неплохо, только левая нога немного замыкала.

— Незначительное повреждение гидравлического поршня левой нижней конечности, — сообщил голос. — Утрата защиты левой конечности на сорок шесть процентов. Система не может обеспечить полную защиту биологического объекта.

— И хрен с ней, — сказал я. — Открыть забрало.

Динамик недовольно хрюкнул, но вякнуть не посмел. Бронестекло шлема неожиданно мягко поднялось вверх.

— Может, теперь ты объяснишь, что задумал? — поинтересовался Шрам.

— Запросто, — сказал я, поигрывая уцелевшими механическими мускулами левой руки. — Валерьян, ты уже сообщил вражьей силе насчет посылки?

— Ага, — кивнул командир партизан. — Слышал бы ты, что началось в эфире. Правда, потом их командир приказал всем подчиненным заткнуться и пообещал, что за это наши трупы не станут скармливать цепным снаркам, а похоронит достойно.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Значит, поступаем следующим образом...

* * *

Вагонетка катилась по рельсам. Огромные деревья справа и слева помаленьку сменились на привычный пейзаж: унылое поле с редкими «треугольниками смерти» — знаками радиационной опасности, разрушенные или полуразрушенные строения, ржавые остатки сельхозтехники... и вороны, кружащие над моей большой головой.

Голова и вправду побаливала — все-таки не каждый день в нее вживляют всякую нестерильную хрень. Правда, «Пламя» убивает всех микробов, но мне почему-то казалось, что на этот раз артефакт дал сбой и у меня под волосами ползают несколько выживших и на редкость кусучих бактерий.

Кстати, интерес ворон к моей персоне был неслучаен, потому как я возлежал на куче свежих трупов разной степени комплектации. У кого конечности не хватало, у кого головы, а у некоторых и того и другого. Впрочем, недостающие части кадавров тоже были собраны и аккуратно уложены на вагонетку. Я же лежал на всем этом мертвом мясе эдаким логическим завершением современного «апофеоза войны» и слушал переговоры «монолитовцев», благо позволял спецканал, автоматически настраиваемый в шлеме.

— Объект выехал из леса, движется со скоростью около пятидесяти километров в час. Вижу в бинокль — реально трупы наших. Озари сиянием Твоим, Монолит, души тех, кто отдал жизнь во исполнение воли Твоей.

— Понял, Репей. Вечная память нашим погибшим бойцам. Но почести воздадим потом, и не в эфире, а как положено.

— Мастер, а что, если сталкеры дрезину взрывчаткой начинили? Подъедет — и звездеч форпосту.

— Точно, Репей, ты умный, а мы здесь дураки сидим. Метров за триста до станции ежа на шпалы кинем, вот и вся тема.

— А может, раньше кинуть?

— Можно и раньше. Только четыре километра до Красницы переть трупы сам будешь.

— Понял, Мастер, виноват.

— Хорошо, что понял, а я уж не надеялся. Отбой связи.

И хорошо. Как регулировать громкость динамика, я не нашел, видать, девайс был нерегулируемым, чтоб ненароком боец не прослушал ценные указания начальства. От его рева у меня уже неслабо звенело в ушах и под «паутинкой» на черепе беспорядочно метались оглушенные микробы. Во всяком случае, ощущение было именно таким. Приживалась она там, что ли, или реально каких-то мутировавших муравьев туда Шрам

напустил, чтоб мне жизнь медом не казалась? С него станется. Но как бы там ни было, по-любому хорошо, что пока все идет согласно моей задумке.

Но радовался я рано. Внезапно динамик ожил снова:

— Мастер, говорит Боря Вист с базы.

— Слушаю.

— Тебе сталкерёе трупы наших заслало на дрезине, так?

— Ну.

— Я в этом районе зарегистрировал сигнал активного экзоскелета, который мы уже удалили из базы данных.

— Не понял...

— Короче, система показывает, что броня Ромки Водилы активна, но внутри не Ромка.

— То есть как не Ромка? А кто?

— Не поверишь. Пашка Нагасаки, убитый в Лиманске в сентябре одиннадцатого года. Труп не стали вытаскивать из аномалии, к нему не подойти было.

— Не понимаю, кто сегодня курил — ты или твоя система?..

Я уже видел станцию Красница — неплохо сохранившуюся, ибо ломаться там было нечему. К врытым в землю бетонным основаниям, формой напоминающим виселицы, в прошлом веке прислонили плиты из того же материала — получились стены. И сверху положили такие же плиты — вот и крыша готова. Сбоку к этому сооружению притулилась будка кассира, тоже бетонная и переоборудованная под огневую точку.

В общем, «монолитовцы» станцию серьезно модернизировали — обложили ее мешками с песком, обмотали колючей проволокой, две вышки наблюдательных сколотили из досок, пулеметы на них поставили. Видно, что группировка фанатиков решила здесь серьезно обосноваться, но пока не успела довести дело до конца.

Недалеке от Красницы возвышались строения более-менее сохранившегося поселка, на карте в КПК обозначенного как «Товстий ліс», и на первый взгляд в том поселке затевалось что-то серьезное. С платформы было видно, что «монолитовцы» вырубili многие деревья, снесли до основания несколько домов и на получившейся довольно обширной площадке... монтируют что-то типа уменьшенной в десятки раз РЛС. Очень интересно, непременно постараюсь узнать на досуге, что это за фигня творится в Толстом лесу. Если, конечно, доживу до досуга.

Потому что впереди метрах в трехстах от меня два живых танка вот-вот должны были положить на пути дрезины ржавый противотанковый еж. Они уже почти затащили его на насыпь, еще полминуты — и дрезина встанет намертво, напорвшись на непреодолимое препятствие.

Пора...

Двумя движениями бронированной лапы, усиленной механическими мускулами, я разворошил кучу останков и выдернул из-под них АГС-30. Запасливые «монолитовцы» привезли с собой на зачистку леса помимо гранатомета нехилый боезапас — три полных патронных коробки. Что ж, пришло время вернуть фанатикам их добро.

Экзоскелет, конечно, вещь серьезная — даже разорвавшаяся у самых ног РГДэшка порой не причиняет продуманной индивидуальной броне ни малейшего вреда. Но от прямого попадания гранаты ВОГ не спасает даже она.

Я просто срезал носильщиков стального «ежа» очередью из пяти гранат и резко перевел ствол в сторону приближающейся станции. Но выстрелить не успел.

Оба пулемета, установленные на вышках, заработали одновременно. Пулеметчики неплохо знали свое дело, и их выстрелы достигли цели.

Свинцовый ливень отбросил меня назад вместе с гранатометом, и, если бы не гора трупов, скрывшая меня от стрелков, боюсь, что даже «WEAR 2Z» вряд ли б чем мне помог. В сочленениях экзоскелета достаточно уязвимых мест, да и от прямого попадания в забрало пули калибра 7,62 не спасет никакое бронестекло. В общем, я лежал за мертвыми телами,

принимал на шлем душ из свернувшейся крови и кусков мертвой плоти, при этом одновременно очень внимательно прислушиваясь к треску приближающийся очередей и стараясь не пропустить спасительную паузу.

И она настала.

Нужно признать — мне в очередной раз повезло, что пулеметы комплектовались лентами на сотню патронов, а не больше, что «монолитовцы» поливали дрезину огнем непрерывно, осознавая, какую опасность представляет для них запакованный в броню гранатометчик, и пытаюсь во что бы то ни стало его убить или хотя бы ранить, и что патроны у них кончились одновременно... Но такое часто случается в жизни. Зона часто помогает тем, кто может сам себе помочь, и людям, которым действительно что-то очень нужно в жизни, внутри Периметра обычно сильно везет.

А мне было очень нужно...

Немного надо времени опытному пулеметчику, чтобы сменить ленту, но мне этих секунд хватило с лихвой. Механические мускулы легко перебросили мое тело через кровавое месиво, горой наваленное на платформе, и я, воткнув сошки в мертвое мясо, за пару мгновений превратил обе вышки в облака из огня, щепок и обломков металла.

Конечно, из-за мешков с песком раздавались отдельные выстрелы и короткие автоматные очереди, но стрелки, обороняющие станцию, имели несколько худшую подготовку, чем покойные пулеметчики.

Пуля ударила меня в плечо, рванула назад и слегка сбила прицел, но я быстро наверстал упущенное. Выпущенные мной полдюжины гранат пропахали бруствер из мешков с песком и землей, лишив защиты четырех автоматчиков, а следующая очередь довершила дело. Похоже, на защитниках Красницы были лишь пятнистые камуфляжи да бронезилеты, так как выстрелы смолкли одновременно, а на бетонную стену станции словно из брандспойта щедро плеснуло кровью.

Но на этом дело не закончилось.

За станцией притулилась будка билетера — основательная, как и все, что строилось в восьмидесятые годы прошлого столетия. И сейчас я ясно видел, что из ее окна высовывается что-то тупорылое и крайне неприятное с виду. Стрелку лишь не хватало достаточного угла обзора, для того чтобы открыть прицельный огонь по дрезине, а у меня как на грех закончились гранаты.

Счет шел на секунды, потому я, недолго думая, прыгнул с движущейся платформы на насыпь.

И вовремя.

Из будки вырвалась безобидная с виду струйка дыма — и дрезина вспыхнула словно факел, продолжая, тем не менее, нестись вперед. В воздухе резко пахло паленым мясом. Понятно, «монолитовец» долбанул по платформе из реактивного пехотного огнемета модификации Z — решил выжечь супостата. Правда, «супостат» свалил немного раньше, и фанатик лишь спалил трупы соплеменников. Затаившись за насыпью, я даже слегка заволновался — рванет не рванет? Конечно, никто не был уверен, что план сработает на все сто, но все-таки хотелось отработать задумку по максимуму.

По максимуму, правда, не вышло, и электронный взрыватель, который я сжимал в руке, не понадобился. Закрепленный под днищем дрезины примитивный заряд, изготовленный из гранат, рванул раньше, чем платформа поравнялась с бетонной будкой. Но цель все же была достигнута.

Расшатанная предыдущими взрывами станция медленно завалилась назад, сложившись на будку. И та, не выдержав веса бетонных плит, рухнула по принципу домино, похоронив под собой меткого огнеметчика.

С неба падал дождь из паленого мяса и мусора. Наверно, когда-то давным-давно от станции ходил автобус, потому что завершающим штрихом проведенной акции прямо перед бронестеклом моего шлема вонзился покореженный щиток со следами синей и белой краски,

на котором можно было разобрать схематическое изображение старого «шестьсот семьдесят седьмого» «ЛИАЗа» и едва различимую надпись:

Красница
На Припять — 19.40
На Чернобыль — 8.15, 15.30

* * *

— Всем, кто меня слышит! Совершено нападение на станцию Красница! Угроза объекту «Толстый лес». Всем подразделениям и отдельным членам группировки, находящимся поблизости, немедленно прибыть для защиты объекта!

Динамик надрылся у самого уха, и терпеть это уже не было никакой возможности. Я откинул бронированное забрало шлема — сразу стало полегче. Пропал эффект колокола, по которому молотят изнутри децибелами. Зато возросла перспектива получить пулю в глаз. Правда, возможность этого была невелика, разве что «монолитовцы» начнут прочесывать местность. Но это должно случиться не скоро — дело шло к вечеру, а ночью шататься по Зоне могут лишь мутанты или безумцы. И хоть фанатики в определенной степени, тем не менее, они, как и сталкеры, не являются большими любителями ночных моционов.

Я обосновался в глубоком овраге, густо заросшем кустами полыни. Рядом будешь стоять — не увидишь. И не услышишь, если не слишком громко орать, чего делать я, впрочем, и не собирался. Динамик поорал — и перестал. Что ж, отлично, теперь демаскирующие факторы практически на нуле.

Проверив, что микрофон связи в шлеме отключен, я достал портативную рацию, которой снабдил меня командир «партизан», и нажал танкету:

— Все в порядке, — сообщил я.

— Видели, — пробился сквозь треск помех голос Валерьяна. — Спасибо тебе, сталкер. Фанатики оттянули силы от Толстого леса к станции, теперь хоть вздохнем спокойно.

— Сочтемся, — хмыкнул я.

— Шрам в твою сторону направился. Ты там поосторожнее — вижу в бинокль, что «монолитовцы» все же выдвинулись из села на зачистку местности.

— Далеко они от станции?

— Уже прошли ее, идут цепью в твою сторону.

Этого еще не хватало! Ни первого, ни второго.

Признаться, общество наемника не доставляло мне особой радости. Я искренне надеялся отсидеться в кустах до темноты — помимо психов и мутантов, ночью по Зоне изредка гуляют люди, припертые к стенке более чем серьезными обстоятельствами. Потому ночью собирался я рвануть на восток, к станции Буряковка и озеру Янтарь, образовавшемуся на месте одного из самых больших пунктов захоронения радиоактивных отходов Зоны. Во время Второго Взрыва просели траншеи, в которые свозилась зараженная техника, и огромная воронка постепенно заполнилась водой. Так образовалось озеро Янтарь, из которого до сих пор торчат крыши кабин грузовиков и экскаваторов. А уж про то, какие подводные твари поселились в тех фونهاщих радиацией кабинах, лучше умолчать...

База ученых, расположившаяся на берегу этого озера, со временем превратилась в одну из наиболее мощных крепостей Зоны. Я надеялся под покровом ночи добраться до нее, продать экзоскелет и разжиться у начальника базы профессора Сахарова более удобной броней вместе с оружием. Но если «монолитовцы» уже прочесывают местность, дела мои плохи. Надо было попытаться сразу после взрыва рвануть в сторону Буряковки. А теперь уже вряд ли получится, тем более без оружия...

— И долго ты здесь еще загорать собрался? — раздался у меня над ухом задумчивый голос. — Там, к твоему сведению, «монолитовцы» местность прочесывают.

Проклятый шлем! От рева его динамика до сих пор звон в ушах стоит, за которым я и не услышал шагов Шрама. Хотя это, понятное дело, не оправдание.

Наверно, все было написано на моем лице, потому что наемник протянул мне мой автомат, оставленный в Толстом лесу, и сказал:

— В этом панцире не слышно ни хрена, сам бегал, знаю. Поэтому бери ствол и погнажи, пока фанатики нам пятки «Шмелями» не поджарили. Уж больно ты их разозлил своим прорывом, исполненным, кстати, отменно. Честно говоря, даже я бы не додумался до такого.

«Интересно, с чего бы это он такой добрый?» — подумал я. Но особенно раздумывать было некогда, поэтому я забрал свой АК вместе с сумкой, набитой пустыми и полными магазинами. Пустых вроде должно быть больше, чем полных, но сумка приятно оттягивала руку, лишенную брони. На бегу я проверил магазины — так и есть, Валерьян позаботился и набил их трофейными патронами под завязку. И на том спасибо.

Не сговариваясь, мы бежали со Шрамом вдоль оврага на восток, к Янтарю. Расстояние немаленькое, а чертова броня вдвое сокращает скорость передвижения. Тем более что батарея, от которой работают механические мускулы, разряжена на три четверти...

Правда, те, кто бежали за нами, передвигались ненамного быстрее. Обернувшись назад, я увидел мелькающие за кустами фигуры, облаченные преимущественно в тяжелые экзоскелеты. Но были среди них и те, кто бежал впереди и намного быстрее.

— Шестеро в легких брониках, на пулю напрашиваются, — бросил на бегу Шрам. И остановился. — Беги, я их встречу, а потом тебя догоню.

После чего скользнул в неглубокую ложбину, мгновенно изготовив к стрельбе свой «Винторез».

Спорить было бессмысленно, потому я, не снижая хода, припустил по старому маршруту, стараясь выжать из экзоскелета максимум. Позади раздался первый еле слышный хлопок «Винтореза», и ветер, дующий мне в спину, донес до меня крик боли, который не смог заглушить даже бронированный шлем. Шрам хорошо знал свое дело, не убив первого легконогого «монолитовца», — орудий от боли товарищ гарантированно демотивирует подразделение, даже если оно состоит из убежденных фанатиков, не имеющих привычки оказывать помощь раненым. А Шрам наверняка знал, куда нужно стрелять, чтобы причинить максимальную боль.

Потом я услышал взрывы и, обернувшись, увидел, как ложбина, в которой скрывался наемник, окуталась облаком дыма. Не иначе по ней саданули из подствольников. Вернуться?

— Даже не думай, — раздалось из висящей на моем плече рации, которую я все еще почему-то не выбросил...

Вслед за этими словами из облака пороховой гари вынырнула фигура в коричневом пыльнике и зигзагами рванула вслед за мной.

Догнал меня он довольно быстро.

— Четверых точно положил, остальных как минимум подранил. Ну как твой самовар? — осведомился наемник, хлопнув меня по стальному плечу. — Не перегрелся?

— В процессе, — хрипло выдохнул я. Механические мускулы были приспособлены для чего угодно, только не для гонки по пересеченной местности.

— Поднажми, сталкер, — выдохнул Шрам, которому после спринтерской пробежки тоже было несладко. — Маленько осталось.

Это и без него понятно. Гигантская перевернутая чаша научной станции, облепленная бородавками бронеклопов, невольно внушала уважение одним своим видом. Ученые неслабо вложились в это сооружение, но не прогадали. Члены любой группировки Зоны, включая «монолитовцев», «ренегатов» и даже, по слухам, «грешников» охотно сотрудничали с «яйцеголовыми», покупавшими артефакты и дефицитные в Зоне патроны по самым высоким ценам. Правда, неясно было, откроют ли они тяжеленные бронированные двери перед двумя сталкерами, преследуемыми членами группировки, хозяйничающей на данной

территории.

— Будем надеяться на лучшее, — хмыкнул Шрам, сплюнув на бегу вязкую слюну. Похоже, он думал о том же, что и я.

Мы достигли цели. Осталось выяснить, пустят ли нас внутрь. Теперь уже я прикрывал спину наемника, пока он, ткнув в кнопку переговорного устройства, беседовал с невидимым привратником.

— Кто такие? — бесстрастно осведомилась блямба, вделанная в броню рядом с косяком.

— Шрам и Снайпер.

— Согласно внутреннему уставу научной станции сталкерам открывать запрещено вследствие введения на территории базы чрезвычайного положения, — ответил второй, совсем уж деревянный голос, который вряд ли мог принадлежать живому человеку, скорее какой-нибудь дубоголовой «Буратине» с инструкцией в черепе вместо мозгов...

Я трижды выстрелил одиночными, и бронированное забрало шлема, неосторожно показавшееся из-за кустов, расколосось надвое. Но следом за ним показали еще двое «монолитовцев» в аналогичных экзоскелетах, которые одновременно выпустили по очереди из автоматов. И мне ничего не оставалось делать, как прикрыть собой незащищенную спину Шрама.

Пули ударили в нагрудные пластины, и лишь благодаря усилиям завизжавших от напряжения сервомоторов я не завалился на наемника, что нелучшим образом сказалось бы на его здоровье, — экзоскелет весил с полтонны, и попасть между ним и бронированной стеной научной базы удовольствие сомнительное. Грудь заныла, наверняка завтра на ней синяки будут с кулак величиной — если, конечно, я доживу до завтра.

Я выстрелил, но «монолитовец», сместившись вбок, ловко присел. Моя пуля лишь скользнула по его шлему, правда, вторая вошла точно в сочленение между забралом и нагрудной броней, опрокинув ловкача на спину. В это время его напарник, прекратив стрельбу, выхватил гранату...

— Мать вашу, суки яйцеголовые, доложите Сахарову или Круглову! — надрывался Шрам. — Они узнают, что вы нам дверь не открыли, сто пудов головенки вам с резьбы посворачивают!

— А шли бы вы, уважаемые... — обиженно отозвалась блямба. И тут же другим, уже знакомым голосом произнесла: — Так-так, что тут у нас?

— Какие-то неадекваты, профессор, посмотрите сами в монитор, — пожаловался невидимый «Буратино».

— Отчего же, я с ними вполне знаком...

Я выстрелил, очень надеясь, что мои навыки, несколько атрофировавшиеся за время, проведенное на острове, не подведут меня на этот раз. Если честно, я где-то в глубине души сейчас вознес короткую, но проникновенную просьбу, очень похожую на молитву. Кому — не знаю. Но, наверно, все-таки Зоне. Болотный Доктор говорит, что все мы — ее дети, так кого как не собственную мать зовет человек в минуту смертельной опасности?

И похоже, эта молитва, короткая как выстрел, достигла адресата. Я снова был пулей, вылетевшей из ствола моего АК. Я снова несся вперед, рассекая воздух, ввинчиваясь в него раскаленными боковинами, словно штопор в вязкую пробку. И я очень отчетливо видел цель — зеленый ребристый цилиндр, медленно вылетающий из раскрытой ладони «монолитовца».

Давно известно, что фанатики, облаченные в броню, не носят с собой наступательных гранат. Их оружие — оборонительные «эфки», так как экзоскелету практически не страшны осколки «рубашки» гранаты, взорвавшейся даже в десяти метрах от него.

Но сейчас был другой случай.

Пуля ударила точно в гранату, и та взорвалась рядом с головой «монолитовца». Когда рассеялся дым, я увидел жутковатую картину — живой танк стоял, подняв обрубок руки на

уровень глаз, словно пытался рассмотреть, что же такое с ней произошло. Но это ему никак не удалось — смотровое бронестекло расплющило и взрывом вдавило внутрь шлема, превратив в кашу его содержимое. И это самое содержимое, которому стало тесно в замкнутом пространстве, сейчас вылезло наружу неаппетитным с виду месивом, из которого свешивались на ниточках зрительных нервов окровавленные глазные яблоки.

«Монолитовец» постоял мгновение — и рухнул изуродованным лицом вниз. Но победу праздновать было рано — за ним показались еще несколько фигур в аналогичной броне. А мне просто необходима была секунда на то, чтобы сменить пустой магазин на полный...

— Быстрее! — дернул меня за плечо Шрам, и я потратил спасительную секунду с большей пользой для себя, нырнув в узкую щель между косяком и медленно открывающейся дверью. В которую снаружи тут же ударил шквал свинца.

— Закрывай, дебил! — заорал Шрам.

Вряд ли невидимый «дебил» услышал его вопль — наверно, сам догадался, что надо делать. Не завершив полный цикл открывания, дверь поехала назад, и ее неумолимому движению никоим образом не могли помешать бронированные пальцы, вцепившиеся снаружи в ее край.

Я невольно поморщился. Дверь, влажно чавкнув, встала на место. Под потолком шлюза загорелся аварийный красный свет, под которым четыре шевелящихся на полу окровавленных обрубка смотрелись еще более зловеще.

— Вот ведь гады какие упорные, — сказал Шрам. И непонятно к кому относились эти слова — к охранникам, которые не хотели открывать дверь, к «монолитовцам», преследующим нас до последнего, или к пальцам, которые настойчиво не желали умирать даже будучи отделенными от руки хозяина.

* * *

— Ну-с, рассказывайте, молодые люди, с чем пожаловали в мою скромную лабораторию?

Сахаров принял нас в своем личном кабинете, обставленном на удивление скромно. Письменный стол с двумя ноутбуками, практически похороненными под ворохом бумаг, стул на стальных ножках возле стола, забитый книгами стеллаж, два кресла возле него и висящая на стене между ними репродукция картины «Утро в сосновом лесу».

— Мы, наверно, порядочно навредили вам, профессор, — осторожно начал я. — Нарушили ваше перемирие с фанатиками.

— Не в вас дело, молодые люди, — покачал седой головой Сахаров. — Рано или поздно это должно было случиться. Если «Монолиту» удастся захватить Зону под свой контроль, вы думаете, истинные хозяева этой группировки потерпят у себя в тылу такую силу, как наша научная станция? Да никогда в жизни! У них полно своих ученых, и коллеги под боком, работающие в интересах вероятного противника, им абсолютно неинтересны. Так что после оккупации Зоны нам непременно предложат ее покинуть. Или не предложат, так как я и мои сотрудники знаем слишком много, и логичнее будет нас просто ликвидировать.

Профессор подошел к окну, за которым оранжевый закат нежно ласкал последними лучами солнца верхушки стройных берез. Качественная голограмма, только я все никак не мог взять в толк зачем она профессору? Тоскует по дому? Так уехал бы давно, тем более что его жизни угрожает действительно реальная опасность. Или, как настоящий капитан не может покинуть тонущий корабль, так и он не в силах бросить научную базу, которую создал мощью своего гения и талантом предпринимателя?

Что я и озвучил.

— Я буду защищать дело своих рук до последнего, — медленно произнес Сахаров. Впрочем, иного я и не ожидал от него услышать. — А вам, молодые люди, пора покинуть Зону, если хотите остаться в живых. Кстати, в память о ваших прежних заслугах перед

наукой я, пожалуй, помогу вам выйти за Периметр...

— Нам в Припять надо, — сказал я во второй раз за сегодня. И вторично наткнулся на недоуменный взгляд.

— Тогда вам проще сразу выпить цианистого калия, — сказал Сахаров. — Могу продать дешево по знакомству, и мучиться не надо будет.

— Ценю ваш юмор, — кивнул я. — Но, тем не менее, я не шучу. Если позволите, мы б отсиделись у вас на базе до рассвета, отдохнули немного и попробовали бы с утра пораньше прорваться на восток.

Сахаров покачал головой.

— Это стопроцентное самоубийство даже с вашими способностями. Вас только что чуть не размазали по стене моей станции. Хотите, мы спустимся в отсек внешнего наблюдения? Мою базу оцепили двойным кольцом, и нетрудно догадаться, что с утра «Монолит» подгонит сюда что-нибудь посущественнее бронированной пехоты. И что будет дальше, одной Зоне известно. Штурм, осада, блокада — я не знаю, но в любом случае ни о каком вашем прорыве речи быть не может.

Мы переглянулись со Шрамом. Дело плохо. Похоже, мы сами себя загнали в ловушку.

— Но вам надо в Припять, — задумчиво продолжал Сахаров, словно разговаривая сам с собой. — В Припять... И наземный путь исключен, так как, если даже случится чудо, в укрепленный фанатиками город вам не попасть... В Припять...

Он замолчал, глядя в одну точку. Прошла минута, вторая...

— Профессор, — негромко позвал Шрам.

— Да-да, — встрепенулся Сахаров, отрываясь от своей голограммы, в которой вечер плавно перетекал в звездную ночь. — Простите, немного задумался, пытаюсь решить вашу проблему. А может быть, и мою заодно. Понимаете ли, в общем-то давно уже не является секретом очевидный факт, что под Зоной имеется обширная сеть коммуникаций, прорытых еще во время постройки ЧАЭС. Это был единый комплекс секретных лабораторий по созданию новейшего психотронного и биологического оружия, и мощнейшая атомная станция обеспечивала его энергией. Естественно, для того чтобы этот комплекс невозможно было обнаружить со спутников, все ветви черновыльского метро проложили под землей...

— Как вы сказали? — переспросил Шрам. — Метро?

— Именно, — кивнул профессор. — Все лаборатории Зоны соединены между собой тоннелями в единый комплекс, значительная часть которого в настоящее время законсервирована.

— И я даже догадываюсь почему, — проворчал наемник. — Мутанты?

— Не только, — сказал Сахаров, отходя от окна и устало опускаясь в кресло. — Если на поверхности Зоны мы имеем дело с довольно ограниченным видовым набором мутировавших организмов, то под землей совершенно точно находятся плоды биологических экспериментов. Что с ними стало и во что они превратились, я не имею ни малейшего понятия.

— Что так? — поднял бровь Шрам. — А как же любопытство ученого?

— Меня интересует Зона и ее взаимодействие с миром-отражением, — довольно резко сказал Сахаров. — Но мне нет никакого дела до того, что делали или пытались сделать мои коллеги из несчастных добровольцев, согласившихся на ужасные эксперименты во имя науки. К тому же я, знаете ли, не имею желания открывать этот ящик Пандоры и наводнять Зону новыми чудовищами. Признаться, не хотелось мне рассказывать вам об этом факте, крайне неприятном для нашей науки, но не исключено, что в настоящее время это единственный выход. Если вы уверены, что сможете устранить свои и мои проблемы, а заодно и проблемы Зоны, добравшись до Припяти, то это, пожалуй, единственно возможный путь. Я надеюсь, что люди с вашей подготовкой и с вашими способностями имеют один шанс из тысячи пройти десять километров под землей от лаборатории X-16 до X-8, которая находится в Припяти.

— Скажите, профессор, а... много там этих потомков несчастных добровольцев? — поинтересовался Шрам.

— Не знаю, — сказал Сахаров. — Говорят, еще в одиннадцатом году как-то «долговцы» в районе Агропрома пробили одну из стен черныбыльского метро, так оттуда такое полезло... По-моему, тогда какой-то сумасшедший наемник спустился туда и сумел выправить ситуацию, активировав блок управления насосной станции и затопив подземелье.

— Да-да, я тоже об этом слышал, — рассеянно в тон профессору проговорил Шрам, вертя в пальцах ремень «Винтореза».

— Простите, так это... были вы?

Сахаров от удивления аж приподнял очки, глядя на Шрама, словно видел его в первый раз.

— Ага, — просто ответил наемник. — Но могу вам точно сказать, что десять километров по этим подземельям мы точно не пройдем. Просто не утащим с собой столько патронов, даже если подстрелим ту парочку болванов, что охраняет вход на вашу научную станцию, и сделаем из них «рюкзаки».

— Не надо ни в кого стрелять. У нас большой дефицит кадров, потому выбирать не приходится, — сказал Сахаров, вернув очки на место. После чего повернулся к нам спиной, подошел к висящей на стене репродукции «Утра в сосновом лесу» и провел пальцами по раме, нажимая в определенной последовательности на ее фигурные завитушки.

В картине что-то щелкнуло, и она плавно отъехала в сторону, открыв стальную дверь большого сейфа, вмурованного в стену. Поколдовав над кодовым замком, Сахаров отпер хранилище и отошел в сторону, жестом фокусника предлагая нам полюбоваться на его содержимое.

Я послушно любовался — и зажмурился. Таких сокровищ, собранных в одном месте, я никогда не видел.

На стальных полках в прозрачных контейнерах из толстого освинцованного стекла лежали артефакты. Пожалуй, самые крупные из тех, какие я когда-либо встречал. И понятное дело, что не «Медуз» и не «Капли» коллекционировал профессор.

— Да уж, — сказал наемник, скользнув слишком уж равнодушным взглядом по огромным «Кристаллам», «Пузырям» и «Снежинкам». — Говорила мне мама, учи, сынок, химию да биологию. Не слушался я маму, а вместо этого учился стрелять из рогатки. И, как говорится, что выросло — то выросло. А то, глядишь, тоже не шлялся бы по Зоне как неприкаянный, а сидел себе в бронированном термосе и собирал коллекцию — чисто для души.

Сахаров усмехнулся в усы.

— Ну, насчет «для души» это вы, молодой человек, погорячились. Все для науки. И лишь иногда для таких вот экстренных случаев, как этот.

После чего ученый вновь нырнул в сейф и извлек оттуда пару одинаковых хрустальных контейнеров, каждый из которых стоил раз в двадцать дороже обычного, которые сталкеры таскают на поясах своих костюмов. И на кой такие понты? Только ради того, чтобы, не открывая крышки, любоваться на артефакт через полированные стенки?

В контейнерах, источая мертвенно-бледный свет, лениво плавали два шара, каждый величиной с кулак взрослого мужика. Шрам немного напрягся.

— Поосторожнее вы с ними, — сказал он. — Эти шарики фонят как небольшие реакторы, даже через контейнер прошибает.

— Не беспокойтесь, некоторые артефакты имеют свойство менять свою природу от Выброса к Выбросу, — сообщил профессор истину, старую как сама Зона. — Например, осенью одиннадцатого года «Лунный свет» замечательно блокировал пси-излучение, правда, при достаточно высокой дозе радиоактивного излучения. Вы совершенно правы, при использовании «Лунного света» негативный эффект данного излучения приходилось гасить другими артефактами. Но с недавнего времени это чудо природы практически перестало

быть опасным для человека, приобретя новые свойства. «Лунный свет», собранный после весны двенадцатого года, это фактически та же «Снежинка», которую можно использовать без малейшего вреда.

— Угу, — кивнул Шрам. — Слышал про такое. Только одно небольшое «но». Варана из «Свободы» убило батареей от часов, когда он нес на себе «Лунный свет» раза в два меньше того, что вы только что достали из сейфа.

— Опять двадцать пять, — Сахаров развел руками, в каждой из которых было по контейнеру. — Вы уж извините, господа, но, по моему разумению, пройти тоннель можно только одним способом — так, чтобы хтонические чудовища Зоны не успели распознать в вас потенциальную добычу. И могу заметить, что данные артефакты стоят раз в десять дороже побитого экзоскелета, который вы можете предложить в обмен на них.

Вот здесь Сахаров был прав. Разве что в цене ошибся немного — естественно, в свою пользу. Но тут он хозяин положения, потому я скромно промолчал.

— Но, если вы доберетесь до Припяти и сумеете остановить экспансию «Монолита», я готов простить вам этот долг, — сказал ученый, бережно кладя контейнеры на стол. — Более того, не поспею на приз, который наверняка устроит вас обоих, — ведь речь идет о моей научной работе на Янтаре, а это для меня дороже любых денег и артефактов.

— Договорились, — сказал я. — Единственный вопрос — как вы откроете вход в черныбыльское метро и как мы сможем вылезти наружу, если достигнем лаборатории X-8?

— Очень просто, — сказал Сахаров. — Запоминайте коды доступа.

* * *

— А ведь профессор сам наверняка приложил руку к созданию этого самого подземного метро. И коды знает, и схему, и какие твари в тех тоннелях шарятся, — задумчиво сказал Шрам, когда мы шли по длинному коридору в сопровождении молчаливого громилы по прозвищу Левша. Кстати, интересное у него погоняло. Этот сталкер наверняка или мастер-самоучка каких поискать, или стреляет с обеих рук одинаково метко. Или и то и другое вместе.

— Может, и так, — не стал спорить я. Мне сейчас было не до споров. Дотянуть бы до койки, а там хоть трава не расти.

Левша привел нас в жилой сектор, где для нас была выделена отдельная маленькая келья с душем, столом, стульями и двумя вполне комфортабельными койками.

— Ужин сейчас принесут, — сказал он, захлопывая за нами тяжелую стальную дверь.

Я подошел к ней, толкнул. Закрыто.

Шрам усмехнулся в бороду.

— Видно, что впервые у Сахарова с ночевкой. Это норма для яйцеголовых, чтоб гости по базе не шатались и не совали нос куда не следует.

— Да по барабану, — сказал я, возвращаясь на свое место и берясь за автомат, — после активного использования оружие требовало серьезной чистки. — Так, для себя проверил.

— Ну и «торпеды» у профессора, — покачал головой наемник, берясь за свой «Винторез». — Сам он, что ли, таких выращивает — одни мышцы с головой, в которую они едят.

Полчаса мы оттирали оружие от нагара и грязи, пока Левша не принес нам поднос с одноразовыми тарелками и кружками.

— Благодарю, баландёр, — хмыкнул наемник. — Будешь уходить, тормоза закоцать не забудь. Кстати, броня тут у вас неправильная — ни шнифта, ни кормушки.

— Да и вы не в тюрьме, — равнодушно произнес сталкер, ставя поднос на стол. — Кишковать закончите, шлёнки с кругалями прямо в дальняк определяйте, он автоматически любую материю разлагает на молекулы.

Я усмехнулся, глядя на слегка растерянное лицо Шрама. Вот тебе и «мышцы с

головой»!

— Судя по музыке, тебе до того, как в Зону попал, и на обычной зоне чалиться приходилось? — как бы между делом осведомился я, когда Левша вышел за порог.

— А ты с какой целью интересуешься? — тут же прищурился Шрам.

— А ты с какой целью интересуешься насчет того, с какой целью я интересуюсь?

Наемник почесал бороду, прикинул что-то про себя и выдал:

— Все, по ходу базар окончен, расходимся краями. И прошлое оставляем в прошлом. У нас завтра настоящего будет невпроворот.

— Принято, — кивнул я.

После ужина мы в темпе собрали оружие и завалились спать — завтра и вправду должен был быть трудный день, и неизвестно, доживем ли мы вообще до следующей ночи. Впрочем, мысли такого рода уже давно меня не напрягали — слишком часто в Зоне ночью дожить до утра, а днем до вечера и есть самая большая проблема...

Едва первые блеклые лучи солнца проникли в нашу келью через узкое, похожее на бойницу окошко, мы были уже на ногах. Наскоро плеснули в лицо холодной водой, и только Шрам занес ногу, чтобы начать молотить сапогом в дверь, как та отворилась. За ней стоял Левша с неизменным подносом.

— Кушать подано, идите жрать, пожалуйста, — мрачно сказал он. Видно было, что обязанности официанта сильно тяготят сталкера. Но, видать, и вправду на базе ученых был дефицит кадров и порой приходилось жертвовать репутацией, чтобы лишний раз не светить перед гостями то, чем на самом деле занимается научная станция.

Пока мы завтракали, Левша сидел на койке, привалившись спиной к стене. Нормальная привычка бывшего воина — использовать для отдыха каждую свободную минуту. А после того, как мы выбросили в несколько необычной формы унитаз пустые тарелки, он поднялся одним текучим движением и, вытащив из кармана две маски-омоновки, протянул их нам.

— Надевайте, только прорезями на затылок.

Шрам брезгливо взял маску двумя пальцами, понюхал и скривился.

— По ходу, они у тебя в карманах со Второго Взрыва тусуются. Ты давно свою камуфлю стирал, баландёр?

— Давно, — кивнул спокойный как удав Левша. — Только маску все равно надеть придется. Иначе отсюда не выйдете.

— Эх, жисть моя сталкерская, — вздохнул Шрам, натягивая на голову омовку. — Снайпер, если я задохнусь, напиши на моей могиле: «Пал жертвой научного эксперимента по выживанию. В моей смерти прошу винить живодера...» — как там тебя кличут, баландёр?

— Маркиз де Сад. Руки мне на плечи кладите — и пошли, — по-прежнему невозмутимо сказал Левша...

Даже я сбился со счета, сколько раз мы повернули, прежде чем наш проводник разрешил снять маски. Проморгавшись от яркого света, резанувшего по глазам, я понял зачем понадобилась такая секретность.

Это была оружейная. Я заморозенно обвел взглядом многочисленные стеллажи, полки, пирамиды и стенды, расположенные вдоль стен зала площадью метров в двести, не меньше. Само собой, его середина тоже не пустовала — на полу раскорячились пулеметы, минометы и дальнобойные снайперские винтовки на сошках. Рядом с ними стопками лежали разнообразные защитные костюмы — от обычного камуфляжа с кевларовыми вставками до новейшего экзоскелета четвертого поколения «WEAR 4Z».

Но больше всего притягивала взгляд пирамида, в которой свободно, словно обычные автоматы Калашникова, стояло штук пятнадцать новехоньких гаусс-пушек.

— Хорошо живете, — одобрительно сказал Шрам. И ткнул пальцем вглубь комнаты. — Никак изделие номер шестьдесят три?

— Почти угадал, — кивнул Левша. — Шестьдесят четыре. Гаусс, стреляющий не

одним типом искусственных артефактов, порождающих аномалии, а четырьмя — «Жарка», «Электра», «Воронка» и «Кислотный туман», аналог активной дымовой завесы. Магазин на двадцать зарядов, причем тип того или иного артефакта задается переводчиком режимов огня.

— То есть, если я захочу, то могу двадцатью «Жарками» стрелнуть. Или двадцатью «Электрами» — на выбор.

— Точно, — сказал Левша. — Но лучше губы закатайте, эта машинка не продается и не выдается даже на самые ответственные задания.

— Так вот откуда у «Монолита» гауссы, стреляющие артефактами, — пробормотал я.

— На этот раз не угадал, — довольно резко сказал Левша. — Это у нас рабочие гауссы изначально появились на основе трофейных «монолитовских». В этом плане, надо признать, они на шаг впереди наших ученых. Мы лишь копируем и пытаемся улучшить их разработки. Но вы лучше помалкивайте о том, что здесь видели, вам же лучше будет.

Это прозвучало недвусмысленно, хотя никто и не собирался нестись в ближайший бар и трезвонить о навороченном арсенале ученых. Ссориться с учеными — себе дороже. Да и вообще длинный язык никого никогда до добра не доводил — что в Зоне, что на Большой земле.

— В общем, экипируйтесь по полной — и погнали, — сказал Левша, поправляя воткнутый в ухо наушник. — Только что передали — «монолитовцы» зашевелились, так что поторопитесь, пока они не предъявили веские аргументы насчет вашей выдачи.

— Понятное дело, на месте Сахарова ты бы не морочился, а тупо сдал злодеев фанатикам на растерзание, — сказал Шрам, снимая со стенда новенький «Винторез». — Эх, пристрелять бы машинку!

— В метро пристреляешь, — мстительно сказал Левша. И добавил: — Мужики, я серьезно, поторопитесь. Время дорого.

Шрам пробормотал: «Мужики в колхозе землю пашут, а тут бродяги-сталкеры от беспредела страдают», — но развивать тему не стал — небось просто все никак отойти не мог от ночевки в келье размером три на три метра, в которой автоматом включились воспоминания о прошлом...

...Собрались мы минут за десять. Шрам, повертев в руках «нулевой» «Винторез», все-таки повесил его обратно. И я его вполне понимал — пристрелянный ствол лучше незнакомого. Наемник лишь «шкуру» сменил — откопал себе в куче снаряжения тактический пыльник того же цвета, что и старый, но с подкладкой, продуманной на манер разгрузки: и карманы под магазины там имелись, и чехлы для метательных ножей, и специальные подвесы для гранат. В сочетании с еще одним его приобретением — легким, но прочным бронежилетом ПС5 от костюма «Берилл-5М» такая разгрузка была в самый раз для того, кто не мыслил для себя путешествий по Зоне без плотной хламиды, заменяющей и плащ, и палатку, и спальный мешок. А чтоб полы той хламиды не трепыхались, словно крылья, Шрам перепоясался прочным кожаным ремнем. Может, оно и не соответствует бандитско-«рenegатовской» моде, зато на бегу гранаты с магазинами по ребрам не стучат и не норовят вывалиться из нестандартной разгрузки.

Я же, особо не морочась, сменил свои потрепанные, грязные обноски на «Страж Свободы». Броня не особо тяжелая, но надежная, которую хитрые анархисты заказывают себе где-то за бугром. Плюс контейнер вместительный под «Лунный свет» имеется. Это Шраму, похоже, сподручнее артефакты в складках своего бэтменовского пыльника таскать, а по мне лучше, если снаряга сидит плотно, как влитая. Ну и патронов набрал я для своего АК под завязку. Облизнулся, конечно, на новенькую СВУ, но отказался от мысли пополнить экипировку вторым стволом — даже укороченная снайперская винтовка может оказаться серьезной обузой во время предстоящей гонки по подземельям.

После того как мы закончили со снаряжением, Левша снова заставил нас надеть маски и повел лабиринтами научной станции, длинными, словно путь грешника в аду. Ступеньки,

коридор, ступеньки, лифт, от скорости спуска в котором заныло под ложечкой, коридор, и снова ступеньки...

Хммм... Кстати, очень вряд ли, что эти бесконечные коридоры все еще находятся под базой ученых. По всем расчетам мы уже давно вышли за ее пределы и идем... Где? Под озером Янтарь? Вполне возможно, судя по запаху сырости и плесени.

Наконец Левша скомандовал:

— Снимайте наглазники, бойцы.

Мы стянули маски.

Понятно. Примерно это я и ожидал увидеть. Бетонная «кишка» со ступеньками, ведущими наверх. Под потолком — красные лампочки аварийного освещения. Наверняка «вечные», однажды во время аварии загоревшиеся — и до сих пор работающие по странной прихоти Зоны без каких-либо источников энергии.

Наш проводник был запакован в «Севу», одну из лучших моделей киевского оборонного НИИ, выполняющего заказы ученых. В руках он держал давно снятый с вооружения советский ранцевый огнемёт ЛПО-50, судя по внешнему виду складского хранения и наверняка в рабочем состоянии.

— Мы с вами сейчас под территорией заводского комплекса, на которой находится лаборатория Х-16,— прогудел через мембрану шлема Левша. — После того как Меченым был отключен экспериментальный биологический излучатель Кайманова, представляющий собой гигантский рукотворный мозг, зомби в этих местах стало маленько поменьше. Но все равно они, зараза, тащатся сюда со всей Зоны — по старой памяти, что ль? И snorkов до хренища, кстати. В общем, тема следующая. Сейчас выходим, сразу направо — и ходу вдоль забора. Дальше я подскажу.

— И это правильно, — сказал Шрам. — До того места, как ты нам подскажешь, мы тебя беречь должны как зеницу ока.

— Типа того, — невозмутимо сказал Левша. — Короче, рванули.

Мы поднялись наверх, Левша набрал код на замке, встроенном возле косяка, и толкнул... стену. Которая, кстати, легко подалась вперед.

Левша отодвинулся, пропуская нас в образовавшийся проход. И это тоже было правильно — попадание пули в его баллоны с горючей смесью, мягко говоря, нежелательно для всей команды, а зомби порой попадают весьма меткие.

Неудивительно, что, как и всякое порядочное логово, база ученых имела подземные выходы наружу. Но я бы на их месте постарался хотя бы этот выход организовать в менее экстремальном месте.

Мы со Шрамом словно два чертика из табакерки выскочили из строения, замаскированного под силовую станцию. Я еще успел заметить на открывшейся двери надпись «ТП 51 86 РУ 10 КВ» и значок — треугольник с вписанной в него молнией, перед тем как на меня прыгнул snork.

Мерзкая, почти разложившаяся, но, тем не менее, вертлявая тварь с драным противогазом на башке появилась словно из ниоткуда и ловко попыталась выбить ногой автомат из моих рук.

Я увернулся и вцепил ей прикладом прямо в очковый узел. Стекла противогаза лопнули, snork завизжал — даже мутанту с пониженной чувствительностью вряд ли понравится, когда острые осколки втыкаются в глаза. Что, впрочем, не помешало ему прыгнуть вторично.

На этот раз я встретил его очередь, прервавшей прыжок в метре от моего лица. Мутанта практически распорол надвое свинцовым ножом и отбросило назад словно изуродованную куклу. Я оглянулся, ища Шрама.

Ага, наемнику тоже досталось работы. Предоставив мне разбираться со snorkом, он взял на себя пару зомби, где-то разыскавших американские карабины LR-300, снабженные глушителями. При жизни подкованные в военном деле ходячие трупы огнем с двух стволов

сумели загнать Шрама за полуразвалившийся, ржавый грузовик, что ему решительно не понравилось.

Нехорошо оскалившись, наемник выдернул из-за подкладки пыльника две гранаты и метнул их через кузов грузовика.

— Псих, — только и успел сказать высунувшийся из будки Левша, ныряя обратно. Я был примерно того же мнения, сноровисто падая на живот, — Шрам не поспешил на оборонительные «эфки», разлет осколков которых, согласно воинским наставлениям, достигает двухсот метров. Нам же, находясь метрах в тридцати от взрыва, вполне светило превратиться в зомби, начиненных фрагментами чугуновой «рубашки» Ф-1 по самое «не хочу».

Легкомысленный свист осколков над головой возвестил — на этот раз пронесло. Хотелось мне высказать Шраму всё, что я о нем думаю, да не до того было — со стороны руин крановой эстакады, возвышающихся над типично заводским пейзажем, доносился многоголосый характерный лай — словно нескольких собак придушили одновременно.

— Доигрались, стрелки-гранатометчики! — крикнул Левша, наконец выбежав наружу и не забыв захлопнуть за собой тяжелую дверь. — Там по ходу стая снорков, голов в двадцать! Бегом!!!

Дважды повторять не потребовалось.

Мы неслись вдоль забора как угорелые к четырехэтажному кирпичному зданию, а сзади нас подгоняли хрипы и завывания самых странных и, пожалуй, самых страшных мутантов Зоны после знаменитых кровососов. Ибо попасть в снорка сложнее, чем в слепую собаку, читающую твои мысли как раскрытую книгу, а уклониться от удара когтистой лапы получается лишь один раз из десяти, чисто на рефлексах, как у меня случилось только что.

— Налево... последний подъезд, — прохрипел Левша на бегу. — Ныряйте туда...

— А ты? — бросил я через плечо.

Но сталкеру было не до меня. Видимо, сейчас он просто выполнял задание Сахарова, о котором я мог лишь догадываться, — довести нас до тоннеля любой ценой.

Левша выставил перед собой трубу огнемета, и черную волну снорков накрыло струей пламени.

Воздух разорвал многоголосый, ужасающий вой. Даже меня пробрало до костей — все-таки это страшно, когда сгорают заживо только что бегавшая тварь, пусть даже мутировавшая. Потому скорее из милосердия я длинной очередью высадил по живому костру полный магазин.

— Я сказал уходите! — проревел Левша.

— Сказал он, ишь ты, командир выискался, — сплюнул я на побитый асфальт. — Вот теперь и уходить можно.

Действительно, впечатленные огнеметом снорки отпрянули назад. Лишь отдельные наиболее агрессивные особи, встав на задние лапы били себя в грудь на манер горилл, тем не менее не решаясь перепрыгнуть через корчащиеся в агонии тела собратьев по стае.

Мы же, не дожидаясь, пока твари наберутся смелости, со всех ног мчались к подъезду, перед которым стоял разбитый взрывом БТР. Рядом с останками боевой машины в изобилии валялись скелеты, облаченные в полуистлевшие сталкерские костюмы. На многих черепах ветер шевелил обрывки противогаров, и сейчас уже не представлялось возможным разобрать, кто из мертвецов при жизни был человеком, а кто снорком или зомби. Зона уравнила всех одной свинцовой меркой, а ветра и выбросы перемешали в одну большую кучу одинаковые кости.

Перепрыгивая через трупы, мы ворвались в подъезд.

— Туда, — ткнул Левша стволом пускового устройства огнемета, выполненным в виде ружья с откидными сошками.

«Туда» вела самая обычная лестница, какие обычно встречаются в подъездах жилых домов старой постройки. Странно, я несколько по-другому представлял себе вход в

секретную лабораторию. Ну да ладно, маскировка порой дело тонкое, как Восток, и неожиданное, как приступ диареи.

Наша тройка бегом скатилась по лестнице. Сзади нарастал рев осмелевших снарков, но Шрам, обернувшись на бегу, швырнул через подъездный проем на улицу еще одну «эфку» — и рванул вниз впереди всех, перепрыгивая через три ступеньки. Не иначе, пока я любовался продвинутым гауссом в лаборатории Сахарова, наемник нацепил под свой пыльник пару поясов шахида, начиненных оборонительными гранатами как стручок горошинами.

Грохот взрыва вместе с новой волной визга и воплей донесли до нас слегка приглушенными — за четыре секунды мы, врубив на бегу налобные фонари, успели преодолеть три пролета лестницы. Еще два раза по столько — и лучи наших индивидуальных прожекторов выхватили из темноты распахнутые створки большого грузового лифта, внутри которого два зомби деловито выискивали друг у друга вшей. Нормальная добыча, учитывая, что кровососущие паразиты Зоны порой достигают размеров с половину спичечного коробка. Один из охотников, наиболее удачливый, как раз запихивал в рот добычу. Понятно, голод не тетка, и при отсутствии свежего сталкерского мяса зомби использовали принцип фастфуда, наверняка знакомый им при жизни, — едим не то, что хочется, а то, что дешево и легкодоступно. Однако позавтракать ходячим трупам не удалось — очереди из двух стволов разнесли и завтраки, и черепа сотрапезников, не успевших при виде нас схватиться за изрядно побитые американские карабины.

— Лифт работает? — осведомился Шрам, отпихивая ногой в сторону обезглавленный труп, все еще пытающийся встать на ноги.

— Должен, — ответил Левша, бросаясь к раскуроченному электрощиту справа от лифта. — Отойдите, а то ваши «Лунные камни» коротнуть могут, мигом в головешки превратитесь.

Я видел, как сталкер быстро извлек из контейнера маленький потрескивающий шарик и сунул его между оборванных кабелей. В щите полыхнуло что-то, после чего древний лифт вздрогнул, словно застоявшийся конь.

— Теперь можно!

Вслед за Левшой мы бросились в кабину. И вовремя — по лестнице уже скользили корявые, приземистые тени. Но сталкер вдавил кнопку на пульте, и лифт неторопливо тронулся вниз.

— Вот сука! — процедил сквозь зубы Шрам, всаживая пулю в раззявленную пасть наиболее шустрого снарка.

Мутант, подавившись свинцом, шлепнулся брюхом на бетонный пол, но все-таки инерция мощного прыжка оказалась сильнее встречного удара пули. Проехавшись на животе, снарк влетел простреленной башкой в кабину — и его шея оказалась точно между ее крышей и краем лестничной площадки.

Послышался омерзительный хруст, и отрубленная голова мутанта упала нам под ноги.

— Прямо как в нормальной жизни на Большой земле, — прокомментировал событие Шрам, вставляя в свой «Винторез» новый магазин от автомата «Вал» емкостью в двадцать патронов. — Пацан шел к успеху — и надо же, такой облом.

— Готовьтесь, — мрачно произнес Левша. — Там внизу по ходу таких пацанов немерено. И каждый стремится к успеху.

— Это ты «Вспышку» в щит сунул? — поинтересовался я у сталкера, присоединяя «Бритву» к АК на манер штык-ножа, благо посадочное место автомата позволяло. Готовиться — так по полной.

— Ее, — кивнул Левша. — Универсальный арт для активации старого электрооборудования. Только, как и везде, надо знать куда совать, а то и в морду можно схлопотать. Вольтовой дугой в данном случае. Я ж раньше электриком был, на Большой земле.

В его голосе, отфильтрованном мембраной шлема, я все-таки расслышал явную тоску.

Понятное дело. Каждый в Зоне грустит по прошлой жизни в большей или меньшей степени. Но при этом практически никто не возвращается обратно. Некоторым, конечно, удастся соскочить с этого экстремального наркотика, но, как показывает практика, происходит это очень ненадолго...

Лифт ткнулся о дно шахты, и мы услышали, как заскрипели и лопнули под его весом проржавевшие насквозь пружины-амортизаторы. Кабина угрожающе накренилась, грозя развалиться на составляющие, но наш маленький отряд уже выскочил наружу, ошестинившись стволами.

Мы оказались в огромном зале. Вопреки предсказаниям Левши он был пуст, лишь различный мусор, обломки рухнувшей стальной эстакады и высохшие трупы устлали пол. Да еще в дальнем углу упирались в потолок механизмы непонятного назначения.

— Налево, — коротко скомандовал наш проводник, направляясь к прямоугольному проему в левой стене зала. На подходе к цели наши фонари выхватили остатки красно-белой плитки на стенах и пару разбитых раковин внутри помещения.

— Туалет типа сортир, — сказал Шрам. — Левша, а ты точно уверен, что хочешь все сделать культурно? А то получится прям как в анекдоте про благородного принца и напрочь засранную страну: «Извините, принцесса, а где у вас тут покакать можно?».

Левша, понятное дело, на слова наемника не отреагировал, а, поводя из стороны в сторону стволом огнемета, побежал в дальний конец клозета мимо ряда покрытых ржавым налетом, но на удивление целых унитазов.

— И чем его эти толчки не устраивают? — не унимался Шрам. — Эстет. По ходу тот, что почище, выбирает.

Но удобства интересовали Левшу меньше всего. Подойдя к дальней стене, он последовательно нажал на несколько плиток и отошел на три шага. Дуло его огнемета было направлено прямо на стену... которая вдруг бесшумно ушла в пол. В открывшемся черном проеме что-то шевельнулось, и тут же оружие Левши плеснуло огнем. Дикий, нечеловеческий крик ударил по ушам, но сталкер продолжал поливать горючей смесью пространство перед собой.

И тут эхом вопля неведомых существ, сгорающих заживо в открывшемся подземелье, за моей спиной раздался знакомый вой. Пока что он неся из-за стены, но ясно было — нас почуяли и до встречи с новой волной мутантов остались считанные секунды.

— А вот и старые друзья, — ухмыльнулся Шрам, разворачивая назад ствол «Винтореза» и делая шаг к выходу из клозета. Но претворить свое намерение в жизнь не успел.

— Уходите! — закричал Левша, дергая наемника за рукав. — Активизируйте артефакты и уходите!! Быстрее!!!

— А ты? — удивился Шрам. — Щас здесь снорков будет как грязи в Рыжем лесу.

— У меня еще один выстрел имеется, — произнес Левша. — Удачи.

— И тебе, — очень серьезно сказал наемник.

* * *

Сталкерский контейнер для артефактов напоминает старинный фотоаппарат. Сверху крышка, снизу дно, с трех сторон стенки, а с одного боку — освинцованные шторы, всегда повернутые к телу того, кто тащит на себе вместительное сталкерского счастья. И кнопка под стеклянным колпачком. Желаете испытать удачу — снимаете колпачок, давите на кнопку, шторы раздвигаются, и артефакт начинает интенсивную обработку вашего тела излучением, понять природу которого вот уже седьмой год безрезультатно пытаются ученые всего мира. Ясно лишь одно — у разных артефактов излучение разное, но природа его одна. Аномальная. Не принадлежащая этому миру, чуждая ему, как раковая клетка. Но каждый день в течение семи лет, прошедших со времени Второго Взрыва, по-прежнему сталкеры откидывают

стеклянные колпачки и нажимают на кнопки своих контейнеров, не зная при этом, как скажутся на их дальнейшей судьбе побочные эффекты аномального излучения.

Потому что у каждого они проявляются индивидуально, и здесь бессильны самые мощные и современные радиопротекторы.

Чаще всего любители становиться на некоторое время суперменами потихоньку превращаются в мутантов — не раз в Зоне встречали снарков со сталкерскими поясами, на которых болталось до полудюжины активированных контейнеров. Бывает, что они просто тихо умирают. А потом встают со смертного одра, берут автомат или, на худой конец, вилку, втыкают ее в глаз родственнику или скорбящему лучшему другу, выжирают его мозг и дальше идут гулять по Зоне, подарившей им вечную жизнь... до первой сталкерской пули.

Слышал я истории о том, как активизированные артефакты превращают людей в аномалии, но думается мне, что это лишь сталкерские байки. Сам увижу такое — тогда поверю. Но еще и везет многим. Ходят годами по Зоне с почти не закрывающимися шторками контейнеров — и ничего, какими были, такими и остались, по крайней мере внешне. К тому же стать мутантом или зомби не самое страшное для сталкера, ведь ни один из твоих товарищей не поспеет на пулю для собрата по оружию, попавшего в беду. Смерть же здесь уже много лет никого не пугает — ведь ты сам ходячая смерть с автоматом в руках, и весьма странно для нормального человека бояться самого себя...

Мы со Шрамом бежали по длинному, бесконечному коридору, ширина которого была не меньше десяти метров — и столько же в высоту. Короче, бетонная прямая кишка подземной Зоны. Во всех смыслах.

Ибо она была буквально набита живым биологическим дерьмом, жрущим само себя.

В самом начале я прикинул, что если активированный «Лунный свет» позволяет бежать с постоянной скоростью чемпиона Олимпийских игр на короткие дистанции, то десять километров мы промчимся минут за пятнадцать.

Ага, размечтался...

Когда пламя от огнемета Левши несколько опало, мы, не дожидаясь пока из темноты на нас попрут сотоварищи поджаренных монстров, рванули вперед прямо по корчащимся, обугленным трупам. Широкие лучи наших налобных фонарей то и дело выхватывали из темноты горящие алым светом глаза, оскаленные пасти, когтистые лапы — и мы стреляли раньше, чем мозг успевал переварить информацию и заставить тело трястись от первобытного ужаса. Это и есть рефлекс сталкера, без которого в Зоне не выжить, — стрелять раньше, чем успеешь испугаться.

Первую пару минут мы бежали молча, то уворачиваясь от ударов из темноты, то сами нанося удары ногами, локтями и прикладами, когда не было возможности вовремя повернуть ствол. Чаще всего эти удары не причиняли вреда неведомым чудовищам, а лишь по инерции отбрасывали назад нас самих, давая возможность всадить очередь в источник рева и зловония.

«Лунный свет» пока что позволял нам быть быстрее охотников за человеческим мясом, но я прекрасно понимал — при битве в таком режиме заряда артефактов надолго не хватит. Мы вряд ли продвинулись вперед на пару километров, а сил уже было потрачено немерено — тех, что вливались в наши организмы из контейнеров, висящих на сталкерских поясах. Да и некоторые удары кошмарных порождений человеческого разума все же достигали цели, и, если б не бронекостюмы, мы с наемником давно уже были разорваны на кусочки.

Я прорубал себе дорогу несколько более эффективно, нежели Шрам, — «Бритва» легко кромсала живую плоть чудовищ, что в данной ситуации оказалось немалым подспорьем.

— Давай за мной! — заорал я. — Отсекай тех, что прут сбоку!

Наемник понял и мгновенно перестроился ко мне в кильватер. Дело пошло немного быстрее — я пер вперед эдаким наконечником копья, а Шрам короткими, злыми очередями закреплял успех.

Внезапно напор неведомых подземных чудовищ ослаб. Похоже, монстры набились к

выходу из тоннеля, через стальную заслонку почуяв тепло человеческих тел. Ничего удивительного: тот же контролер запросто пеленгует присутствие живого объекта, находящегося от него за десятком бетонных строений. Так что для голодных тварей какая-то секретная бронированная дверь в туалете заброшенной лаборатории?

В общем, мы вырвались. Вот только надолго ли? Я чувствовал, как внутри распоротого рукава моего «Стража Свободы» растекается теплая кровь, но сейчас это было неважно. Главное — добежать, остальное — детали. Одно плохо — запах свежей крови наверняка привлечет новых, менее чувствительных монстров, которые не обратили внимания на тепло за стеной, но на запах кровотокающего мяса отреагируют стопроцентно.

Правда, пока что рев тварей слышался преимущественно за спиной. Подземным жителям не было особой нужды развивать скоростные качества — куда ж добыча денется из замкнутой системы тоннелей? Рано или поздно сама в пасть приползет. Это мелким хищникам скорость необходима...

В чем я убедился немедленно.

Шрам, которому надоело нестись за мной следом, вновь переместился вперед и сейчас бежал рядом со мной. Капюшон его балахона был откинут назад, а шлемы мы решили не брать еще в лаборатории — обзор несколько снижается из-за бронированных боковин, помимо защиты поневоле выполняющих роль лошадиных наглазников. Вследствие чего замедляется реакция на опасность. Так вот, сейчас по этому балахону к затылку наемника ползла жуткого вида мерзость, похожая на человеческий мозг с щупальцами кровососа на брюхе. Этими щупальцами она довольно ловко цеплялась за складки капюшона и рывками карабкалась вверх.

«Неужели он не чувствует, кого на спине везет?» — промелькнула мысль в моей голове, одновременно с которой я осознал — Шрам чешет вперед чисто на автомате с глазами смотрящими в одну точку.

До затылка наемника твари оставалось буквально несколько сантиметров — если бы не тряска, она б уже давно достигла цели. А стрелять было опасно. Не то чтобы я боялся попасть в Шрама, просто хрен его знает, как он отреагирует на выстрел, будучи в трансе. Возьмет да и прошьет в ответ очередью из «Винтореза»...

И тут живой мозг решил на бросок. Уцепился задними щупальцами за складки капюшона и выбросил вперед передние — точь-в-точь атакующий кровосос. Тут я и ткнул в него штыком, светящимся в темноте слабым лазурным светом.

Все вместе от того момента, как я увидел тварь, до того, как она принялась корчиться на клинке «Бритвы», заняло не больше пары секунд. На третьей секунде Шрам споткнулся и чуть не зарылся носом в бетон. Но удержался на ногах и прохрипел:

— Что это... было?

— Вот что, — ткнул я ему под нос тварь, облепившую щупальцами ствол моего автомата. После чего нажал на спуск.

Кровавые лохмотья вперемешку с разодранными на части извилинами брызнули в разные стороны.

— Благодарю, — выдохнул наемник, на бегу утирая лицо рукавом пыльника. Знакомая реакция после ментальной атаки мутанта — ощущение словно кожу на лбу и на щеках стянуло невидимой паутиной. Хотя почему мутанта? Сахаров же говорил, что тоннели набиты плодами биологических экспериментов ученых. Так что Зона здесь, пожалуй, и ни при чем...

Внезапно над нашими головами замелькали какие-то тени. Я поднял голову и присмотрелся. Реально тени — и ничего больше. Тысяча кровососов! Кажется, я знаю природу этого странного явления... как и то, что за ним последует.

— Шрам, огонь по теням! — взревел я, выпуская длинную очередь в бетонный потолок тоннеля.

— На хрена?

Вопрос наемника потонул в истошном визге. Мой фонарь выхватил строчку зависших в воздухе пулевых отверстий, из которых хлестала черная кровь. И означать это могло лишь одно — я не ошибся.

— Ходу!!!

Хотя, наверно, и без моего вопля было понятно — автоматы здесь далеко не панацея, наше спасение лишь в скорости...

Позади меня что-то грузно шлепнулось на бетонный пол. Я притормозил, развернулся на каблуках и всадил остаток магазина в голову раненого монстра, сорвавшегося с потолка. Но перед тем, как череп твари взорвался словно переполненный гноем нарыв, я успел зафиксировать в сознании кадр этой безумной ленты, называемой моей жизнью: зубастая пасть, огромные фасеточные глаза, усы-антенны каждый длиной с полметра. На человеческом торсе безумный биоконструктор прошлого разместил вместо рук осминожки щупальца с присосками и ноги, вывернутые коленками назад. Эти уродливые нижние конечности оканчивались страшными пилами, одного удара которых было вполне достаточно для того, чтобы перерубить человеческую шею или конечность. Идеальная машина убийства, созданная именно для подземелий — невидимка с режимом «стелс», способный прыгнуть сверху на плечи жертвы, перерезать ей горло, а после, схватив ногами бездыханное тело, подпрыгнуть и умчаться по потолку.

Но сегодня у потолочника номер не прошел — и то лишь потому, что я раньше встречался с этой пакостью и кое-что знал о ее повадках. Как и то, что преследовать нас стая не будет.

Я уже снова мчался по тоннелю, а сзади меня все тише становилось многоголосое довольное урчание — сотоварищи убитого монстра разделявали своими пилами еще теплое тело, предпочтя готовый завтрак сомнительным перспективам опасной охоты.

— Два раза... за две минуты...

В голосе Шрама слышалось явное сожаление. Понятно о чем он — все со своими Долгами Жизни морочится. Я уж забыл давно, кто кого сколько раз выручал в щекотливой ситуации, но для многих сталкеров Долг Жизни превыше всего. Ну да, по идее, потолочник собирался спрыгнуть наемнику на голову. И было бы из-за чего сокрушаться. Главное, слава Зоне, живой, руки-ноги шевелятся, голова работает, а с остальным разберемся в рабочем режиме.

Мы уже минуты три неслись по прямой словно скаковые кони, и ни одной твари не попалось на нашем пути. Странно. Очень странно. И плохо. По моим подсчетам вот-вот должен обозначиться конец пути и, если при избытии тварей в его начале, на финише царит благодать, значит...

— Территория какой-то сильной мрази... Которую боятся остальные...

Слова Шрама словно озвучили мои мысли. И наглядная картинка к этой озвучке не замедлила появиться — наши фонари одновременно осветили сгорбленную фигуру, появившуюся из темноты.

Сперва мне показалось, что это отморозок из «Ренегатов», неведомым образом оказавшийся в законсервированном подземелье. Типы из этой бандитской группировки любят рядиться в глухие пыльники, при этом раскрашивая лицо сажей, либо напяливая на него жутковатые маски в стиле садомазо. Кому-то, может, и смешно, но увидит новичок такую харю среди болот — жути не оберется.

Этот «ренегат» пошел дальше: нацепил на морду что-то жутко-морщинистое, местами покрытое язвами, а кое-где просто разорванное. Помимо этого он за время сидения в подземелье отожрался так, что стал похож на бочонок. И еще одна странность: в его руках были зажаты два толстых кабеля, противоположные концы которых терялись в смутных контурах электрощита, висящего на стене.

От неожиданности мы слегка опешили. Лично я ожидал здесь увидеть кого угодно, только не жирного бандюка с рваной резиновой маской на харе.

— Чего это он себе на жало натянул? — негромко проговорил Шрам. — Прям «Техасская резня бензопилой», бюрер меня сожри...

— Так ведь это...

Договорить я не успел.

Автомат вылетел у меня из рук, развернулся в воздухе на сто восемьдесят градусов и нацелился мне в лоб клинком «Бритвы». То же самое произошло и с «Винторезом» Шрама. Сейчас, когда мы были под прицелом собственных стволов, жирная и необычайно умная тварь позволили себе расслабиться. Она раскрыла нереально огромную пасть с длинными, загнутыми внутрь зубами, похожими на хирургические иглы, и разразилась громким, булькающим хохотом.

Обычно бюреры — это довольно тупые карлики-телекинетики со старушечьими лицами, любящие рядиться в человеческую одежду и копировать поведение людей. Если они не особо голодны, то вполне реально при встрече с ними разойтись мирно. Бюрер не любитель нарываться на неприятности и, хотя человеческим мясом не брезгует, обычно предпочитает искать менее проблемную добычу, нежели вооруженный сталкер.

Этот же раскушавшийся переросток не только плевать хотел на наши автоматы, но помимо этого еще и решил поглумиться над завтраком, силу свою ему продемонстрировать перед принятием пищи.

Тварь поднесла к морде оба конца кабеля и раскрыла пасть пошире. В тот же миг между концами запитанных от щита кабелей вспыхнула электрическая дуга. Бюрер довольно сглотнул, прокатив по морщинистой шее кадык величиной с теннисный мяч, после чего засунул в пасть оба контакта.

Раздался треск. Из ноздрей мутанта повалил дым, но он лишь зажмурился от наслаждения, как младенец, заполучивший вожаделенный леденец на палочке. Правда, при этом наши со Шрамом автоматы продолжали угрожающе смотреть нам в лица. Мой АК даже предупреждающе клацнул затвором, выплюнув патрон на бетонный пол. Бюрер явно был отлично знаком с оружием, и не возникало сомнения, что при малейшей попытке к сопротивлению мы немедленно получим по пуле в лоб.

Помнится, как-то Сахаров говорил, что бюреры по интеллекту находятся на уровне развития пятилетнего ребенка. Жестокого, капризного, карикатурно копирующего повадки взрослых. Вот и сейчас мутант-переросток насасывал свой электрический леденец, сквозь полуприкрытые веки наблюдая за нашей реакцией. Весьма вероятно, что, когда ему надоест это занятие, он просто сломает живые куклы, сожрет что повкуснее и вновь примется за свои игры с мутантами, чьих обглоданных костей вокруг валялось предостаточно. Или же просто примется лепить куличики из собственного дерьма, которого кругом тоже было немерено.

— Значит, игратья любим, — пробормотал я, осторожно открывая крышку контейнера. — Сейчас будет тебе подарочек.

Мой АК стремительно приблизился, кончик «Бритвы» завис в сантиметре от моего глаза.

— Спокойно, дитяtko, — попытался улыбнуться я. — Папочка тебе игрушку принес.

Бюрер недоверчиво хмыкнул. Мою руку пронзила боль, словно неведомая сила попыталась сломать кости внутри нее. Но я уже достал из контейнера слабо фосфоресцирующий «Лунный свет» и держал его на ладони.

— Игу...ка, — отчетливо пробормотал мутант, при этом один конец кабеля вывалился из его пасти. — Гру...шка...

— Точно, — осторожно кивнул я. — Она самая. Тебе.

Наверно, живя в подземелье, бюрер с рождения ни разу не видел артефактов. Какие развлечения под землей? Да никаких. Поймал мутанта — сожрал, нашел силовой щит — подпитался деликатесом. Ну женская особь из соседнего тоннеля в гости зашла. Всё. А тут — слабо мерцающий шарик! Не до еды, в общем, не до глупостей. Еда подождет под прицелом собственных автоматов.

«Лунный свет» взлетел с моей ладони, и в следующую секунду бюрер уже держал его в огромных бородавчатых лапах, подвывая от счастья.

«Спасибо, Папочка! Я тебя за это легко убью», — возникла у меня в голове счастливая мысль. Притом абсолютно чуждая, отрисованная не человеческими словами, а образами и эмоциями. То есть я абсолютно четко видел себя, осознавал, что меня зовут Папочкой, и словно в кино со стороны наблюдал, как «Бритва» аккуратно входит в левую часть моей груди. После чего последовало резкое круговое движение клинка, из широкой раны вылетел пульсирующий комок и исчез в бездонной пасти благодарного дитяти.

«Но сначала — его. Он игрушку не принес».

— Как не принес, — засуетился Шрам. — Сейчас, сейчас, точно такая же.

Бюрер зачарованно следил, как наемник достает из контейнера близнеца моего артефакта.

«Вы хорошие. Я даже не знаю, кого убить первым».

Мысль была умильной. Бюрер, дистанционно вырвав из рук Шрама второй «Лунный свет», и вправду был искренне нам благодарен за доставленное удовольствие. Он взвизгнул от счастья, выплюнул кабель и засунул в пасть оба светящихся шарика, заранее прикрыв глаза в ожидании нереального удовольствия...

Ярчайшая вспышка озарила подземелье. Два смоченных тягучей слюной кабеля, лежащие на полу, исторгли из себя пару толстых ломаных молний, ударивших снизу в подбородок мутанта. Глаза бюрера, светящиеся словно галогеновые фары, вывалились из орбит и лопнули — хотя не исключено, что это были артефакты, сослужившие нам последнюю службу.

В следующее мгновение я зажмурился — сияние толстенной, словно удав, вольтовой дуги, пробившей голову бюрера, было нестерпимым. Правда, продолжалось это недолго.

Послышался громкий треск, за ним удар об пол и звон мелких металлических деталей, рассыпающихся по бетону.

Я открыл глаза, но вначале не увидел ничего, кроме отпечатавшегося на сетчатке глаз ломаного яркого рисунка на фоне тусклого пятна света от моего налобного фонаря.

— Щит коротнуло и из стены выбило, — пояснил ситуацию Шрам. — Говорила мне мама, не жри много сладкого — лопнешь. А вот ему, наверно, не говорила.

Проморгавшись, я подобрал с пола свой автомат и подошел к трупку мутанта. Тот валялся на спине, уставив в потолок пустые глазницы закопченного черепа, на котором вся плоть просто спеклась в одну черную корку. Да уж, эта помесь бюрера с полтергейстом точно не слышала историю про stalkera Варана, которого убило батареей от часов, когда он нес «Лунный свет» размером вдвое меньше тех, что были у нас со Шрамом...

— Ты код помнишь? — осведомился наемник. Он уже стоял у кодового замка бронированной двери, в задумчивости теребя бородку. — После этой свистопляски напрочь все из головы вылетело.

Кстати, это нормальная реакция организма на воздействие артефактов, порожденных аномалией «Электра», — бывали случаи, что народ два на два помножить не мог. Мозг от перегрузок подвисает ненадолго. Но я код помнил наизусть — такое из головы не вышибить никаким «Лунным светом».

— 20062222,— сказал я. Случайно ли, нарочно ли неведомый кодировщик забил в набор цифр два четырехзначных числа — год, когда произошел Второй Взрыв... и еще одну дату, которую я уж точно никогда не забуду.

* * *

За нашими спинами с шипением задвинулись толстенные засовы, надеюсь навсегда запечатывая подземный проход между лабораториями.

Мы стояли в большом сводчатом зале, освещенном вмонтированными в потолок

ультрафиолетовыми лампами. Вдоль ближайшей к нам стены зала стоял десяток автоклавов, сильно похожих на стеклянные гробы. Помнится, точно такие же я как-то вскрыл внутри Саркофага, вытащив оттуда несколько отличных сталкеров. На этом узнаваемые предметы заканчивались.

Помимо гробниц в помещении находилось множество массивных устройств абсолютно непонятного назначения с кучей клавиш, кнопок, индикаторов и экранов, от которых в потолок уходили толстенные трубы и кабели. Не иначе наверху были расположены еще какие-то приборы, обслуживающие эти громоздкие порождения человеческого гения.

Зал занимал огромную площадь. Взгляд терялся в нагромождении непонятных устройств, на которых не было и следа ржавчины. Видно, что аппаратурой активно пользовались, поддерживая чистоту в помещении, — даже вот бактерицидные лампы повесили, прям гигантская операционная. Неужто ученые до сих пор проводят здесь свои исследования?

— Мы на уровне ноль лаборатории Икс-восемь, — произнес Шрам. — Над нами еще несколько этажей. Верхние заброшены, нижние, секретные, как видишь, до сих пор функционируют. А над действующими площадями еще пять наземных этажей комбината бытового обслуживания «Юбилейный», в котором при «совке» для отвода глаз чинили теле — и радиоаппаратуру, обувь, одежду и тэ дэ, и тэ пэ. Причем работники КБО Припяти даже не догадывались, что творится у них под ногами.

— А ты неслабо подкован в истории Зоны, — отметил я, вглядываясь в глубь помещения, где мне почудилось какое-то движение: то ли белое привидение мелькнуло, то ли просто мое воображение решило сыграть со мной злую шутку. — Был раньше здесь?

— Я родился в Припяти, — невесело хмыкнул Шрам. — В тот день и год, когда был основан город. Хотя теперь это уже неважно...

— Погоди, — прервал я его. — Там что-то есть. Или кто-то.

Зал был очень длинный, его противоположный конец терялся в темно-синем полумраке, едва рассеиваемом ультрафиолетовым светом ламп. Я взял автомат на изготовку и медленно пошел вперед. Шрам крался рядом. За каким-то громоздким устройством высотой нам чуть выше пояса мы остановились одновременно — неплохое укрытие в случае, если из глубины лаборатории на нас полезет вражья сила.

Наемник глянул в прицел «Винтореза», замер на мгновение, после чего протянул мне свою снайперскую винтовку.

— Глянь, — сказал он.

Я удивленно посмотрел на него. Давать личное оружие другому можно лишь в крайнем случае, а у снайперов вообще не принято, чтобы кто-то касался инструмента, — именно так называют многие из них вылизанные, пристрелянные под себя, подогнанные только под свою и ничью другую руку стволы.

Но Шрам был серьезен как никогда.

— Бери. И смотри. Только не стреляй сразу.

Я пожал плечами, взял «Винторез» и прикинул к прицелу.

И замер, не веря своим глазам. Хотя в глубине души ожидал увидеть нечто подобное с того самого момента, как два дня назад пересек Периметр Зоны...

Хороший стрелок никогда не будет целиться так, как рисуют художники на военных плакатах — прищурился левый глаз. При такой стрельбе мышцы закрытого глаза излишне напряжены, и это напряжение рефлекторно передается другому глазу, которым горе-снайпер пытается рассмотреть цель. В итоге острота зрения, а вместе с ней и результативность выстрела уменьшается чуть ли не наполовину.

Поэтому я не только смотрел в ПСО-1 «Винтореза», а еще и чисто автоматически краем второго глаза фиксировал то, что происходило слева от меня. Но картина, которую я видел в прицеле, настолько приковала к себе мой взгляд, что я среагировал на долю секунды позже, чем следовало...

В шею чуть ниже уха кольнуло.

Я даже не стал дергаться, а просто аккуратно положил оружие на крышку прибора и, повернув голову влево, усмехнулся:

— Все это с начала до конца было контрактом?

Мир вокруг меня стремительно разваливался на кусочки, словно витраж, разбитый пацаном, который слишком хорошо научился стрелять из своей рогатки. Только вместо звона стекла я уже очень издалека слышал равнодушные слова:

— Ничего личного, сталкер. Ты же сам все понимаешь...

* * *

Я вынырнул из черного омота на свет и попытался вдохнуть. Получилось. Воздух с хрипом и бульканьем ворвался в мои легкие. Я закашлялся собственной слюной, сплюнул и вдохнул снова. Получилось гораздо лучше, чем в первый раз. Вообще, сейчас я чувствовал себя намного бодрее, чем после первой инъекции, которую мне сделал наемник на берегу реки.

Надо же, второй раз и на те же грабли! Вот что значит расслабляться на островах! На будущее учту и после длительного отдыха не буду переть буром в Зону, а познакомлюсь с Бесом и попрошусь к нему на курс выживания в Зоне — кажется, так зовут сталкера, который по собственной инициативе тренирует молодняк, мечтающий стать крутыми и богатыми.

— Что ж, с возвращением на этот свет, сталкер, — прозвучал сбоку от меня чей-то незнакомый голос.

Я с усилием повернул голову — все-таки мышцы слушались пока неважно, да и окружающая действительность воспринималась несколько расплывчато.

Однако я рассмотрел, что вишу на косом сварном кресте, кровоточащая царапина от чьего-то когтя на моей руке перевязана, а рядом стоит лысый мужик лет шестидесяти с виду. На нем был надет девственно-чистый белый халат, и сейчас он не спеша надевал прозрачный пластиковый колпачок на иглу пустого шприца. Аккуратный, значит, одноразовые инъекторы утилизирует согласно инструкции. Судя по тому, как я себя чувствовал, мужик был не только аккуратным, но и добрым — видать, вколол мне что-то, снимающее крайне неприятный отходняк.

Что ж, и на том спасибо. Еще бы снял меня со стального «икса», было б совсем замечательно. Кстати, а не потому ли все лаборатории в Зоне начинаются с литеры «икс»? Наверно, принято так у здешних светил науки распинать непрошенных гостей на косых крестах, вмурованных нижней частью в бетон.

Туман перед глазами потихоньку рассеивался. Одновременно с этим в голове, словно в заполняемом водой аквариуме, начинали потихоньку шевелить хвостами полудохлые мысли. Значит, добрый доктор из ученой братии, иначе с какой радости ему шляться по подвалу в белом накрахмаленном халате? Получается, этот халат я и увидел, когда мы только зашли в лабораторию. Правда, потом обладатель мягко говоря странной для Зоны одежды исчез, а я в прицел «Винтореза» увидел то, что сейчас находилось от меня в десяти шагах.

Это были три вертикально поставленных стеклянных гроба с прозрачными крышками, сдвинутыми вверх по принципу пенала. К гробам по полу тянулись толстые кабели и прозрачные шланги.

Между ними неподвижно стояли два экзоскелета четвертого поколения, внутри которых, несомненно, находились «монолитовцы». Через плечо одного из бойцов был перекинут широкий ремень, помогавший удерживать в бронированных лапах тяжелый «Корд». Ствол крупнокалиберного пулемета смотрел мне точно в живот. Второй же фанатик, не осложняя себе жизнь крупногабаритным оружием, расслабленно положил себе на плечо... мой автомат. Ишь ты, падла, любит отчищенное да ухоженное оружие. Разбирается, значит.

Кто бы что ни говорил, а в хороших стволах «монолитовцы» знают толк и пользоваться ими умеют очень даже неплохо.

А в прозрачных гробах, плотно зафиксированные стальными манипуляторами, находились три человека.

У первого из них вместо ног были искусно сделанные протезы на базе экзоскелета «Sarcos» — новой штатовской разработки третьего поколения, кардинально отличающейся от тех, что использовались на стандартных для Зоны тяжелых бронекостюмах класса «WEAR». Когда я видел этого человека в прошлый раз, на нем был надет красно-черный костюм «Долга» с большими звездами, вышитыми на погонах. Сейчас же протезы выглядывали из распоротых черных штанин, на которых особо не видно ни дерьма, ни крови. Также с человека мешком свисала просторная футболка того же цвета, правда, засохшая бурая корка местами все-таки проявлялась на ней. На руках пленника имелось несколько глубоких порезов, похожих на раскрытые безгубые рты, из которых торчали электроды. Понятно, что полковника, смотрящего на меня безучастным, отсутствующим взглядом мученика, пытали часто и изощренно. Мне даже стало его жаль немного, несмотря на то что год назад он приказал меня расстрелять, и лишь по воле случая мне удалось избежать казни, справившись с палачами.

Во втором саркофаге находился человек, перед которым я вольно или невольно чувствовал себя виноватым. Да, мы ничего не могли сделать тогда возле Саркофага, когда бежали по мосту через Припять, прорываясь через толпу «монолитовцев». Этот парень рискнул жизнью ради того, чтобы наша атака стала возможной. И отдал жизнь за нас, как бы патетично это ни звучало. А потом фанатики вернули его с того света, сделав из сталкера кусок послушного биологического материала, которым они набивают свои экзоскелеты. Я не винил Выдру за то, что он руководил операциями по зачистке Зоны от нашего брата, — его мозг и его тело уже не принадлежали ему. Я лишь искренне восхищаюсь тем, что он сумел каким-то образом вытащить из глубин своего сознания ту затерявшуюся крупинку человеческого, которую проглядели «монолитовцы», и предупредить нас со Шрамом о готовящейся акции. В результате чего он сейчас висел на манипуляторах в гробу, а в его венах торчали иглы. К иглам были присоединены прозрачные трубки, по которым откуда-то из глубин лаборатории в тело Выдры поступала черная кровь с гнойным желтоватым оттенком, абсолютно не похожая на человеческую.

А на третий саркофаг я глянул лишь мельком... и отвел глаза. Потому что невозможно мужчине глядеть на свою девушку, попавшую в беду, и осознавать, что он ничем не может ей помочь — мои руки и ноги были зафиксированы на крестовине намертво широким строительным скотчем так, чтоб и кровообращение не нарушить, и без посторонней помощи никак не освободиться. Я лишь отметил, что ее глаза смотрят в одну точку и ничего не видят. Добрый доктор накачал ее какими-то препаратами, и сейчас она была без сознания. Возможно, он это сделал специально, так как в противном случае я бы не смог думать ни о чем другом, кроме того, что на меня с немой болью смотрят глаза цвета единственного в мире артефакта...

Яйцеголовый во всех смыслах «доктор» подошел ближе и участливо посмотрел мне в глаза. Ему что-то нужно от меня. Но что?

— Как самочувствие? — осведомился он. — Голова не разламывается? В глазах круги не мельтешат?

Судя по интонациям, этот эскулап раньше был как минимум военным хирургом или кем-то в этом роде — слишком уж резали слух командные нотки в его голосе.

— Спасибо, господин вивисектор, вашими молитвами.

— Шутишь? — ухмыльнулся лысый садист. — Это хорошо. Значит, жить будешь. Правда, только от тебя зависит насколько долго.

— Чего тебе... от меня надо?

Речь давалась мне с трудом — от воздействия препаратов горло пересохло нереально.

Но просить воды у этого уroda... нет уж, лучше потерплю.

— Вот это деловой разговор, — улыбнулся «урод» в седые усы. — Но для начала позвольте представиться. Заведующий лабораторией Икс-восемь профессор Лебедев. Кстати, одновременно я же являюсь ее создателем и, помимо этого, в настоящее время курирую все действующие лаборатории Зоны. Да-с.

Он почесал переносицу указательным пальцем, словно поправляя невидимые очки, и посмотрел на меня.

— Наверно, вас прежде всего интересует, зачем я устроил эту небольшую демонстрацию биологических объектов, — сказал он. — Понимаю. Но, прежде чем я расскажу вам небольшую и довольно интересную историю, позвольте немного облегчить ваши страдания. Шрам, дай нашему гостю воды.

Позади меня послышался звук отвинчиваемой пробки.

— Наемник, поторопись! — недовольно сдвинул брови Лебедев.

В поле моего зрения шагнул Шрам. В руке он держал раздутую холостым выстрелом армейскую флягу.

Наши взгляды встретились. В глазах наемника сквозило полное равнодушие, словно в его глазницы были вставлены старинные свинцовые пули.

— Не заставляй выбивать тебе зубы, пей по-хорошему, — ровно сказал он, поднося флягу к моему рту.

Я не стал сопротивляться. Вдруг мне повезет и представится случай выгрызть ему горло, а без зубов делать это как-то несподручно.

На этот раз внутри подарка Японца оказалась простая вода.

— Вот и хорошо, — кивнул Лебедев, когда Шрам отнял флягу от моего рта и, отойдя в сторону, скрестил руки на груди. — Продолжим.

Он сунул руки в карманы накрахмаленного халата и сосредоточенно прошелся передо мной туда-сюда, словно готовясь к выступлению на сцене перед солидной аудиторией. Наконец он остановился и снова повернулся ко мне.

— Итак, — начал он, — вы сейчас находитесь в лаборатории, которую я создал еще в восемьдесят третьем, в год запуска печально известного четвертого энергоблока ЧАЭС. И построена эта лаборатория была с единственной целью — изучение влияния торсионных полей на мозг человека. После первого опытного включения черномыльской загоризонтной радиолокационной станции в восьмидесятом году были отмечены как случаи патологических побочных эффектов у подопытных биологических объектов, так и факты возникновения у них паранормальных способностей.

— Вы ставили опыты на людях? — не выдержал я.

— Да, — просто сказал Лебедев. — Это были добровольцы, которые в момент включения станции отказались спуститься в подземный бункер и находились в опасной зоне облучения. Если в те благодатные времена вышестоящему военному командованию требовались добровольцы, в них не было недостатка.

Так вот, результаты настолько поразили военных, что мне поручили создать секретный комплекс, в котором вы сейчас находитесь. Три года я безвылазно сидел здесь, под землей, копаясь в чужих мозгах и делая открытие за открытием, пока в восемьдесят шестом не грянул Первый Взрыв. И хотя население из опасной зоны было эвакуировано, ни одна из подземных лабораторий не прекратила свою работу. Правда, специальным приказом Директора комплекса подземных лабораторий «Икс» руководство моим детищем было передано некоему Сахарову. Меня же определили к нему старшим научным сотрудником, проще говоря, мальчиком на побегушках. Меня, который отдал этому комплексу лучшие годы жизни...

Профессор хмыкнул.

— Что ж, я не стал спорить. По большому счету, Сахарову было плевать на лабораторию. Он появлялся здесь раз в полгода. Полистав документацию и

покровительственно похлопав меня по плечу, он говорил: «Да-да, коллега, продолжайте в том же духе» — и улетал обратно на свою плавучую научную базу в Карибском море. Я же отдал Зоне еще десять лет своей жизни, пока не настал мой час.

— Две тысячи шестой год, — пробормотал я. — Второй Взрыв, в результате которого погиб Директор комплекса лабораторий и образовалась Зона...

— Точно, сталкер, — щелкнул пальцами Лебедев. — Вам не откажешь в способности мыслить логически. Зона! Прекрасный объект для изучения воздействия не только торсионных полей, но и множества других явлений, о которых мы даже не подозревали!

— Так Второй Взрыв — это твоя работа?

Это спросил Шрам, до сего момента хранивший молчание. Лебедев скривился, словно над его ухом пролетела надоедливая муха.

— Наемник, ты прекрасно выполнил свой очередной контракт, — сказал он. — Но позволь в моей лаборатории мне решать, на какие вопросы отвечать, а какие игнорировать. Так вот, — продолжил профессор, вновь повернувшись ко мне. — Признаться, для меня оказалось полной неожиданностью, когда в зараженную Зону прибыл отряд Службы безопасности Украины с приказом о срочной эвакуации лаборатории. Я, наоборот, рассчитывал, что правительство выделит дополнительные средства для изучения Зоны, но не всегда получается так, как хочется. Прекрасно понимая, что нам не дадут работать спокойно, мне с моими сподвижниками Каланчой и Сусловым в сопровождении преданных мне бойцов из охраны лаборатории пришлось податься в бега. Так появилась группировка «Чистое небо».

Лебедев усмехнулся.

— Конечно, после Второго Взрыва Сахаров примчался в Зону, но я успел вывезти всю документацию, касающуюся моих исследований. Так что профессор остался ни с чем и, чтобы сохранить лицо и правительственное финансирование, был вынужден окопаться в нескольких километрах от Припяти на Янтаре, подальше от проверяющих с Большой земли.

Я же продолжал свою миссию — изучение Зоны. Необходимо было понять, с чем столкнулось человечество в результате Второго Взрыва. И сегодня я — и только я знаю о ней гораздо больше, чем все ученые, сталкеры и официальные власти вместе взятые...

Он поморщился, словно вспоминая что-то очень для себя неприятное.

— Случались в процессе исследования и ошибки. Например, в сентябре две тысячи одиннадцатого года я решил предпринять научную экспедицию к центру Зоны и заключил контракт с одним крайне способным наемником, который должен был стать острием моей миссии. Кстати, он неплохо справился с заданием, даже попутно испытал изобретенное мной экспериментальное электромагнитное ружье ЭМ1, уничтожив никуда не годный прототип Сахарова. Эта сеточка для волос, по его задумке, должна была защищать мозг человека от критических излучений различной природы. Признаться, я создавал ЭМ1 как диверсионное оружие, применяемое для выведения из строя электромагнитных приборов на расстоянии. Но разработка оказалась весьма перспективной и после модернизации стала эффективно выводить из строя и биологические организмы, поджаривая им мозги через практически любую защиту. Вам она известна как «изделие номер шестьдесят два», или гаусс-пушка.

Правда, в этой миссии я чуть не погиб. Хорошо, что мой собственный прототип оказался более надежным, чем поделка Сахарова.

— Так вот откуда у «Монолита» появилась универсальная защита от Выброса, — удивленно хмыкнул Шрам. — А вы и вправду голова, профессор! Жаль только, что вы меня тогда не снабдили тем прототипом.

— К сожалению, два года назад он был в единственном экземпляре и вживлен мне под кожу головы, — пожал плечами Лебедев. — Но я был в курсе, что ты устойчив к Выбросу, потому особенно не волновался. Хотя мне, признаться, до сих пор непонятно почему Выброс на тебя практически не действует.

— Вообще-то вы говорили, что Выбросы медленно, но верно выжигают мою нервную

систему, — сказал Шрам. — Но это дело прошлое... А как же солдаты «Чистого неба», которые вас сопровождали?

— Как ты правильно заметил, они были солдатами. Добровольцами, которые погибли во имя науки, — отрезал профессор. — И давай не будем ворошить прошлое. Тот контракт, если помнишь, я тебе оплатил втрое, после того как ты выбрался из Саркофага. И ты вроде остался доволен. Или нет?

От Лебедева повеяло холодной, жесткой энергией, словно он сам был гаусс-пушкой, готовящейся произвести выстрел.

— Без проблем, — Шрам поднял руки ладонями вверх. — Чистое любопытство, профессор, ничего более. Вы же знаете, контракт превыше всего.

— Отлично.

Лебедев вновь повернулся ко мне.

— Как видите, разумные люди предпочитают вести дела со мной, а не со всяким отребьем Зоны. Все, что я вам рассказал только что, имело под собой лишь одну цель — чтобы вы поняли, что я не садист и не убийца, а ученый. И в то же время в некотором роде бизнесмен, ценящий своих деловых партнеров.

— Только не говорите мне, что вы пытались уничтожить остров лишь для того, чтобы я оказался в вашей лаборатории привязанным к крестовине, — сказал я.

— Естественно нет, — усмехнулся Лебедев. — Морская научно-исследовательская база НИИЧАЗ была атакована силами авианосца-невидимки, который мы захватили давно и абсолютно бескровно, после того как Сахаров перестал на нем появляться. Простое смещение руководства плюс очень большие деньги. И сегодня этот корабль, который невозможно обнаружить радаром, бороздит просторы Карибского моря, являясь элементом проекта «Американская циркулярная пила». Эдакая плавучая база в трех ипостасях: военный корабль, научная база и элемент системы, промывающей мозги всему миру. В частности, его сигналы способствуют управлению группировкой «Монолит». Утомлять вас подробностями не буду, это очень сложная система. Просто в определенный момент на подводной базе НИИЧАЗ были сделаны некоторые открытия, результатом которых могло быть смещение баланса сил в Зоне не в нашу пользу. Ну и пришлось предпринять кардинальные меры. А то, что вы спаслись, — случайность, которую я решил использовать в своих целях, организовав вашу встречу со Шрамом.

— А семья Японца?

Лицо Лебедева стало жестким.

— Виктор Савельев, так же как и вы со Шрамом, является уникальным специалистом. Для выполнения действительно сложных заданий мне не нужно тупое пушечное мясо, которого у меня и так предостаточно. Мне нужны профессионалы. И я не остановлюсь ни перед чем во имя науки.

Я скрипнул зубами, но промолчал. Дед был явно не в себе, но какой спрос с психа? Таких просто надо уничтожать как бешеных собак...

— Наверняка сейчас вы думаете о том, как же меня земля носит и всё такое, — сказал Лебедев. — Думать вы можете что угодно, главное, чтобы вы хорошо работали. И тогда у вас будет все, что пожелаете. О суммах, получаемых за выполнение моих контрактов, можете поинтересоваться у Шрама.

— Вряд ли мы сработаемся, профессор, — процедил я сквозь зубы.

— В таком случае, сами понимаете, я буду вынужден применить крайние меры, — пожал плечами Лебедев. — Первым умрет полковник Петренко. В свое время я оказывал группировке «Долг» некоторые услуги медицинского характера и чисто ради научного интереса сделал несколько инъекций изобретенного мной препарата сталкеру, попавшему под Выжигатель мозгов. Это уже был практически полужомби, однако я смог вылечить его. В благодарность этот сталкер, доросший в группировке до звания полковника, помогал мне до поры до времени. Но недавно наши взгляды на сотрудничество разошлись, и я не буду

сильно страдать от мысли, что одним недоделанным зомби в Зоне стало меньше. Понимаю, что вы бы и сами с удовольствием его пристрелили, но пусть его судьба будет наглядным примером того, что я потом сделаю с Выдрой и вашей девушкой. Возможно, после этого вы станете сговорчивее.

Лебедев достал скальпель из кармана своего халата и шагнул к первому саркофагу. Полковник Петренко мрачно наблюдал за его приближением.

— Вы даже не представляете, как кричит человек, если надрезать ему щеку и слегка потянуть за лицевой нерв, — сказал профессор.

Лебедев был прав: я, мягко говоря, не испытывал к Петренко теплых чувств. Но пытаться инвалида — это уже слишком.

— Что вам надо? — спросил я.

— Вот это другое дело! — воскликнул профессор, убирая лезвие скальпеля от лица полковника. — Я знал, что вы будете благоразумны. Наемник, давай его сюда.

Последних слов Лебедева я не понял, но в следующую минуту все стало ясно.

Шрам шагнул за массивную стальную тушу какого-то прибора и выкатил оттуда хирургическую тележку, на которой лежал контейнер для артефактов необычной продолговатой формы.

Лебедев подошел к тележке и осторожно снял крышку контейнера, в котором на мягкой красной подложке лежала... моя «Бритва», клинок которой сиял лазурью. Но на этот раз свечение было гораздо интенсивнее, чем прежде.

— Безопасность — мое кредо, — умильно улыбнулся Лебедев, тем не менее делая шаг назад. — Этот уникальный артефакт, доведенный человеком до совершенства, есть не что иное, как квинтэссенция смерти. Я, знаете ли, не в том возрасте, чтобы понапрасну рисковать здоровьем. Потому и лампы бактерицидные уважаю, и контейнеры для артефактов предпочитаю надежные, и телохранителей набираю лучших из лучших... М-да, простите мое стариковское многословие, вернемся к делу. Не мне вам рассказывать, что этот артефакт может перейти из рук в руки только при одном условии — если его подарить другому человеку. Так вот, в знак нашего взаимопонимания и дальнейшего плодотворного сотрудничества я прошу вас о сущей безделице. Подарите мне «Бритву». Я же, в свою очередь, отпущу полковника, вашего друга и вашу девушку на все четыре стороны. А после того, как вы выполните для меня одно-единственное задание, я выплачу вам сумму, достаточную для безбедного проживания до конца жизни в любой точке земного шара...

— И все-таки, профессор, — перебил его я. — Давайте начистоту. Я никогда не поверю, что вы стали бы городить такую многоходовку ради того, чтобы заполучить очень острый ножик. Вы же сами знаете — Зона не простит, если ее правила пытаются обойти обманом.

Лебедев в задумчивости поскреб переносицу.

— К сожалению, вы правы, — недовольно бросил он. — Что ж, извольте. В своих исследованиях Зоны я набрел на удивительное открытие. Артефакт «Бритва», при всех своих замечательных качествах, есть не что иное, как незаряженная матрица. И если ее зарядить, то на выходе получится скальпель для вскрытия пространства между мирами. Я достал и испортил второй нож, аналогичный вашему, правда, эта неудача помогла мне понять следующее. Для создания скальпеля нужен оператор, имеющий опыт перехода через иномирье. Такие люди имеются в Зоне, но ни у кого из Перехожих не было «Бритвы»...

— И для того, чтобы зарядить «Бритву», пришлось поставить ее хозяина в соответствующие условия, — невесело усмехнулся я.

— Абсолютно верно, — кивнул Лебедев. — По моим расчетам, зарядить артефакт можно было лишь в местах наибольшей аномальной активности Зоны — в Саркофаге либо в Лиманске. Но вы уже дважды бывали возле Исполнителя желаний, и «Бритва» не изменилась. Потому оставался только один путь. Скажите, в каком образе вам привиделась Зона, когда вы шли через Лиманск? Может, это был гигантский орел, пожирающий сознания

погибших сталкеров? Или старая ведьма, повелевающая толпами зомби?..

Лебедев говорил еще что-то, но я уже не слушал его. Я смотрел на Шрама, в глазах которого полыхал вертикальный росчерк цвета идеально чистого неба — отблеск клинка моей «Бритвы».

Я вспомнил, как похожим взглядом смотрел на костер Меченый в тот вечер, когда я вышел из-под моста, счастливо избежав контакта с живыми «Жарками». Тогда же он почти сознался, что вел меня между аномалиями, мысленно подсказывая путь...

«Контракт, — подумал я, глядя прямо в вертикальные зрачки Шрама. — Условия следующие...»

— Вы испытываете мое терпение, молодой человек!

Стальной голос профессора ворвался в мое сознание, словно клинок «Бритвы». Надо признать — когда этому человеку что-то было нужно, он умел добиваться своего. Что ж, пусть получит.

— По закону Зоны дарю «Бритву»... — сказал я, отметив, как при этих словах нож заметно дернулся, словно живой... И добавил: — Шраму.

Лебедев, протянувший было руку к ножу, отдернул ее словно от горячей сковородки. Наверняка он знал о ноже всё — и про то, как я рассек им ствол «Вала», и как «Бритва» выпила жизнь из Халка — охотника за головами, и как ударом этого клинка был убит болотный кровосос...

— Хорошо, — прошипел профессор, суя руку в карман. — Ты об этом пожалеешь...

Но вытащить ее обратно не успел.

В тишине лаборатории отчетливо раздались два хлопка...

Конечно, шлем экзоскелета четвертого поколения более чем надежная защита. Но когда в его прозрачное забрало с трех метров бьет полуболобочная пуля со стальным термоупрочнённым сердечником, не выдерживает даже сверхнадежное многослойное бронестекло.

«Монолитовец» с автоматом просто с грохотом рухнул навзничь, словно самовар, по которому ударили сапогом. Пулеметчик же покачнулся, будто раздумывая, в какую сторону упасть. Я несколько напрягся, когда линия выстрела «Корда» прочертила на моем животе вполне осязаемую черту. Может, она для кого и воображаемая, но, когда ты в реальности видишь жерло крупнокалиберного пулемета, смотрящего прямо на тебя, эта линия становится более чем реальной.

Но — обошлось. Тяжелый ствол «Корда» потянул своего хозяина вперед, и тот медленно завалился на свой пулемет.

— Давайте без лишних движений, профессор.

Голос Шрама прозвучал спокойно, даже миролюбиво. В Зоне человек может позволить себе относиться хорошо к другому человеку, когда ствол его пистолета смотрит точно в лоб собеседнику.

— Я тебя не понимаю, наемник. Если ты чем-то недоволен, то давай это обсудим.

Надо отдать должное, Лебедев умел проигрывать. Сейчас он тоже был абсолютно спокоен. Его рука по-прежнему лежала в кармане, что меня несколько беспокоило. Я лично знал пару специалистов, способных метнуть нож точно в глаз противника даже из такого положения. Вот прямо сейчас: нырок под линию выстрела с одновременным уходом в сторону, бросок...

— Ничего личного, профессор, — сказал Шрам, беря в свободную руку «Бритву». — Это просто контракт.

С этими словами он взмахнул ножом, словно вспарывал сверху донизу огромную картину, растянутую от пола до потолка.

И картина поддалась.

Послышался треск, лазурные молнии побежали по разошедшимся в стороны краям разреза. И внутри него я увидел край мрачного, серого солнца, зависшего над контурами

полуразрушенных высотных зданий. Эти руины, похожие на обломки гигантских зубов, тонули в клочьях сырого тумана, смахивающего на мокрую вату. Такого плотного, почти живого тумана, раскинувшего свои щупальца по развалинам погибшей цивилизации, я никогда не видел — ни в Зоне, ни на Большой земле...

Я заметил, что Лебедев смотрел на разрез... с неподдельным интересом. Этот страшный человек, только что готовый пытаться и убивать людей ради обладания артефактом, сейчас был просто ученым, которому показали новый и очень интересный объект для изучения.

— Прошу, профессор, — кивнул Шрам на окно в другой мир... которое, кстати, уже постепенно сходилась по краям, будто снизу и сверху кто-то затягивал невидимую молнию. — Иначе мне просто придется вас пристрелить.

Лебедев криво усмехнулся.

— Надеюсь, мы еще встретимся, наемник, — сказал он — и сделал шаг вперед, навстречу потянувшимся к нему клочьям тумана...

Разрез стремительно схлопывался за спиной Лебедева. Но прежде, чем дверь в иномирье полностью закрылась, Шрам ловко метнул в нее подаренный мной SIG-Sauer P220, из которого он только что хладнокровно застрелил телохранителей ученого.

— Так у него будет хоть какой-то шанс, — сказал он несвойственным для него извиняющимся тоном. И добавил: — Честно говоря, это самый простой и быстрый контракт в моей жизни. И, пожалуй, наиболее высокооплачиваемый.

Он оторвал взгляд от постепенно растворяющейся в воздухе вертикальной линии, по которой все еще время от времени пробежали тоненькие молнии, и перевел глаза на «Бритву»...

В его руке лежал самый обычный боевой нож, какие в Зоне идут по цене пары снаряженных магазинов к автомату Калашникова. Лазурное сияние клинка, так похожее на свет легендарного артефакта «Чистое небо», исчезло — и вполне возможно, что навсегда.

— Честно говоря, я ждал чего-то подобного, — хмыкнул Шрам. — Но, кровосос меня побери, как ты догадался? Видит Зона, никто еще не пытался заключать со мной контракты мысленно!

— Сразу же как узнал, что ты выжил после Выброса, — ответил я. — Человек не может остаться в живых под аномальным излучением, если у него мозг не защищен прототипом Сахарова... или Лебедева. Но, поскольку осенью одиннадцатого года такой прототип был один на всю Зону, в то время выжить под Выбросом были способны только мутанты.

Шрам внимательно посмотрел мне в глаза.

«И как оно, не напрягает общаться с контролером?» — прозвучало у меня в голове.

— Если ты разденешься, обмотаешься бинтами и начнешь выть как пациент дурдома, то напряжет обязательно, — сказал я. — А сейчас меня напрягает, что я болтаюсь на этой хреновине. Кстати, спасибо, что прочистил мозги Выдре там, на базе «Монолита».

— Не за что, — пожал плечами Шрам, рассекая «Бритвой» скотч, которым была примотана к стальной балке моя рука. — Это было одним из условий моего договора с Лебедевым — в хорошей многоходовке все должно выглядеть естественно.

— Кстати, почему ты его отпустил? — поинтересовался я.

Наемник пожал плечами, продолжая орудовать ножом.

— Убивать профессора я не имел права. В том самом одиннадцатом году он спас мне жизнь, когда я после Выброса валялся без сознания на Болотах, и я пока не вернул ему Долг Жизни. Но при этом я не люблю, когда меня используют втемную, как он сделал это пару лет назад, а потом выбросил, словно отработанный материал для экспериментов. Потому твой контракт подвернулся вовремя, и сегодня я оплатил ему той же монетой.

В глазах Шрама мелькнуло что-то странное, чего я раньше за ним не замечал.

— Ну и... это было для него наилучшим выходом, — проговорил наемник. — Честно говоря, мне не хотелось, чтобы твой отмороженный Японец засунул ему в живот взрывпакет.

Все-таки Лебедев большой ученый, и к тому же пожилой... Нехорошо так над стариками издеваться.

«Вот те раз, — подумал я. — Кто бы только мог подумать...»

— ...что у контролера может быть что-то человеческое, — закончил мою мысль Шрам. — На самом деле не совсем я и контролер. Мысли читаю раз от раза, когда в резонанс попадаю... Ну еще кое-что могу. Короче, все-таки человек я... Наверно. Отец мой на ЗГРЛС работал. Когда в восьмидесятом был ее пробный пуск, я с дружкой на полигон пробрался, ну и хватанули мы с ним излучения... В общем, ладно, поговорили и будет, — закончил он, рассекая лезвием последний виток скотча, обмотанный вокруг моей ноги. — Пошли прикинем как народ будем освобождать, а то я, сам знаешь, не очень разбираюсь в этих саркофагах. У тебя оно как-то ловчее получается.

* * *

Верхние этажи лаборатории представляли собой череду полностью заброшенных помещений. В темноте Выдра споткнулся о высохший труп снарка и забористо выматерился.

— Тише ты, — шикнул на него Шрам. — Здесь, мать твою, между прочим, дамы.

Однако галантность наемника была не совсем кстати. Та, чьи глаза снились мне каждую ночь, так и не пришла в себя — Лебедев добросовестно накачал ее какой-то гадостью. Сейчас я нес ее на руках, а Шрам, Выдра и Петренко прикрывали меня с трех сторон. Кстати, полковник повел себя как настоящий «долговец». Как только мы с наемником вытащили его из стеклянного саркофага, он самостоятельно перебинтовал израненные руки, нашел и заменил батарею на поясе, фиксирующем приводы ног, а после ударом окованной сталью ноги вышиб неприметную дверь в оружейную. Оказывается, он единственный из пленников все это время был в сознании и, несмотря на боль, примечал, что где плохо лежит. По ходу из него получился бы неплохой конкурент Сидоровичу — если, конечно, он и до этого не приторговывал хабаром.

Понятное дело, что я не расстался со своим АК, который подобрал возле убитого Шрамом «монолитовца». Да еще и СВД «нулевую» себе на складе Лебедева присмотрел, заранее кем-то обмотанную серой маскировочной лентой — под цвет большинства зданий Припяти. Правда, сейчас мою новую винтовку нес Шрам — этакий снайпер в квадрате, «дегтяревка» на плече плюс «Винторез» в руках.

У Петренко с руками было совсем плохо — прямой пациент Болотного Доктора, однако виду он не показывал. Даже «Вал» себе подобрал было — но поморщился и, с сожалением отложив автомат, ограничился парой разработанных для американского рынка немецких пистолетов Heckler & Koch USP уменьшенной модификации «Compact».

— Хотя что-то полезное в Зоне от пиндосов имеется — стволы, — проворчал он, осторожно, чтоб лишний раз не потревожить раны, заряжая относительно легкую «карманную артиллерию». И сейчас, глядя на мужество этого человека, я невольно забыл о том, что когда-то он приговорил меня к расстрелу. Ходить на протезах и при этом с открытыми ранами на руках хладнокровно готовиться к бою сможет далеко не каждый. Впрочем, если полковник снова решит нашпиговать меня свинцом, мое уважение не помешает ответить ему тем же.

Выдра, по-моему, еще не до конца пришел в себя. После того как Шрам ментальным ударом снес программу, заложенную «монолитовцами» в мозг сталкера, те быстренько скрутили его и отправили в лабораторию к Лебедеву. Надо полагать, на «переплавку». Но у профессора были иные планы. Какие — нам уже не узнать, однако гадости всякой вколол он Выдре предостаточно.

— Хрен его знает, что это, — прошептал сталкер, когда мы выдернули иглы из его вен. — Лучше пристрелите... а то опять что-нибудь наворочу.

— Это всегда успеется, — сказал Шрам, взглядываясь в его зрачки. — Мозги вроде

чистые, а дерьмо из организма само выйдет, если пациента чистым спиртом поить и вовремя закусывать. Так что готовься к диете, больной. Сталкерский паек — это тебе не «монолитовские» концентраты. Отвык небось?

Выдра слабо улыбнулся.

— Не помню, — сказал он.

— Вспомнишь, — пообещал Шрам...

Сейчас Выдра пёр на себе тяжелый «Корд» — универсальный консервный нож для всех типов экзоскелетов. Бронебойная пуля калибра 12,7 миллиметра прошивала что сталкерский комбез, что многослойную кевларовую броню суперсовременного «WEAR 4Z» с одинаковой легкостью. Я попытался его отговорить, но сталкер уперся:

— Из Припяти нам, понятное дело, не выйти, как-никак логово «Монолита». А так хоть какой-то шанс появится.

В его словах была горькая правда. Припять кишела фанатиками, превратившими город в свою крепость. Правда, оставалась надежда, что нам как-то удастся проскользнуть до его границ незамеченными. Шрам сказал, что примерно знает как выбраться из Припяти, в которой родился и вырос, но слова его прозвучали как-то неубедительно... Попробуй выбраться из набитого змеями гадючника, не наступив ни на одну из них.

Но нам ничего другого не оставалось — возвращение по пути, которым мы пришли в лабораторию, без артефактов Сахарова было равносильно стопроцентному самоубийству.

— Загружаемся, — ткнул пальцем Шрам в открытые створки лифта.

— Ты уверен? — усомнился я.

— Другого выхода отсюда нет. Уж поверь, я здесь не в первый раз.

Сохранившийся со времен Первого Взрыва древний лифт с виду не походил на рабочий — поцарапанные пластиковые панели и обколотые по краям кнопки не в лучшую сторону контрастировали с вылизанным нулевым уровнем лаборатории. Но когда мы поднялись вверх, я понял в чем дело.

«Убитая» лифтовая кабина прекрасно вписывалась в интерьер верхнего этажа. Вернее, в его отсутствие. Разбитая мебель, выломанные из проемов двери, побитые временем и пулями стены, пара зловонных трупов, догнивающих на полу... Стандартный вид стандартного здания Зоны, зайдя в которое никто в здравом уме в лифт не полезет. Потому как знает: или ржавый трос оборвется, или пол провалится, или какая-нибудь тварь сверху прыгнет, проломив хлипкий потолок.

— И чего, план есть? — деловито осведомился Петренко.

— Если честно, то нету, — сказал Шрам. — Какой был, скурил, а новый купить забыл. А если серьезно, то пути у нас три. По Спортивной, по Гидропроектной или по Набережной улице.

— А обязательно по улице? — спросил Выдра. — Между домами никак? На юг бы, вдоль Лазарева да к станции Янов. Или в сторону теплиц, там огромный комплекс, есть где оторваться.

— Через весь город не пройдем, — покачал головой наемник. — В каждом доме снайперов до черта, да и патрули сбегутся. Если только рывком до речпорта... Но там река, а я, в отличие тебя, не выдра, чтоб вплавь спасаться. Остается рвать когти на запад. Там завод «Юпитер», можно попробовать оторваться через корпуса-заборы-цеха. Короче, Снайпер, похоже, твоя девочка в себя приходит. Пусть теперь сама идет, а нам твои руки и глаза понадобятся.

И вправду, она открыла глаза. Посмотрела на меня — и ничуть не удивилась.

— Спасибо, — прошептали ее губы. Потом она окинула взглядом окружающую обстановку, спутников, их оружие и потребовала уже вполне уверенным голосом: — Теперь я сама. Дай мне твой автомат.

— Держи.

Я готов был отдать ей всю Вселенную, но сейчас оружие и вправду было важнее

Вселенной.

— А это — тебе.

Наемник снял с плеча и протянул мне СВД. И, подумав пару секунд, добавил:

— Хреново дело. Возле грузовика двое и снайпер с ОСВ-96 на крыше пятиэтажки напротив. Держит наш сектор.

И вправду, ситуация была поганой. Крупнокалиберная снайперская винтовка ОСВ-96 под те же патроны, что болтаются в ленте нашего «Корда», легко прошьет бетонную стену здания вместе с нашими телами, если мы попробуем ввязаться в перестрелку с теми двумя «монолитовцами» возле грузовика. Но и даже в случае успешной ликвидации внешнего поста нам не уйти — при попытке бегом преодолеть простреливаемую зону снайпер по-любому перещелкает нас словно в тире. Лебедев все предусмотрел...

— А как ты их вычислил? — подозрительно прищурился Петренко.

— Силой мысли, — буркнул Шрам.

— Понял, — невозмутимо кивнул полковник. — Я слышал, что ты говорил в лаборатории, мутант. Просто хотел получить подтверждение твоему трёпу.

Я понял, что еще мгновение — и наемник пристрелит инвалида. Или шустрый инвалид — наемника. И успел вклиниться между двумя стволами.

— Тормозите, — сказал я, разводя в стороны «Винторез» и «Сомракт». — Совсем рехнулись? Выберемся — и разбирайтесь сколько влезет. А пока предлагаю следующее...

Но в мой план были внесены коррективы. Я сопротивлялся недолго, понимая, что в данной ситуации это лучший выход — иначе нам просто не выйти живыми из здания...

Не знаю, как там у «монолитовцев» с противоположным полом, может, Выдра потом расскажет, если выживем. Но когда она вышла из подъезда лаборатории в одной футболке и камуфлированных штанах, все трое отреагировали.

— Давай, — коротко бросил Шрам, и я, высунувшись из окна на мгновение, выстрелил в полукруглый силуэт головы, показавшийся над крышей. Сбоку коротко простучал «Винторез» наемника — видать, фанатики, оборудовавшие в самосвале огневую точку, тоже попытались получше рассмотреть невиданную в Зоне ходячую аномалию. Рассмотрели. Даже третий глаз наверняка заполучили меж бровей, как и мой снайпер на крыше.

— А теперь — ходу! — взревел наемник... и остановился.

Потому что эхом моего выстрела с востока донесся слабый, но отчетливо слышный раскат. Потом еще один. И еще...

— Снайпер, — сказал я. — Сто пудов.

— С крыши Дома допризывников хреначит, — моментально определил Шрам. — Там больше неоткуда, городской парк вокруг.

— На себя отвлекает, — добавил Петренко. — Сейчас «монолитовцы» толпой туда повалят — им серийный убийца интереснее одиночного выстрела здесь.

И вправду, на западе примерно в километре от нас началась ожесточенная стрельба.

— Значит, путь у нас теперь один, — пробормотал наемник.

...И он был абсолютно прав. Кто бы там сейчас ни прорывался в Припять со стороны реки, это был наш шанс уйти из города живыми.

Мы бежали по улице, состоящей из бетонных плит, меж которыми серой гребенкой густо проросла трава. По обеим сторонам Набережной, словно лапы чудовищ, протянулись к нам ветви изуродованных мутациями деревьев. Когда-то давно город, наверно, утопал в зелени. Сейчас же он тонул в эманациях мертвой, облученной земли, уродующих и растения, и тех, кто когда-то давно были людьми...

Впереди показалась девятиэтажка с выцветшей надписью, сделанной краской на стене: «Общежитие № 19». В окне третьего этажа мелькнул какой-то блик, и я выстрелил навскидку. Через подоконник перевалилось тело, почти незаметное на фоне изуродованной кислотными потеками бетонной стены, и рухнуло вниз. Здесь, в городе, серый камуфляж расцветки «Урбан» был как нельзя кстати, но «монолитовца» выдала блеснувшая оптика.

Стрелял бы из-за занавески или из глубины комнаты, и шансы на удачный выстрел возросли бы неизмеримо. Просто фанатики чувствовали себя в Припяти слишком свободно — и вот результат.

— Сейчас справа кафе будет, там на крыше пулеметное гнездо, — сообщил Шрам. — Ну что, «монолитовец», справишься?

Вместо ответа Выдра перехватил поудобнее «Корд», выдохнул и, вывернувшись из-за угла общежития, дал две коротких очереди прямо с рук.

Шрам довольно шустро ушел в кувырок, прокатился возле ног сталкера, поливающего из пулемета крышу кафе, и, выдернув из-за полы пыльника очередную гранату, швырнул ее из положения лежа.

Громыхнуло знатно — не иначе на крышу одноэтажного кафе фанатики стащили неслабое количество боеприпасов. На улицу в пяти метрах от меня с ведерным грохотом рухнул шлем от экзоскелета, из которого, словно пачка оторванных шлангов, торчали обрывки пищевода и артерий. Шлем прокатился пару метров на манер футбольного мяча и остановился. Из расколотого забрала на нас неподвижно смотрели остекленевшие глаза.

Я покосился на девушку, но она лишь равнодушно скользнула взглядом по оторванной голове. Сейчас ее гораздо больше интересовал расположенный неподалеку портал стадиона и возможные цели, которые могли появиться на нем с минуты на минуту.

— Чисто, — бросил через плечо Выдра... и резко согнулся, чуть не выронив пулемет.

— Твою мать!

Наемник быстро катнулся назад, что твой мутировавший еж, я же ухватил Выдру за разгрузку и со всей дури дернул его на себя, увлекая под защиту угла здания. Вторая пуля, пролетев через то место, где только что стоял пулеметчик, выбила из дороги солидный кусок плиты.

Тысяча снайперов! Дорогу держит снайпер. Но откуда был выстрел?

— С колеса обозрения, — выдохнул Шрам. — Как он?

Выдра криво усмехнулся. Его живот был весь в кровище. Пластина бронежилета, в которую попала пуля, вспорола брюшину не хуже мясницкого ножа. Не иначе у стрелка, засевавшего на колесе, тоже была или ОСВ-96, или КСВК, с километра пробивающая любую десятимиллиметровую броню.

— Дежавю, — сказал Выдра. — Но на этот раз вы лучше меня пристрелите, чтоб опять какого геморроя не вышло.

— Хрен ты угадал, — сообщил я ему, разрывая зубами упаковку широкого бинта из научной аптечки — благо этого добра навалом было в лаборатории Лебедева. — Больно ты ценный материал, они ж из твоего трупa по-любому какого-нить монстра вылепят...

Я трепался, бинтуя Выдру, а сам лихорадочно думал.

Так, фанатик сидит на колесе и бес его знает, в какой люльке именно. Твою мать, в этой дуэли мы по-любому в проигрыше! «Монолитовец» контролирует весь сектор, а мы его не видим...

— Слушай внимательно, Снайпер, — сказал Шрам, аккуратно кладя «Винторез» на землю. — У тебя будет секунды две-три. Я ему собью прицел, а ты стреляй.

— Ты точно уверен, что он в тебя не попадет? — спросил я, уже догадываясь, что собирается сделать наемник.

— В Зоне ни в чем нельзя быть уверенным, — хмыкнул Шрам, откидывая капюшон пыльника...

Я видел, как на его шее начинают страшно набухать вены, как на лице, от которого разом отхлынула кровь, пустыми мешочками провисла кожа и как белки его глаз стремительно затапливает чернота. В моих ушах раздался пронзительный звон, от которого захотелось упасть, обхватить голову руками и завывать, словно дикое животное. Но Шрам уже отвернулся от меня и шагнул из-за укрытия.

Выстрел раздался сразу же. Пуля цвиркнула о бетон дороги, но я точно знал, что

свинцовая смерть со стальным сердечником внутри могла просто пройти сквозь тело, практически не потеряв при этом в скорости.

Нереальный, нечеловеческий вой пронесся над Припятью. Хотя, возможно, этот потусторонний вопль звучал лишь в моем мозгу, разрывая нежные связи между нейронами. Мир двоился, троился перед глазами, но я нашел в себе силы сделать шаг и вскинуть к плечу СВД.

Шрам с непокрытой головой неестественной рваной походкой шел к колесу обозрения. А со второй люльки от вершины одна за другой сверкали точечные вспышки.

Я выстрелил раз. Второй. Третий...

Что-то сильно рвануло меня за рукав, и я чуть не выронил винтовку. Одновременно мир перестал разваливаться на полупрозрачные слои, и я осознал, что все еще жму на спуск, хотя в СВД закончились патроны.

— Ты сделал его, Снайпер, — раздался у меня над ухом голос Петренко. — А он, похоже, сделал наемника.

Рукав моей куртки уже успел пропитаться кровью. Пуля по касательной вспорола предплечье, похоже, в том же месте, где до этого прошелся коготь подземного мутанта. Но боли я не чувствовал. Я смотрел на распростертое тело и на то, как асфальт возле него окрашивается в красное. Потому что кровь этого контролера была того же цвета, что и моя.

Внезапно я услышал как за моей спиной клацнул затвор автомата — и резко обернулся.

— СБУ, — коротко произнесла она, опуская бинокль и поднимая к плечу оружие.

Эти три буквы для любого сталкера значат лишь одно — стреляй, иначе убьют тебя. Служба безопасности Украины — это даже не вояки, охраняющие Периметр. Это правопреемники КГБ УССР, элитный спецназ, порой занимающийся зачисткой отдельных районов Зоны в рамках борьбы с организованной преступностью. Хотя Японец говорил, что не зачистки это, скорее всего, а банальные тренировки личного состава Главного управления по борьбе с коррупцией и организованной преступностью... то есть украинской группы «К». Японцу было виднее — он до встречи с группой Меченого работал на российскую группу «К» — Комитет по предотвращению критических ситуаций. И думается мне, неслучайно российский и украинский элитный спецназ носит одно и то же неофициальное название...

Вдоль улицы короткими перебежками двигались бойцы в серой униформе. Броники, разгрузки, шлемы, противоосколочные очки — вроде ничего необычного. Но то, как они передвигались, мне очень не понравилось. И ведь как не вовремя! Шрама бы перевязать, вдруг еще живой?..

Но времени не было. То, что они пока не заметили нас, — чистая случайность. Полоса густого мутировавшего кустарника высотой почти в рост человека пока укрывала наш маленький отряд, но еще десять шагов — и мы попадем в сектор обстрела. И уйти вряд ли удастся. Город я не знаю, зато его отлично знают «монолитовцы», которые уже наверняка бегут сюда по нашим следам на звук взрывов и выстрелов... Да и как уйти, когда моя группа это инвалид, девушка и двое раненых? Что ж, остается только одно.

Я вскинул СВД, глянул в прицел... и опустил винтовку. А потом и, вовсе закинув ее за спину, бросил через плечо:

— Не стрелять! — и склонился над Шрамом.

Тот еще дышал, но помочь ему могло только чудо. Да, он сумел ментальным ударом сбить прицел «монолитовца», но тот все же был отличным снайпером и промахнулся ненамного. Первая пуля насквозь прошла грудь, вторая разворотила верх трапециевидной мышцы, пройдя в двух пальцах от сонной артерии. Третья вспорола кожу у меня на предплечье. Наверняка смотрится жутко, крови много, но по сути — царапина...

— Я не понимаю... — раздался жалобный девичий голос у меня за спиной.

— Группу спецназа ведут Меченый и Японец, — сказал я, вновь открывая аптечку — хотя, признаться, в ней не было практически ничего, что могло бы отсрочить смерть наемника...

* * *

— Так это ж мутант, — сказал молоденький санинструктор, лишь бросив взгляд на умирающего. — Даже на органы не сгодится, не донесем. Проще пристрелить.

И потянулся за «Фортом», висящим в кобуре на поясе...

Признаться, такого рева я не слышал с тех пор, как мы замочили болотного кровососа. И еще вопрос, кто орал громче.

— Я тебе, сука, покажу мутанта! Да я за него сам тебя первым пристрелю!!!

Все, кто стоял рядом, удивленно воззрились на Петренко. Один из основателей группировки «Долг» был известным борцом за полную зачистку Зоны от мутантов. И вдруг — такой сюрприз.

— И если он не выживет, то будь уверен — вылетишь из СБУ с волчьим билетом! Ты понял?

Похоже, санинструктор понял. Тесные контакты «долговцев» с безопасниками давно уже не были секретом ни для кого в Зоне. Потому хоть лицо парня и пошло красными пятнами, но он сумел сдержать себя в руках и скинул с плеч на асфальт объемистый рюкзак.

— Сделаю все, что смогу, — буркнул он, доставая из него... сталкерский пояс с шестью контейнерами. И пояснил: — Медицина здесь бессильна. Остается только Зоне помолиться.

— Молись быстрее, парень, — посоветовал ему старший группы с майорскими звездами в обрамлении листьев калины на погонах. — Судя по моему тепловизору, через десять минут здесь будут минимум три тяжелых ударных группы «Монолита». К тому же учти, у тебя второй раненый.

— На всех хватит, — мрачно сообщил санинструктор, извлекая из контейнеров два небольших светящихся шарика и две хреновинки причудливой формы. — До речпорта точно доберутся, а там как Зона на душу положит.

Да, неплохо живет спецура. С целебными «Светляками» и «Вывертами», гасящими радиоактивное излучение этих воистину волшебных шариков, у Шрама с Выдрой появлялся реальный шанс. Только вопрос — на что? Действительно, имея при себе такие редкие и дорогие артефакты, человек может и с пулей в сердце пару часов протянуть, причем двигаясь довольно активно. Но потом-то подарки Зоны разрядятся, а пуля останется...

— Ранеными займется сержант, — подытожил майор. — У нас есть сведения, что угроза международного конфликта исходит из лаборатории Икс-восемь. Вы идете оттуда?

— Точно, — кивнул я. — Только угрозы больше нет, майор.

— И куда она делась? — мрачно поинтересовался Японец.

— Профессор Лебедев ушел в мир иной, — абсолютно серьезно сказал я, ни капельки при этом не соврав.

— А тех двух уродов, что убили твоих жену и сына, я прикончил лично, — прохрипел Шрам, открывая глаза. К его телу были плотно примотаны бинтами «Светляк» и «Выверт», а их действие на организм, как известно, практически мгновенное.

Японец лишь еле слышно скрипнул зубами. Понимаю его. Я бы тоже на его месте желал от всей души расквитаться с кровниками своими руками. Но что случилось — то случилось, и ничего с этим не поделаешь.

— Тогда отходим к исходной точке, — распорядился майор.

В его распоряжении было два отделения по шесть бойцов в каждом, из чего я сделал вывод что, скорее всего, это неофициальная акция. Майор на свой страх и риск дернул наиболее отмороженных добровольцев из своей роты... только вот вопрос, зачем ему это надо?

О чем я и спросил, пока санинструктор, закончив со Шрамом, бинтовал Выдру.

— Ты кто? — вместо ответа довольно резко спросил майор.

— Человек прохожий, обшит кожей, — хмыкнул я. Каков вопрос — таков ответ. Видно, что спецназовец в Зоне и на войне не новичок, но и зарываться ему не стоит. Пока что еще вопрос кто кому должен. — Теперь и ты себя обозначь.

Майор поиграл желваками, но решил, что не стоит превращать возможного союзника во врага.

— Дегтярев, — коротко сказал он.

— Снайпер, — в тон ему ответил я.

Мы внимательно посмотрели друг на друга. Понятно. Не только я слышал о нем, но и он обо мне. И это хорошо.

— Так вот, Снайпер, — сказал майор. — Я тут потому, что мне за державу обидно. И не хочу я, чтоб на нее были пиндосские ракеты нацелены. Думаю, все просто и понятно.

— На какую именно державу? — уточнил я. — Ты ж вроде русский.

— На славянскую землю, — произнес Дегтярев. — У любой нации есть свои подонки и свои герои, и лично мне по барабану кто русский, а кто украинец. Все мы — славяне, и в нацистских лагерях наших дедов одной меркой мерили. Думается мне, в пиндосских или китайских будет то же самое.

— Хорошо сказал, майор, — кивнул я. — Теперь о деле. Это все твои бойцы, с кем ты пришел в Припять?

— Третье отделение прикрывает отход у речпорта, — сказал Дегтярев. — Мы там пост «Монолита» положили при высадке и сейчас по пути еще троих. Сами легко отделались, один «трехсотый», и то слегка. Фактор неожиданности сыграл. Но сейчас, думаю, начнется.

Он глянул на экран КПК. Интересная модель, первый раз такой вижу. Не иначе какая-то новая военная разработка.

— Бардак не только у нас, — хмыкнул майор. — Пока «монолитовцы» приказы получают да по тревоге экзоскелеты напялят, по идее, можно силами батальона всю Припять зачистить.

— Ты сейчас здесь стоишь потому, что один принял решение и никто о нем не знал, кроме тебя, — сказал я. — Твой батальон еще с базы не выдвинется, а Харон о нем уже знать будет и приготовится соответственно.

— Это да, — вздохнул Дегтярев. — Я ж говорю, бардак везде. Как и суки продажные.

— Готово, трищ майор, — доложил санинструктор. И добавил: — Только один комплект «ноль» остался. И аптечки...

— Нормально. У других и того нет. Отходим, — бросил майор.

Группа, оцетинившись стволами, двинулась назад. Медленно. Выдра был совсем плох, а Шрам заметно приободрился. Даже пыльник свой накиннул и «Винторез» обратно потребовал. Да уж, со сквозными ранениями такое возможно только в Зоне...

— От ДК «Энергетик» через парк наперерез нам движется взвод противника, — сказал Дегтярев, бросив взгляд на экран КПК. — Похоже, «черепашки» в экзоскелетах. Напролом через кусты прут. Вторая группа численностью до роты идет по Гидропроектвской, судя по скорости — без тяжелой брони.

— Решили нас в клещи взять. Похоже, намечается заварушка возле кинотеатра, а майор? — сказал Меченый, на ходу присоединяя гранатомет к своему неизменному АКС-74УБ.

— Третий, я первый, — вместо ответа проговорил Дегтярев в наплечную рацию. — Возвращаемся по набережной. У нас три «трехсотых», один тяжелый... Готовьтесь прикрыть.

— Есть прикрыть, — раздался голос из динамика. И добавил восторженно: — Ух, дед молодец, трищ майор. Что не выстрел — так «груз двести»!

— Отставить базар в эфире, — произнес майор, нажимая на танкету.

— Лесник с крыши Дома допризывников Гидропроектвскую держит, — пояснил Меченый.

— Догадался, — кивнул я. Понятно теперь, чью трехлинейку я слышал еще возле выхода из лаборатории. Но если у «монолитовцев» имеется хорошо обученная антинсайперская группа или хотя бы что-то потяжелее «Валов», один Лесник на крыше против роты долго не продержится.

— Бегом, — скомандовал Дегтярев.

Группа ускорила темп. Я видел, как исказилось лицо Шрама. Понятно, с такими дырками в организме даже при наличии целебных артефактов рекомендуется хирург, анестезия и операционная, а не пробежка по разбитым бетонным плитам. Я дернулся было помочь, но меня опередили. Петренко подставил плечо раненому, и тот от помощи не отказался.

— Давай я, полковник, — предложил Меченый.

— Ты лучше за секторами следи, — отрезал Петренко. — Из меня сейчас боец неважный, а механические ноги особо усилий не требуют.

— Принято, — кивнул Меченый.

И вправду, сейчас каждый боец на счету. Потому как заварушка началась серьезная.

Дорога перед нами нырнула в своеобразный тоннель, образованный густо разросшимися ветвями деревьев, которые нависли над бетонкой и переплелись вершинами на высоте примерно трех метров. Темная такая кишка, крайне неприятная с виду. Тем более что сверху свешивались рваные лоскуты «Жгучего пуха», меж которыми наблюдались крайне подозрительные тонкие ветки, смахивающие на лианы.

Понятно. «Пух» ослепляет жертву, а гибкие ветви подтягивают жертву к плотоядным деревьям. Судя по пятнам копоти, «монолитовцы» пару раз уже выжигали огнеметами колонию деревьев-симбионитов, но те наверняка восстанавливались во время Выброса. Такие дендромутанты если прижились где, то хрен их чем выкуришь.

— Диденко, твой профиль, — бросил Дегтярев.

Жилистый солдат с рюкзаком за спиной явно больших размеров, чем у остальных, с ловкостью фокусника извлек из него не то большой пистолет, не то маленькое помповое ружье с пистолетной рукояткой, к которой от рюкзака тянулся гибкий шланг в металлической оплетке. Миг — и струя пламени ударила из ствола оружия, о котором я раньше даже не слышал. Не иначе модернизированный потомок ЛПО-50, у которого и дальность поражения повыше, и смесь покруче, и зарядов побольше. Для Зоны самое то, что нужно.

За пару секунд темный, зловещий тоннель превратился в огненное полукольцо. Но Дегтярев не стал дожидаться пока дерево прогорит.

— Вперед! — скомандовал он и первый бросился в ревущее пламя.

Ход был верным, так как с другой стороны тоннеля уже началась ожесточенная перестрелка. «Монолитовцы», атакующие прикрытие Дегтярева, наверняка обернулись на отблески огненного сюрприза, внезапно возникшего за спиной, — и тут же ослепли на несколько секунд. Многие, особенно начинающие сталкеры и военные даже днем используют современные приборы ночного видения, дающие улучшенную картинку окружающей обстановки, — ведь в Зоне почти всегда царит мрачный осенний полумрак. Солнце не балует своими лучами зараженную землю. Но старожилы не рекомендуют злоупотреблять подсветкой — яркая вспышка или мощный источник открытого огня может избыточно резануть по глазам, и ты просто не увидишь того, кто уже поймал в прицел своего автомата твой навороченный шлем со встроенным ПНВ.

Мы выскочили из огненного коридора очень вовремя.

Справа горела крыша одноэтажного Дома допризывников, из его узких окон, напоминающих бойницы, валил дым. Не иначе из легкого миномета накрыли. Если так, жаль Лесника, обстоятельный был дед.

А на площади за домом кипел бой. Я сразу узнал это место, фотографии которого имелись в КПК каждого сталкера. Кинотеатр «Прометей», перед которым вознес руки к низкому небу Зоны бронзовый античный герой, подаривший людям небесный огонь. После

Первого Взрыва люди попытались перенести памятник, но гигантский Выброс Второго Взрыва необъяснимым образом вернул монумент на старое место.

За памятником на V-образных опорах возвышались воздушные конструкции речного вокзала, за которыми прятались бойцы в униформе СБУ. Правда, мельком глянув в прицел, я разглядел и несколько фигурок в сталкерских защитных костюмах. Вряд ли когда я еще увижу такой сводный отряд, воюющий вместе против одного и того же противника, — ведь обычно они стреляют друг в друга. Но сегодня Зона решила по-другому...

Два бронированный «монолитовца» со «Шмелями» в руках тупо уставились на нас через светофильтры своих шлемов. Не иначе горящий Дом допризывников — дело их рук. И прежде чем гранатометчики, осознав происходящее, успели поднять трубы огнеметов, я выстрелил дважды почти не целясь — чтобы промахнуться с такого расстояния, надо очень постараться.

Когда винтовочная пуля, пробив бронестекло, пронзает череп, то задней стенки шлема она достигает уже сильно деформированной, и пробить броню ей не под силу. Но силы ее удара о шлем вполне хватает на то, чтобы тяжеленный боец в экзоскелете рухнул навзничь как подкошенный, да еще по инерции с полметра по асфальту на спине проехался. Понятное дело, уже мертвым.

Я молниеносно сменил пустой магазин на полный и при этом успел услышать из-за кустов удовлетворенный голос:

— Опаньки, полегли как озимые.

Мельком бросив взгляд направо, я увидел, как из хитросплетения ветвей вылезает знакомый дед с винтовкой в руках. Отлично, Лесник успел свалить с проблемной крыши! Но поздороваемся попозже.

Бойцы Дегтярева рассыпались за естественными укрытиями, поливая огнем «монолитовцев», заполнивших площадь. Те растерянно заматались, отстреливаясь и пытаясь укрыться от перекрестного огня. Но все-таки их было слишком много...

Спецназовец, укрывшийся за ржавым «Москвичом», сполз по капоту, пятная его свежей кровью. Второй, стрелявший из положения лежа, ткнулся лицом в ствольную коробку, словно сильно устал и решил отдохнуть, положив под простреленную голову свой автомат.

— Вот суки!

Голос, прозвучавший за моей спиной, был на редкость хриплым. Неудивительно — обычно люди с легким, простреленным насквозь, вообще не говорят. Но это не был голос человека.

— Тормози, Шрам, — бросил я не оборачиваясь. — Второй ментальный удар убьет тебя.

— Иначе всем труба, — прохрипел наемник.

Он был прав. На противоположный конец площади вступали наконец-то добравшиеся до места битвы бойцы «Монолита» в тяжелых экзоскелетах четвертого поколения. Я выстрелил — но пуля лишь скользнула по шлему одного из фанатиков, выбив из него сноп искр.

— Каратели в броне с аномальной защитой, — хмыкнул Шрам. — Ох, уходите отсюда, мужики, пока целы.

Он шагнул вперед — в пыльнике, с капюшоном, надвинутым на голову, и с «Винторезом» в руках. Я не видел его глаз — он стоял боком ко мне. Но мне казалось, что воздух перед его лицом дрожит и плавится так же, как горели сейчас мозги фанатиков под воздействием ментального удара невиданной силы...

Я увидел, как пуля рванула коричневый пыльник, и выстрелил. Странно, но сейчас последствия направленного в сторону от меня голоса контролера переносились мной куда лучше. Может быть, выработался иммунитет, а может, я просто вновь впал в то странное состояние, когда стрелок осознает себя частью своего оружия. Я стрелял не пулями, а

кусочками своей плоти, на долю мгновения опережая тех, кто целился сейчас в наемника. Я знал: вот сейчас этот урод с запрограммированными на смерть мозгами точно попадет в *нашего* контролера, — и успевал раньше него нажать на спусковой крючок. В большинстве случаев мои выстрелы не причиняли вреда слишком хорошо защищенным фанатикам, но по крайней мере сбивали прицел, и пули, выпущенные из их автоматов, летели мимо...

При этом сейчас я странным, непостижимым образом видел все поле боя...

Дегтярева, сосредоточенно стрелявшего по хладнокровно выбранным целям...

Меченого, короткими очередями сдерживавшего напор «монолитовцев» и одновременно говорящего со своим автоматом как древний воин со своим живым мечом, несмотря на то что из его простреленного плеча хлестала кровь...

Мою девушку с глазами чистыми, словно небо Большой земли, что, впрочем, не мешало ей весьма прицельно посылать во врагов пулю за пулей...

Петренко, усилием воли сдерживающего боль в руках при каждой отдаче, но продолжавшего палить по-македонски, уперев стальное колено в землю Зоны...

Лесника, залегшего в кустах и сокрушающегося по поводу последней оставшейся у него обоймы с антикварными пулями, покрытыми мельхиоровой оболочкой...

Видел я и других бойцов, укрывшихся за стенами речного вокзала. Видел так, словно сам был ими. Трех оставшихся в живых солдат СБУ и тех, кто вместе с ними прикрывал наш отход...

Японца, очень выборочно поражавшего цели из бесшумной «Грозы 4А-03», так как патронов у него оставалось всего лишь полмагазина...

Призрака, залегшего на крыше павильона и ведущего огонь из укороченной снайперской СВУ...

Клыка, приникшего к старенькому, но надежному АКМ...

Проводника с автоматом МП-5, неказистым на первый взгляд, но на удивление эффективным в умелых руках опытного бойца...

Двух сталкеров, которые — я ясно чувствовал это — не совсем принадлежали этому миру. Один, с квадратной челюстью боксера и немигающими глазами профессионального убийцы, расчетливо и весьма точно стрелял из немецкой автоматической винтовки НК G36. Второй, звероватого вида рыжебородый мужик, залег с «Валом» в руках на козырьке одноэтажного кафе «Припять». Мы с ними обязательно познакомимся потом, если останемся в живых, хотя я и так откуда-то знаю, что их зовут Кэп и Корень...

Видел я и Левшу, сменившего огнемёт на автомат Никонова и поливающего из него бронированные фигуры фанатиков. Может быть, потом я узнаю, как ему удалось выбраться из лаборатории X-16 и присоединиться к отряду Дегтярева. Может быть, потом...

А еще я видел странное существо с пулеметом, пронзительными зелеными глазами и рукой, больше похожей на костяной меч, которому тоже зачем-то было нужно, чтобы наша группа осталась в живых...

Но я понимал, что это невозможно. Что пусть даже Шрам сожжет некоторое количество мозгов за броней, защищенной искусственными артефактами, но я не смогу постоянно быть быстрее тех, кто сейчас стреляет в него... Что пускай обе наши группы еще ведут бой, и пока довольно успешно, но сейчас от Дворца культуры по улице Курчатова бегом несется сюда специальная штурмовая бригада американского спецназа «Антитаг» в странных, невиданных в Зоне нанокостюмах, которые вряд ли сможет пробить то оружие, что мы держим в руках. И что управляет всеми этими бронированными монстрами единый мозг, уже много лет живущий в подвалах ДК «Энергетик» и никогда не покидающий старого экзоскелета первой модели, присосшего к кошмарному телу словно вторая кожа.

Сейчас это существо сидело за столом и медленно водило пальцами по старой топографической карте, затягивая смертельную петлю вокруг площади с памятником, держащим в руках застывший в бронзе неистовый небесный огонь...

— Остановись, Харон, — сказал я. — Зона хочет, чтобы они жили.

На мгновение мертвые пальцы замерли.

— Кто ты такой, чтобы говорить от имени Зоны? — раздался беззвучный шепот из-под старого шлема.

— Сталкер, — сказал я. — Такой же, как и ты.

Следующее мгновение показалось мне вечностью...

— Хорошо, — прошептало существо, когда-то бывшее человеком. — Но кто-то должен заплатить за ученого. Жизнь за жизнь.

— Договорились, — сказал я. — Возьми мою. Только отпусти их.

— Как скучно... — раздалось из-под шлема. — И странно. Он принес людям огонь, который убивает их, а они ставят ему памятники... И Зона возвращает их на место... Я не понимаю людей и, наверно, не понимаю Зону. Так же, как не понимаю тебя. Но ты согласился заплатить за их жизни — и ты заплатишь...

Грохот боя ворвался в мое сознание, как водопад, хлещущий сквозь пролом в плотине. Он смел меня, как пушинку, завертел в водовороте и швырнул на асфальт, пахнущий сгоревшей травой и спекшейся кровью...

Внезапно я понял, что не валяюсь мертвым возле ног античного героя, а лечу над пристанью, на которую по широкой лестнице сбегают люди. *Мои* люди. Причем именно *люди*. Все до одного. Потому что человек ты или нет определяется не совершенством тела, скрытого под твоей одеждой, а чистотой души, которая живет в этом теле. Я даже успел удивиться — посадкой в десантные лодки деловито руководил торговец по имени Жила, время от времени с опаской поглядывая на верхнюю часть лестницы.

Там стояло существо странного вида в костюме, напоминающем гипертрофированные, волокнистые мышцы, с которых содрали кожу. В лапах монстр держал оружие, сильно напоминающее штурмовую винтовку XM-29 OICW, но явно другой модификации.

Глаза твари горели ненавистью, но она почему-то не могла сдвинуться с места. И лишь когда четыре лодки отвалили от пристани и исчезли за излучиной Припяти, она шевельнулась, внимательно посмотрела вслед людям, повернулась и мягко побежала обратно, вглубь мертвого города по площади, заваленной трупами бывших членов группировки «Монолит».

* * *

— Хода нет — ходи с бубей.

— Да нет бубей, хоть палкой бей!

— Ладно, не парься, карта не лошадь — к утру повезет...

...Голоса звенели где-то на краю сознания, и я ясно различал слова. И даже почти понимал смысл. Народ азартно режется в карты, и при этом нет никакого постороннего шума. Я в помещении... Тюрьма? Вполне может быть. Только для того, чтобы это выяснить, надо открыть глаза. Осталось лишь сделать невероятное усилие и поднять веки...

Свет больно резанул по зрачкам, и я снова зажмурился. Черт, похоже, я успел от него отвыкнуть. А ну-ка еще раз!

Со второго раза получилось лучше. Так. Стены, крашенные в зеленое, но без тюремной «шубы». Уже хорошо. Высокие потолки, люстра-шар, засиженная мухами, потрескавшаяся лепнина над ней еще советских времен. Похоже, больничная палата. И голоса:

— Лучше друг без двух, чем сам без одной.

— Тушкан тебя задери! Не может так человеку везти!

— Это точно, человеку — не может. А ему — запросто.

Я с усилием повернул голову и еле сдержал стон. Это оказалось очень больно. Тело словно нашипиговали иголками и обмотали колючей проволокой. Но оно слушалось — и это было уже очень хорошо.

— Так ты подумай два раза, прежде чем ходить с туза.

— Не,дохлый номер. Интеллект против фарта бессилён...

Они сидели вокруг стола как живая иллюстрация к картинке «То, чего не может быть никогда». Сталкер, «долговец», «монолитовец» и... мутант. Последнего я видел со спины, но ошибки быть не могло. Широкие плечи, перебинтованный торс со стерильными салфетками в местах выхода пуль и шея со следами растяжек — такие остаются на коже культуристов, перестающих колоть анаболические стероиды... и, как я теперь понимаю, контролеров, умеющих принимать человеческий облик.

Или людей со способностями контролера.

Словно почувствовав мой взгляд, наемник внезапно обернулся — и его физиономия расплылась в улыбке. Надо же, он, оказывается, умел улыбаться.

— Смотрите-ка, наш экстрасенс очнулся! — заорал Шрам, отбрасывая в сторону стул и швыряя на стол карты.

— Ишь ты, никогда не думал, что в колоде пять тузов, — задумчиво проговорил Меченый, скользнув по ним взглядом. — Пошли, брат, посмотрим еще на одного мутанта.

Он подставил плечо Выдре, со второй стороны бывшего «монолитовца» страховал Петренко.

— Вот ведь, снарки полосатые, живы... — прошептал я.

— А ты как думал? — самодовольно хмыкнул Шрам. — Не только живы, но и тебя вытащили. Хммм... и меня.

— Угу, — сказал Меченый. — Вот радости-то было двух дохлых мутантов на себе волочь аж с самих армейских складов. Спасибо Болотному Доктору — как чувствовал, встретил нас на «Ростке».

— Если б «монолитовцев» в Припяти кондратий не обнял, лежали бы мы все сейчас на той площади, — сказал Петренко. — Так что скажи спасибо мутантам. Кстати, я что-то не понял, а с какой это радости Снайпер мутант?

— Так это он с Хароном договорился, чтоб мы уйти смогли. Силой мысли. Такое даже мне не под силу, — сказал Шрам. — Жаль, что «монолитовский» прототип Болотный Доктор у него позавчера из-под скальпа вытащил, а то был бы стопроцентный киборг. Но, кроме шуток, до сих пор интересно, откуда у Снайпера такие способности?

— Видел бы ты, как его Исполнитель желаний направленным лучом приложил, вопросы б сами собой отпали, — усмехнулся Меченый.

— Ишь ты, а сам прям ни разу не мутант, — сказал я. — Помню я то поле «Жарок» под мостом, меня не проведешь.

Меченый сделал лицо честного бродяги, оскорбленного в лучших чувствах.

— Да какие вы... мутанты, — с усилием проговорил Выдра. Видно было, что слова пока давались ему с трудом. — Все мы здесь в Зоне так или иначе... другие. Сталкеры... одним словом.

— Это точно, — кивнул Шрам.

— А все-таки ты здорово похож на контролера, — улыбнулся я. — Особенно сейчас, с бинтами.

— Да иди ты, — отмахнулся наемник. — Вот, лучше смотри, чего тебе жена притащила.

Он нагнулся, открыл дверцу прикроватной тумбочки и вытащил оттуда объемистую сумку. В палате остро запахло жареной курицей и еще какими-то вкусностями. Но, хотя желудок предательски дернулся, слова Шрама меня удивили.

— Жена? — переспросил я.

— А как же, — отозвался Меченый. — Или почти она. Все-таки девчонка, ради которой мужик дважды ставит на уши Зону и разок параллельный мир, стоит того, чтоб на ней жениться. Нам Доктор все рассказал, пока ты в отключке валялся. Шрам даже свадебный подарок для нее приготовил, который, кстати, вытащил тебя с того света. Вон он, полюбуйся.

Наемник, стоявший ближе ко мне, подцепил пальцем и отбросил в сторону угол одеяла,

прикрывающий мою руку.

«Дочкино ожерелье» сияло ровным лазурным светом, обернутое вокруг моих пальцев словно четки буддистского монаха.

— Зарядились? — не поверил я. И посмотрел на Шрама. — Это и была цена твоего контракта с Лебедевым?

— Точно, — кивнул он. — Профессор как-то умудрился их реанимировать, а они не только вытащили тебя с того света, но и, в свою очередь, зарядили свадебный подарок для тебя.

Сказав это, Шрам загадочно подмигнул мне и повернулся к Меченому. Тот улыбнулся, сунул руку за полу больничного халата и извлек оттуда... «Бритву».

— Контрабанда, — пояснил наемник, извлекая из ножен сверкающий клинок. — Если «долговцы» узнают, вою будет — не оберешься. У них на больничке порядки что в твоём концлагере. Хорошо, что их полковник с нами лежит, иначе — хоть вешайся. Чтоб я еще когда на их базе болел.

И протянул мне нож со словами:

— Дарю «Бритву» Снайперу. На свадьбу.

Блин, они что, сговорились, что ли? Хотя... наверно, они правы. Может, если я назову эту девушку своей женой, мне больше не придется переворачивать миры для того, чтобы еще раз увидеть глаза цвета единственного в мире артефакта. Тогда на острове она написала: «Каждая птица ищет свое небо, но это небо оказалось не моим». И кто знает, вдруг не на Большой земле, а под суровым небом Зоны нам суждено обрести свое счастье...

Эпилог

Там же в «долговской» больнице на «Ростке» я узнал, что, когда мы со Шрамом порознь отправились в Лиманск, Лесник случайно перехватил сообщение, переданное по секретному каналу Службы безопасности Украины. Некий майор Дегтярев докладывал своему руководству следующее: бывший командир отряда «Монолита» по кличке Бродяга, сумевший выйти из-под контроля торсионных установок фанатиков, узнал, что Лебедев сотрудничает с американскими спецслужбами. Будучи при Хароне кем-то вроде «серого кардинала», ученый сумел подчинить себе волю лидера «Монолита» и фактически управлял группировкой в интересах своих заокеанских хозяев.

Дегтярев требовал у руководства СБУ батальон спецназа для тотальной зачистки Припяти и ликвидации угрозы превращения Зоны в ракетную базу Соединенных Штатов. Но начальство наорало на майора, который лезет не в своё дело, и намекнуло, что дальнейшие попытки давления на руководство группой «К» чреваты снятием звезд с погон. На что Дегтярев высказался, что он лучше снова станет сталкером, чем будет спокойно смотреть на то, что творится на славянской земле. И отключился.

Лесник связался с майором и предложил помощь — тем более что в аномальном «кармане», окружавшем его избушку, тогда открылись сразу два выхода. Возможно, это было связано с тем, что к тому времени я удачно прошел через Лиманск. А возможно, и по другим причинам, о которых мы можем только догадываться, но никогда не будем знать наверняка — на то она и Зона...

Дегтярев, недолго думая, согласился, после чего Лесник кинул клич по сталкерским КПК.

Увы, отозвались немногие. Сотрудничество с СБУ в любых проявлениях считалось в сталкерской среде самым страшным грехом. Но те, кто откликнулся, пожалуй, вместе стояли того самого батальона, который требовал у своего руководства майор Дегтярев...

Они высадились недалеко от Лелева, в котором временно закрепились его рота, выбив оттуда «монолитовцев». Для того чтобы доставить раненых на «Росток», роте Дегтярева предстояло пройти всего пять километров. То есть обогнуть Чернобыль, минуя посты

группировки «Грех», состоящей из слепых мутантов, известных своей способностью стрелять на слух и на запах лучше многих зрячих. Когда-нибудь при встрече я непременно спрошу майора о том, как они прошли этот путь, неся на себе меня, Шрама, Выдру, а также своих раненых и мертвых бойцов. Потому что мои друзья упорно молчат, когда я пытаюсь узнать у них что-либо об этом пути, лишь отводят взгляд в сторону и переводят разговор на другую тему...

Сейчас за окном ночь. Я сижу за столом и дописываю последние строки трилогии, которую я в свое время обещал дать почитать Лукашу, лидеру группировки «Свобода». Вот уж не думал, что когда-нибудь сдержу слово...

В соседней комнате, в спальне, спит моя жена. На прошлой неделе мы сыграли свадьбу в «Ста рентгенах». Первую в Зоне. Генерал Воронин распорядился на время медового месяца предоставить молодым лучшие апартаменты — одноэтажный кирпичный барак с дверями и абсолютно целой крышей. Не думаю, что мы надолго здесь задержимся...

Я не знаю, как дальше сложится моя судьба. Свадьбой оканчивается много хороших историй... и, увы, начинается много плохих. Но я реально смотрю на жизнь и точно знаю, что, если потребуется, я еще раз переверну и Зону, и иномирье ради моей женщины.

Правда, при этом я понимаю, что человек даже с очень большим запасом личной удачи и друзьями-легендами не всесилен. В мире слишком много грязи, а нас, сталкеров, все-таки слишком мало. Но я точно знаю, что, если наших совместных усилий окажется недостаточно для того, чтобы справиться с новой бедой, я открою ящик стола, достану оттуда подарок Шрама и вскрою зыбкую стену между Зоной и зазеркальем. Потому что я уверен — там, в другом мире, лежащем за зыбкой стеной реальности, у меня тоже есть друзья, которые всегда придут на помощь в трудную минуту.